

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет имени Александра
Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

СОКОВ Алексей Анатольевич

**НИКОНИМ В ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ:
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Юдина Наталья Владимировна

Владимир – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. МЕСТО НИКОНИМА В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XXI ВЕКА.....	15
§1. Из истории изучения имени собственного	15
§2. Имя собственное как объект лингвистического исследования.....	21
§3. Активные процессы в русском языке XXI века в их отношении к современному ономастическому пространству.....	32
§4. О месте никонимов в ономастическом пространстве современного русского языка.....	43
<i>Выводы по первой главе</i>	51
ГЛАВА II. ВИРТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	54
§1. Лингвистическая прагматика как научная дисциплина.....	54
§2. Дискурс и «виртуальный дискурс»: конститутивные признаки и жанровые разновидности	67
§3. Языковая личность в условиях виртуального дискурса.....	80
<i>Выводы по второй главе</i>	87
ГЛАВА III. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ НИКОНИМА КАК ЕДИНИЦЫ ВИРТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА.....	89
§1. Принципы автономинации в виртуальном дискурсе.....	89
§2. Трансформация языкового знака в никонимах.....	95
§3. Специфика предметно-понятийных связей никонима.....	104
<i>Выводы по третьей главе</i>	113

ГЛАВА IV. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НИКОНИМА КАК ЕДИНИЦЫ ВИРТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА.....	116
§.1. Лексико-семантические особенности никонимов.....	116
§.2. Структурно-морфологические особенности никонимов.....	126
§.3. Функционально-тематические особенности никонимов.....	131
<i>Выводы по четвёртой главе</i>	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	143
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	147
БИБЛИОГРАФИЯ.....	148

ВВЕДЕНИЕ

Системное изучение ономастического пространства на современном этапе развития научной мысли имеет достаточно долгую и относительно утвердившуюся исследовательскую традицию. Особое положение имён собственных по отношению к нарицательным отмечалось учёными ещё в античное время. Уже тогда вёлся спор «об истинности имён и их пригодности для именованя вещей» [Суперанская 2009: 46]. Однако наблюдения греческих и римских философов, как и выводы, сделанные логиками эпохи Возрождения, вряд ли могут претендовать на место комплексных теоретических основ ономастической науки.

Методологической основой современной ономастической теории являются работы целого ряда отечественных (см. исследования В.Д. Бондалетова [Бондалетов 1983], Н.В. Васильевой [Васильева 2005], М.В. Горбаневского [Горбаневский 1987], В.А. Никонова [Никонов 1974], Н.В. Подольской [Подольская 1988], А.В. Суперанской [Суперанская 2009]) и зарубежных (ср.: М. Бреаль [Breal 1924], А. Гардинер [Gardiner 1940], П. Кристоферсен [Christophersen 1939], Дж. Ст. Милль [Милль 1865], Б. Рассел [Рассел 1957], К. Тогебю [Togeby 1951], Х.С. Сёренсен [Soresen 1963]) лингвистов.

На современном этапе широкий интерес к проблемам ономастики, сопровождающийся появлением многочисленных исследований, посвящённых её отдельным, частным явлениям, требует создания множества теоретических работ, которые, с одной стороны, обобщали бы разрозненные факты и, в частности, уточняли и унифицировали бы ономастическую терминологию, а с другой стороны, выявляли бы изученные и неизученные области этой комплексной дисциплины, указывая направление дальнейших исследований [Суперанская 2009: 5].

Онимы, как и любые лексические единицы, живо реагируют на все явления, происходящие в окружающей человека среде, в результате чего

имена оказываются регистраторами событий, имевших место в общественной жизни. Всё это фиксируется в именных основах. Вместе с тем, в зависимости от явлений, характерных для той или иной эпохи, могут быть выделены и онимические основы, типичные для определённого времени, поскольку слова, обозначающие актуальные явления, легко делаются основами собственных имён. Как отмечает Д.Ю. Ильин, «традиционное описание системной иерархии языковых единиц имеет определённые недостатки: в частности, обнаруживаются классы, явления и факты, полностью или частично выпадающие из классификационных построений, особенно в семантической системе» [Ильин 2003: 50]. Поэтому изучение современного ономастического пространства не может ограничиваться традиционными подходами к изучению языкового материала (сравнительно-исторический, структурно-описательный, логико-грамматический), а требует интеграции привлечения методологии междисциплинарных исследований.

Интеграция различных наук является примечательной особенностью языкознания конца XX – начала XXI в., поскольку лингвистика при изучении языковых систем также не может ограничиваться только рамками собственно языкового подхода. Поворот от анализа языковой системы как самостоятельной сущности к человеку говорящему обусловлен во многом антропоцентрическим подходом.

Общеизвестно, что, начиная с середины XX века, бурное развитие средств массовой информации, информационных технологий в целом, а также всепроникающие процессы глобализации современного мира привели к изменению исторических условий жизни языков и течения языковых процессов. Как отмечает Н.В. Юдина, «стало очевидным, что к языку нельзя относиться утилитарно только как к орудию передачи информации от одного человека к другому, как к универсальному средству общения, представляющему собой систему условных знаков» [Юдина 2010: 63]. Подобное отношение не может отражать ту духовную атмосферу, в которой формируется новое поколение. Поэтому при анализе современных языковых

явлений наряду с интралингвистическими факторами необходимо учитывать и влияние экстралингвистических позиций.

Важно также отметить, что современные условия развития общества, ускорение темпа жизни и развития человечества заметно влияет на скорость течения языковых процессов. Современные исследователи отмечают активные изменения, происходящие на всех уровнях языка. Вместе с тем, вновь активизировались процессы так называемой «игры с языком», однако не всегда они вписываются в традиционное понимание языковой игры, охарактеризованное ещё в середине XX века немецким философом Людвигом Витгенштейном. Сложным и неоднозначным в этой связи представляется вопрос о языковых единицах, создаваемых с намеренным нарушением орфографических норм. С одной стороны, подобное явление может вызывать как у лингвистов, так и у простых носителей языка исключительно отрицательную реакцию. Зачастую, как верно отметил И.И. Исаев, говоря об отношении к диалектной лексике как к «порче языка», формируется мнение, согласно которому «все чужое для бытового сознания обычного носителя языка является «опасным», отличающееся агрессивно и несуразно громоздится рядом с привычным и правильным» [Исаев 2010]. С другой стороны, по справедливому замечанию Н.В. Юдиной, подобные явления «при последующем изучении дают возможность констатировать факт проявления одной из уникальных способностей языковой личности к самовыражению» [Юдина 2010: 135-136].

Вместе с тем, современная эпоха с её прорывом в области информационных технологий вызвала к жизни появление новых лексических единиц, которые ранее по определению не могли встречаться ни в литературе, ни в коммуникативном пространстве социума. Одной из таких языковых единиц можно считать так называемый «ник» (от англ. *nic-name*), или «никоним» – имя, используемое при компьютерном общении в Интернете. Главный вопрос, который возникает в связи с обсуждением их сущностных свойств, – это вопрос об автономной либо подчинённой,

совпадающей со статусом подвида, позицией новых именных знаков в антропонимической системе. Другими словами, следует ли говорить о целесообразности выделения новой функциональной единицы или это лишь вариация онима, перенесённого в новую сферу речевого взаимодействия. Этот вопрос частично представлен в работах Т.В. Аникиной [Аникина 2009, 2010], Д.И. Ермоловича [Ермолович 2001], В.М. Капацинского [Капацинский 2004], А.В. Ходоренко [Ходоренко 2006, 2007] и некоторых других современных исследователей.

Вместе с тем, никоним становится объектом исследования не только традиционной ономастической науки, но и изучается в русле современных тенденций развития гуманитарного знания, в частности в лингвофилософии, психолингвистике, лингвокультурологии, социолингвистике, когнитивной лингвистике, лингвопрагматике. Как отмечает М.Ю. Сидорова, в интернет-пространстве «естественный язык живет в реальном повседневном функционировании, где узус и норма, речевая деятельность, языковая система и текстовый материал находятся в постоянном взаимодействии, где языковые изменения осуществляются через устную и письменную коммуникацию» [Сидорова, Шувалова 2006: 137-138]. В связи с этим обусловлено появление таких понятий, как *виртуальный дискурс* и *виртуальная языковая личность*, различным аспектам изучения которых посвящены работы Д.В. Галкина [Галкин 2000], Е.И. Горошко [Горошко 2009], О.В. Дедовой [Дедова 2004], Е.И. Литневской [Литневская 2007], О.В. Лутовиновой [Лутовинова 2006, 2007, 2008], С.Н. Михайлова [Михайлов 2004], М.Ю. Сидоровой [Сидорова 2006], Г.Н. Трофимовой [Трофимова 2004] и ряда других лингвистов.

Настоящее диссертационное исследование подключается к серии научных работ, в центре внимания которых находится специфика формирования и функционирования никонимов в виртуальном дискурсе с точки зрения лингвопрагматического аспекта.

Актуальность настоящей работы обусловлена недостаточной изученностью никонимов как особого разряда имён собственных. На данный момент практически отсутствуют исследования, в которых никоним рассматривается в рамках виртуального дискурса и в качестве одного из способов самовыражения виртуальной языковой личности. В научной литературе не представлен вопрос о функционально-тематических особенностях никонимов. Малочисленными являются работы, в которых никонимы рассматривают в рамках лингвопрагматического аспекта. Под *лингвопрагматическим подходом* в настоящей работе понимается изучение функционирования языка в речевой практике, специфические проявления которого свидетельствуют о его дискурсивном назначении.

Объектом исследования является ономастическое пространство виртуального дискурса, в то время как **предметом исследования** выступают никонимы как особый антропонимический разряд имён собственных, используемый в виртуальной коммуникации.

Эмпирической базой настоящего исследования являются 4500 лексических единиц, извлечённых из наиболее распространённых русскоязычных порталов интернет-коммуникации различных жанров (www.livejournal.com, www.rutwitter.com, www.chat.mail.ru, www.pefl.ru, www.krutomer.ru, www.games.ru).

Цель диссертационного исследования заключается в осуществлении комплексного анализа функционирования никонимов как особого разряда имён собственных в виртуальном дискурсе с позиций лингвопрагматического аспекта.

В соответствии с поставленной целью к **частным задачам** работы относятся следующие:

1) сопоставить различные подходы в исследовании имен собственных и определить тенденции изучения имени собственного на современном этапе, на основе чего обозначить место никонима в ономастическом пространстве русского языка XXI века;

2) выявить философские и лингвистические подходы в рамках прагматической теории, а также провести анализ виртуального дискурса, описать его типологические характеристики и жанровые разновидности;

3) проанализировать процесс самоидентификации и самопрезентации языковой личности в виртуальном пространстве с точки зрения лингвопрагматического аспекта;

4) на основе собранного языкового материала выявить принципы мотивации при автономии виртуальной языковой личности в коммуникативном пространстве Интернета;

5) описать теоретико-методологические основы понимания никонима как единицы виртуального дискурса, охарактеризовав при этом специфику предметно-понятийных связей и трансформации языкового знака;

6) выявить и проанализировать лексико-семантические, структурно-морфологические и функционально-тематические особенности функционирования никонимов в виртуальном дискурсе.

В работе использованы как *общенаучные методы исследования*: наблюдение, описание, анализ, синтез, индукция, дедукция, статистический анализ, – так и *собственно лингвистические*: сравнительно-сопоставительный, семиотический и стилистический методы. В ходе исследования был проведён *лингвистический опрос*, в котором участвовали 300 респондентов в возрасте от 17 до 35 лет, в результате чего был также привлечён метод статистического анализа полученных и классифицированных по различным критериям экспериментальных данных, а также прагматический анализ вербализированных результатов.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нём 1) впервые предпринята попытка комплексного описания никонима как формы реализации лингвокреативного потенциала виртуальной языковой личности, функционирующей в рамках виртуального дискурса; 2) проведено системное изучение особенностей и характерных языковых черт виртуальной языковой личности; 3) выявлены ключевые дифференцирующие признаки

виртуального дискурса; 4) представлена первичная попытка анализа процесса автономии с точки зрения лингвопрагматического подхода.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что 1) результаты проведенного исследования вносят вклад в систематизацию теоретических знаний в области становления и развития одного из новейших разделов лингвистической науки, посвященного языку Интернета; 2) представленный комплексный анализ никонима как новейшей ономастической единицы расширяет теоретико-методологическую базу исследования в области имени собственного.

Практическая значимость работы предопределена тем, что материалы и наблюдения исследования могут быть использованы в лекционных и практических курсах по фонологии, лексикологии и стилистике современного русского языка, а также в спецкурсах и спецсеминарах, посвященных проблемам ономастики, лингвистической прагматики, дискурс-анализа, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, лингвистики Интернета.

На защиту выносятся следующие положения:

1) в современной ономастической науке развитие получают как традиционные тенденции рассмотрения ономастического материала, так и только возникающие. В связи с этим применительно к особой сфере коммуникации Интернета можно говорить о формировании особой языковой личности – *виртуальной*, которая имеет ряд таких отличительных признаков, как высокий лингвокреативный потенциал, демократичный характер общения, особое отношение к модели коммуникации, множественная идентификация. Вместе с тем, представляется возможным выделить *виртуальный дискурс*, определяемый как текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности. Виртуальный дискурс объективно выделяется как противопоставляемый дискурсу реальному на основе собственных категориальных признаков;

2) в современной антропонимической системе наблюдается появление новой категории, *никонима*, используемого в условиях виртуальной реальности, создаваемого пользователем самостоятельно под влиянием, с одной стороны, законов языка, с другой – особой сферы функционирования, и являющегося выражением лингвокреативного потенциала виртуальной языковой личности;

3) при создании никонимов основную роль играет такая функциональная задача онима, как дифференциация. Поэтому большинство никонимов является результатом индивидуальной самопрезентации. Однако иногда может наблюдаться и контаминация в вербальном выражении самопрезентации и самоидентификации. Поэтому при автономии необходимо учитывать социальные характеристики личности, её уникальность, принадлежность к какой-либо социальной группе, лингвокреативный потенциал, а также прагматическую составляющую восприятия никонима другими пользователями и психологическую мотивацию при самоидентификации и/или самопрезентации;

4) никоним как единица виртуального дискурса вступает в характерные для имени собственного внутренние предметно-понятийные связи, однако в ряде случаев наблюдается трансформация семантического треугольника. Лексико-семантические, структурно-морфологические и функционально-тематические особенности никонимов обнаруживают широкий спектр использования грамматических и семантических ресурсов языка;

5) дуалистическая природа никонимов как на системно-структурном, так и на функциональном уровнях отражает интенсивность языковых процессов, происходящих в XXI веке и характеризует ономастическое пространство русского языка как динамично и непрерывно развивающееся.

Апробация работы осуществлена в ходе выступлений на конференциях *международного* (Международный форум в рамках года

двустороннего сотрудничества России и Германии (г. Берлин, Германия, 2012 г.); XVII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (МГУ, г. Москва, 2010 г.); Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Россия и Восток: язык – культура – ментальность» (ВГГУ, г. Владимир, 2010 г.); Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (ВлГУ, Владимир, 2013 г.), *всероссийского* (Всероссийская научно-практическая конференция «Технологии бренд-конструирования национального образа России» (РГУиТП, г. Пенза, 2012 г.)) и *регионального* (ежегодные студенческие конференции ВГГУ (ВлГУ) (ВГГУ, г. Владимир, 2009, 2010, 2011 гг., ВлГУ, г. Владимир, 2012, 2013, 2014 гг.)) уровней, а также на аспирантских семинарах и заседаниях кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

Часть материалов настоящей работы нашла отражение в реализации таких научных проектов, как «Разработка образовательного Интернет-ресурса «Владимирский именослов» («Топонимическая карта Владимирской области») (поддержка администрации Владимирской области в рамках конкурса грантов для молодых учёных на проведение научных исследований по приоритетным направлениям развития науки, технологии и техники Владимирской области (2009 г.)), «Основные тенденции развития русского языка в XXI веке в лингвофилософском аспекте (Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009-2011 гг.)), «Языковая экзистенциальность XXI века в условиях модернизации современной России: лингвофилософский дискурс» (Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2010-2012 гг.)).

По теме диссертации опубликовано 10 работ, в том числе 3 статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства

образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:

- **Функционально-стилевые особенности никонимов в виртуальном дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – Волгоград, 2013. – №4 (79). – С. 69-72.**

- **Автономияция как результат реализации лингвокреативного потенциала виртуальной языковой личности XXI века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – Москва, 2014. – №4. – С. 78-84.**

- **Никоним как языковой знак: особенности графического оформления // Научное мнение. – Санкт-Петербург, 2014. – №9. – С. 58-64.**

- Интернет-язык как следствие речевого конфликта в сознании современной языковой личности // Сборник работ студентов Владимирского государственного гуманитарного университета по итогам студенческой научной конференции в 2009 году. – Владимир: ВГГУ, 2009. – С. 116-118.

- Топонимическая карта Владимирской области (к вопросу о создании электронного образовательного модуля) // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Секция «Филология». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 165-167.

- Лингвокультурологические маркеры Востока и современное русское языковое пространство // Россия и Восток: язык – культура – ментальность: Материалы Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. – Владимир: ВГГУ, 2010. – С. 272-277.

- К вопросу о креативности в эргонимии // Сборник работ студентов Владимирского государственного гуманитарного университета по итогам студенческой научной конференции в 2010 году. – Владимир: ВГГУ, 2011. – С. 55-58.

- Русский язык как национальный символ России в условиях глобализации // Материалы V Международной научно-практической конференции «Молодёжь. Наука. Инновации». – Пенза, 2012. – С. 65-68.

- К вопросу о самоидентификации современной языковой личности в условиях виртуального дискурса (на примере никонимов) // Материалы Научно-практической конференции в рамках Дней науки студентов и аспирантов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых [Электронный ресурс] / Владимирский гос. ун-т имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2012.

- К вопросу о своеобразии предметно-понятийных связей имени собственного в виртуальном дискурсе (на примере никонимов) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы X международной конференции. – Владимир: Транзит-ИКС, 2013. – С. 562-567.

Структура работы обусловлена основными целями и задачами исследования, а также характером привлеченного для анализа языкового материала. Диссертационное исследование состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка сокращений и библиографического списка.

ГЛАВА I. МЕСТО НИКОНИМА В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XXI ВЕКА

§1. Из истории изучения имени собственного

История изучения имени собственного берёт своё начало с древнейших времён, что объясняется его широким употреблением: имя собственное служит для наименования людей, географических и космических объектов, животных, различных предметов материальной и духовной культуры. Функциональное и языковое своеобразие собственных имён привело к тому, что их стали изучать в особой отрасли языкознания – ономастике (с греч. «искусство давать имена») [Бондалетов 1983: 3].

В античной науке в течение длительного времени вёлся спор об истинности имён и пригодности их для именования вещей. Как отмечает А.В. Суперанская, со ссылкой на исследование И.М. Тронского, консервативное направление греческих философов противопоставило принцип «правильности» имён по природе софистической теории «соглашения»: «Это была попытка философски оформить традиционные представления о тесной связи имени с вещью, связи, игравшей очень значительную роль в практике греческого культа: название «правильного» имени служило залогом эффективности молитвенной или магической формулы» [Суперанская 2009: 47].

Согласно одной из точек зрения, представленной в рассуждениях Платона, Аристотеля, Аммония, имя семантически лишь «по договору». Так, Платон в одном из своих трудов писал: «Ничто не имеет прочного имени, и ничто не мешает, чтобы то, что называется круглым, было названо прямым и прямое – круглым; и у тех, кто произвели эту перестановку и называют навыворот, имена опять не будут менее прочными» [там же]. С другой стороны – стоики, считая имена данными «от природы», находили их истинными, индивидуальными, естественными. Одинаковые имена разных

людей они считали случайными совпадениями, несовершенством языка. Класс собственных имён был установлен стоиками как совершенно самостоятельный [Суперанская: 48-50].

Следует отметить, что греческие учёные обычно не делали существенной разницы между именами нарицательными и именами собственными, оперируя нерасчленённой категорией *имя*.

Первые попытки дифференциации имён можно обнаружить в работах Т. Гоббса, который понимал имя как «слово, произвольно выбранное в качестве метки с целью возбуждения в нашем уме мыслей, сходных с прежними мыслями, и служащее одновременно, если оно вставлено в предложение и высказано другим, признаком того, какие мысли были в уме говорящего и каких не было» [Белецкий 1972: 148]. По его словам, «возникновение имён – результат произвола. Между именами и вещами нет никакого сходства и никакого сравнения» [там же].

Гоббс намечает ряд параметров, по которым можно разделить всю совокупность существующих в различных языках имён. С точки зрения выделения имени собственного как особого класса интерес представляет деление на имена с определённым, или ограниченным, и с неопределённым, неограниченным значением. Первые – индивидуальные имена, относящиеся к одной вещи: *Гомер, это дерево*. Вторые – это партикулярные имена и имена, относящиеся к обыкновенным: *человек, камень* (неограниченные имена) [там же: 149].

Непосредственный преемник идей Гоббса, Г.В. Лейбниц занимался разработкой теории об имени собственном, включая также и терминологический пласт лексики. Так, например, Гоббсом было выдвинуто положение о том, что «общие термины беднее по заключающимся в них идеям или сущностям, чем частные, хотя богаче обозначаемыми ими индивидами» [Белецкий 1972: 150], что «все имена собственные, или индивидуальные, были первоначально нарицательными, или общими» [там же].

Важной для разработки обсуждаемой проблемы как в общетеоретическом, так и в историческом плане представляется точка зрения Дж. Милла, который считал, что имена собственные не обладают значением, они – своеобразные ярлыки, или метки (вроде крестика), помогающие узнавать предметы и отличать их друг от друга. С именем-вещью не связывается характеристика названной вещи, они не «коннотируют» (не обозначают, не описывают её), а лишь «денотатируют», или называют её [Бондалетов 1983: 11-12]. Таким образом, узнавая вещи, которые имя обозначает, мы не познаём значение имени, т.к. одну и ту же вещь можно называть разными именами, не эквивалентными по значению [Суперанская 2009: 56-57].

Кроме того, с именем Дж. Милла связывают создание *теории дефиниций*, согласно которой дефиниция – это идентифицирующее суждение, дающее информацию только об употреблении слова в языке и не имеющего никакого заключения о сути вещей, а коннотация – это конкретное значение имени [там же]. Следовательно, по Миллу, собственные имена не могут быть объяснены, поскольку они – простые метки, приданные индивидам. Именами, имеющими дефиниции, Милл признавал лишь термины.

Теория Милла получила своё развитие в работах английского логика Х. Джозефа, который в частности собственное имя называл индивидуальным термином, предцируемым с тем же значением одному-единственному индивиду. В доказательство этому Джозеф приводит пример с фамилией Смит, которую «носят многие, но употребляя каждый раз эту фамилию, мы не имеем в виду одно и то же» [Суперанская 2009: 59]. Согласно мнению Джозефа, собственное имя свидетельствует о существовании вещи, нарицательное – о характере, объединяющем её с другими вещами [там же].

В XX в. логическую концепцию имён собственных развивал английский логик Б. Рассел. С его точки зрения, всё то, что обозначается в пространстве-времени собственными именами, вполне может быть

обозначено с помощью системы координат, причём обозначено точнее, научнее. Но для повседневного, в известной мере «примитивного» общения удобнее собственные имена, этим оправдано их существование в языке. Б. Рассел заметил определённое сходство собственного имени с указательными местоимениями [Бондалетов 1983: 12].

Датский лингвист П. Кристоферсон видел разницу между именами нарицательными и собственными в том, что первые абстрактны, вторые конкретны. Собственное имя является прямым наименованием индивида, нарицательное – непрямым. Наричательное сначала называет класс, в который входит данный индивид, а уже потом – индивид [там же].

В свою очередь, французский лингвист М. Бреаль проанализировал процесс создания имени собственного. По его мнению, для названия избирается какая-либо одна черта и создаётся имя, которое тут же превращается в знак. Предполагается, что с какой-то стороны оно первоначально удовлетворяло тех, кем было создано. Но оно быстро отходит от своего этимологического значения [Суперанская 2009: 71].

Важной вехой в изучении имени собственного был труд английского лингвиста А. Гардинера «Теория имён собственных», в котором учёный уточняет и развивает трактовку имён собственных, изложенную Миллом. «Собственное имя – это слово или группа слов, специфическим назначением которых признаётся отождествление и которые выполняют, или имеют тенденцию выполнять, это назначение исключительно посредством различительного звука, независимо от какого-либо значения, присущего этому звуку с самого начала или приобретаемого им в результате ассоциации с объектом или объектами, отождествлёнными посредством этого звука» [Никонов 1974: 23].

Как развитие идеи о функционировании имени в языке и имени, обозначающем индивидуальные объекты, А. Гардинер вводит деление имён на «телесные» и «бестелесные», т.е. имеющие и не имеющие конкретных носителей [там же: 26].

Тезис Дж. Милла об отсутствии «у собственного имени значения» привёл лингвиста К. Тогебю к выводу о том, что имена собственные (а также местоимения), будучи лишёнными семантического содержания, не образуют семантические классы, являются синонимами, т.к. у местоимений и имён собственных «нулевой корень». Это обстоятельство, по его мнению, служит причиной того, что индивид может иметь несколько разных имён, а несколько индивидов – одно имя (тёзки, однофамильцы). Кроме того, Тогебю отмечал, что, с точки зрения флексии, имена собственные приближаются к числительным, потому что имеют фиксированный род и число. Их флексия, исключительно дефективная, не кажется необходимым элементом их дефиниций [Бондалетов 1983: 14; Суперанская 2009: 81-82].

Приведённые точки зрения касательно имени собственного можно объединить в полноценные теории, которые впоследствии будут активно развиваться приверженцами различных лингвистических направлений и школ. Среди наиболее ярких точек зрения, нашедших своё дальнейшее развитие, можно отметить следующие:

1) теорию уникальности имени, согласно которой каждое имя исключительно индивидуально (стоики, Дионисий Фракийский, Аполлоний Дискол, римские грамматик Диомед, Донат, Консентий (V в.), грамматик Пор-Рояля, Суит);

2) теорию асемантичности собственных имен по сравнению с нарицательными, означающими предмет и подразумевающих атрибут (Милл);

3) теорию семантичности собственных имён, которые имеют большее значение, чем нарицательные (стоики, римский грамматик Диомед, Суит, Есперсен, Бреаль);

4) теорию синонимичности имен собственных (Тогебю);

5) теорию произвольности имён собственных (Есперсен, Кристоферсен, Гардинер);

б) теорию строгой мотивированности собственных имён (восходит к греческой теории «по природе»; возрождается в XX веке как противоположная теория произвольности) [Суперанская 2009: 45-91].

Таким образом, надо признать, что на данный момент отсутствует единая, общепринятая концепция имени собственного, что во многом объясняется различием исходных положений и методов их создателей, а также тем, что поиски велись порой в разных направлениях. Отсюда обнаруживаются попарно противоположные теории, основанные на связи имени с понятием и именуемым объектом.

Во втором параграфе настоящего исследования будут представлены основные положения наиболее сформировавшихся в лингвистической науке точек зрения на имя собственное как на объект лингвистического исследования.

§2. Имя собственное как объект лингвистического исследования

Несмотря на сравнительно большую историю ономастики как науки, в определении статуса имени собственного до настоящего времени не существует единой точки зрения. В этой связи приведём наиболее известные позиции авторитетных учёных.

Так, например, Н.В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» пишет, что «*óним (óнома, имя sóбственное) – слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов*» [Подольская 1978: 95], тогда как О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» определяет *имя собственное* как «слово или словосочетание, специфическим назначением которого является обозначение индивидуальных предметов безотносительно к их признакам, т.е. без установления соответствия между свойствами обозначаемого предмета и тем значением (или значениями), которое имеет (или имело) данное слово или словосочетание» [Ахманова 1966: 175]. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой *имена собственные* выделены лишь как особый класс существительных, под которым понимаются «существительные, служащие названиями единичных предметов, выделенных из ряда однородных» [Розенталь, Теленкова 1976: 153]. В «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило определяет имя собственное как «слово, служащее индивидуальным обозначением лиц и животных, географических и астрономических объектов, учреждений, органов и т.п. (*Асланбек, Рыжик, Грозный, Магас, Хава, Айзан, Дауд, Англия, Юпитер и др.*)» [Жеребило 2005: 84]. При этом указывается, что «как правило, имена собственные не изменяются по числам, не сочетаются с количественными числительными» [там же].

Приведённые выше определения описывают термин «имя собственное» с разной степенью точности. Дефиниция Н.В. Подольской, к примеру, является наиболее абстрактной, т.к. учитывает лишь номинативную функцию

онимов. Аналогичным образом характеризует имя собственное Д.Э. Розенталь, указывая при этом на выделение онимами предметов из ряда однородных, что более конкретно описывает специфику маркированных единиц. Недостатком данного определения некоторые лингвисты считают тот факт, что автор, описывая особый класс лексических единиц, ограничивается существительными, тогда как имена собственные могут представлять собой как другие части речи, так и более сложную конструкцию (словосочетание, реже – предложение).

Наиболее полным представляется определение, данное в Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой, где в статье «собственное имя» Н.В. Подольская уточняет, что это «слово, словосочетание или *предложение*, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [ЛЭС 1990: 473]. Здесь важно отметить, что к именам собственным причисляются уже и более сложные, чем слово и словосочетание, структурные образования – предложения. При этом указывается также, что имена собственные «в языке народа, называющие любые реальные, гипотетические и фантастические объекты, есть ономастическое пространство, представляющее собой непрерывный ряд сменяющихся типов. Эти типы образуют ономастические поля» [там же].

Разность определения статуса имени собственного обусловлена отличными друг от друга подходами к объекту изучения. Известно, что особенно распространённым подходом к рассмотрению онимов в 70-е годы XX века являлся функциональный.

Отечественный учёный А.А. Белецкий определял функции имени собственного через оппозицию его с нарицательным. «Различие между собственными и нарицательными именами, – замечал он, – заключается не в морфологии и семантике, а в употреблении, использовании, функции обоих лексических классов. <...> В отношении их функций собственные имена можно было бы назвать индивидуализаторами, а нарицательные –

классификаторами» [Белецкий 1972: 167]. Имена собственные от несобственных отличаются своей «соотнесённостью не с понятием, <...> а с дискретными объектами действительности» [там же: 12].

По мнению В.А. Никонова, «имя – слово и, как все слова, подчиняется законам языка, т.е. подлежит ведению языкознания. <...> Но собственные имена образуют в языке особую подсистему, в которой и общезыковые законы преломляются специфически, и возникают свои закономерности, которых нет в языке и вне её» [Никонов 1974: 6]. При этом В.А. Никонов особенно подчёркивал социальность собственных имён, их историческую обусловленность. «Личные имена, – по мнению исследователя, – существуют только в обществе и для общества, оно диктует неумолимо выбор их, каким бы индивидуальным он ни казался. Личные имена социальны всегда» [там же: 8]. С общественной природой имени связано такое его свойство, как «введение в ряд». «Хотя бы представление, что имя служит развлечению, нуждается по меньшей мере в серьёзной поправке: оно не только разделяет, но и вводит в ряд. Имя связывает носителя с другими носителями того же имени и с той группой общества, в которой оно принято», – отмечает В.А. Никонов [там же: 14].

Советский ономатолог Ю.А. Карпенко сосредоточил внимание на сущностном и функциональном различии собственных и нарицательных имён, а также на их языковых особенностях. Учёный считал, что только функциональный подход к проблеме недостаточен и ненадёжен, в частности безоговорочное признание за нарицательными именами функции обобщения, а за собственными – функции индивидуализации (индивидуализировать могут не только собственные, но и нарицательные слова). Кроме того, функция, по мысли Ю.А. Карпенко, не есть сущность, а лишь её проявление. Исследователь полагал, что функциональное различие имён собственных и нарицательных несомненно, но они идут не по линии обобщения-индивидуализации, а по линии разъединения-объединения: «собственные имена разъединяют однородные объекты, а нарицательные – объединяют

их». Функцию собственных имён Ю.А. Карпенко предлагал называть дифференциальной, а нарицательных – классификационной. Чаще всего, особенно в антропонимах и топонимах, дифференциальная функция выступает в виде адресной. В целом же автор отстаивал точку зрения полифункциональности собственных имён (как и нарицательных), находя в них идентифицирующую, эстетическую и ряд других функций. Разграничение сущности и функции фактически сводится к разграничению положения имени собственного в языке и речи. Языковая сущность слова выступает в его речевой функции. По мнению Ю.А. Карпенко, основным критерием разделения названия одного предмета можно считать собственное имя, название ряда однородных предметов – нарицательное. В мышлении нарицательному слову соответствует понятие (хотя его значение и не равно понятию), собственному имени – представление (обычно единичное). В целом же, Ю.А. Карпенко приходит к формулировке (и терминологии), предложенной известным отечественным лингвистом А.А. Реформатским: собственные имена выполняют прежде всего номинативную функцию – называют определённые предметы, нарицательные – семасиологическую – они не только называют, но и выражают понятие о предмете (подробнее см.: [Бондалетов 1983: 19-20; Реформатский 1996: 29-30; 57-62]).

Рассмотренные подходы к положению имени собственного в языке так или иначе касаются соотношения его с именем нарицательным. На настоящий момент вопрос о границе между нарицательной и ономастической лексикой является нерешённым.

В современной лингвистической науке можно выделить три точки зрения, касающиеся «взаимоотношений» собственного и нарицательного имён:

1) граница между нарицательным и собственным именами предельно чёткая (А.А. Белецкий, Л.А. Булаховский, В.А. Никонов, А.В. Суперанская и др.);

2) эта граница достаточно чёткая, поскольку никаких «промежуточных явлений между собственными и нарицательными не существует» (Ю.А. Карпенко);

3) граница между именем собственным и нарицательным относительна (В.Д. Бондалетов).

А.В. Суперанская называет три отличительных признака, позволяющих, по её мнению, разграничить имена собственные и нарицательные: «Основные отличительные признаки собственного имени заключаются в том, что:

1) оно даётся индивидуальному объекту, а не классу объектов, имеющих черту, характерную для всех индивидов, входящих в этот класс;

2) именуемый с помощью имени собственного объект всегда чётко определён, отграничен, очерчен;

3) имя не связано непосредственно с понятием и не имеет на уровне языка чёткой и однозначной коннотации» [Суперанская 2009: 324].

При этом А.В. Суперанская основным свойством имени собственного в противопоставление нарицательному считает отсутствие связи с понятием и его тесную связь с единичным конкретным объектом [там же].

В.Д. Бондалетов рассматривает дифференциацию собственной и нарицательной лексики в контексте их соотношения в диахронном и синхронном аспектах. «Можно привести сотни антропонимов (особенно прозвищ), топонимов (особенно микропонимов), ктематонимов и других видов собственных имён, о которых трудно сказать, состоялся ли их переход в собственное имя или ещё нет. <...> И дело здесь не в отсутствии контекста, а в том, что слово находится как бы на полпути от его прежнего качества к новому» [Бондалетов 1983: 28]. Вместе с тем, по замечанию В.Д. Бондалетова, признание возможности промежуточного состояния слов (словосочетания) между классом нарицательных и собственных имён не должно служить основанием для отрицания их качественного своеобразия. Иногда промежуточное состояние принимается не для отдельных слов, а для

целых классов, которые, по мнению В.Д. Бондалетова, находятся как бы в срединной зоне между полярными точками – подлинными апеллятивами и подлинными онимами. «Особенно важно, – подчёркивает учёный, – что эти границы не абсолютны в диахроническом плане» [там же: 29-30].

Необходимо отметить, что вопрос о границе между нарицательной и ономастической лексикой – это вопрос не только о её специфике, но и о переходе нарицательных имён в собственные и собственных в нарицательные. Этот процесс подробно описан А.В. Суперанской. «Если конкретность именуемого объекта становится очевидной, – отмечает автор, – наблюдается тенденция перехода собственного имени в нарицательное. И наоборот, если нарицательным именем объект становится определённым и конкретным, возрастает вероятность перехода его в собственное» [Суперанская: 113-114]. А.В. Суперанская пишет, что облегчает переход в собственные имена высокая предметность и нечёткость понятийных связей, характерная для многих терминов и номенклатурных слов внетерминологического поля. Данные единицы однозначны, а их предметно-понятийные и словесно-предметные связи ясны, ср. антропонимы *Трактор*, *Энергия*, *Электрон*, *Мартен*; зоонимы *Брамсель*, *Блюминг*, *Радикал*; топонимы *Асбест*, *Апатиты*, *Никель*. С другой стороны, высок уровень перехода собственных имён в термины и номенклатурные слова, т.к. с их помощью достигается конкретизация и уточнение более общих понятий и положений: *теорема Пифагора*, *закон Ньютона*, *капли Зелинина* и др. [там же: 114].

В языке происходит постоянный обмен и взаимодействие между именами нарицательными и собственными, что, по мнению учёных, способствует обогащению словарного состава языка. Н.В. Юшманов намечает несколько тенденций, по которым развивается нарицательное значение собственных имён:

- а) лицо – лицо: *геркулес* в значении ‘силач’;
- б) лицо – вещь: *макинтош* в значении ‘плащ’;

- в) место – вещь: *бордо* в значении ‘вино’;
- г) лицо – действие: *бойкот* в значении ‘прекращение отношений’;
- д) местность – действие: *панاما* в значении ‘обман’;
- е) лицо – единица измерения: *ампер, кулон, ом*.

К перечисленным Н.В. Юшмановым тенденциям А.В. Суперанская добавляет следующие:

- ж) местность – место: *камчатка* в значении ‘отдалённое место’;
- з) лицо – место: *пенаты* в значении ‘родной дом’ [там же].

При переходе собственного имени в нарицательное оно наполняется новым значением, которое теперь соотносится с типичной деятельностью именуемого человека, с типичной продукцией, изготовленной данным лицом или в данной местности, с какими-либо характерными условиями местности. При этом неперенным условием любого (полного, частичного, ситуативного) перехода имени собственного в нарицательное является известность денотата имени. Все члены языкового коллектива должны иметь определённые представления о самых общих свойствах денотата имени. Поэтому и содержанием нового понятия становится обычно лишь то общее, что известно каждому члену языкового коллектива о денотате данного имени. Потенциально переход в нарицательные, считает А.В. Суперанская, свойственен всем именам с широкой известностью [Суперанская 2009: 116-117].

Рассмотрение вопроса о границах между нарицательным и собственными именами тесно связано с одной из самых дискуссионных проблем ономастики – наличие или отсутствие значения у имени собственного. Как отмечает М.Э. Рут, «несмотря на непрекращающиеся споры о лексическом значении собственных имён, мнений остаётся столько же, сколько спорщиков» [Рут 2001: 26].

Однако основные идеи учёных в этой области представляется возможным условно обобщить. Е.А. Нахимова выделяет три основные точки зрения на эту проблему:

- 1) полное (или – как вариант – почти полное) отрицание наличия значения у имени собственного;
- 2) признание наличия значения у имени собственного, но только в речи (в тексте, в контексте, в дискурсе, в социуме, в социолекте);
- 3) признание существования у имени собственного языкового значения, но с обязательным подчёркиванием совершенно особого характера этого значения, с его противопоставлением значения всех иных разрядов слов [Нахимова 2010: 171].

Первая концепция берёт своё начало в работах английского логика Дж. Ст. Миля, который считал, что «имена собственные лишены сопутствующих значений» и что «единственные названия предметов, которые лишены коннотации, – это собственные имена; [...] эти имена не имеют никакого значения» [Есперсен 1958: 70]. Английский учёный А. Гардинер в работе «Теория имён собственных», развивая и уточняя трактовку Дж. Ст. Миля, пишет, что «собственное имя – это слово или группа слов, специфическим названием которых признается отождествление, и которые выполняют, или имеют тенденцию выполнять, это назначение посредством различительного звука независимо от какого-либо значения, присущего этому звуку...» [Gardiner 1954: 73].

В дальнейшем с теми или иными оговорками имена собственные называют «пустыми», «ущербными», «полыми», «асемантическими» словами (знаками, метками, словами-этикетками) такие зарубежные учёные, как В. Брэндалль, Л. Стеббинг, Б. Рассел и др. В отечественной лингвистической науке к этой точке зрения в той или иной степени склонялись Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, К.Д. Левковская, В.М. Мокиенко, А.А. Реформатский, Н.И. Толстой, А.А. Уфимцева и целый ряд других специалистов.

Говоря о границах функционирования имени собственного, необходимо отметить, что особого внимания заслуживает вопрос о *зоне*

ономастического пространства (термин В.Н. Топорова), или номинации, точнее – о том, что может быть её объектом.

В.Д. Бондалетов считает, что «собственные имена присваиваются конкретным предметам, которые существуют как индивидуальные или мыслятся как целостные (люди, реки, горы, космические объекты)» [Бондалетов 1983: 30]. Здесь необходимо заметить, что каждый конкретный объект в принципе может быть выделен как индивидуальный и получить персональное имя. Поэтому, на наш взгляд, следует уточнить, что в действительности собственные имена получают лишь избранные предметы и явления.

Как уже было замечено выше, для обозначения всей совокупности ономастических названий известный отечественный языковед В.Н. Топоров выбирает выражение «ономастическое пространство». При употреблении данного научного термина можно говорить об объёме ономастического пространства, его структуре, в частности – о классах составляющих его названий, их большей или меньшей представленности, о строении разных разрядов ономастической лексики, естественности или искусственности обозначаемых объектов и т.д. [Бондалетов 1983: 30].

А.В. Суперанская условно разделяет ономастическое пространство на:

- 1) имена реальных предметов,
- 2) имена вымышленных предметов,
- 3) имена гипотетических предметов.

Согласно точке зрения А.В. Суперанской, имена в художественных произведениях занимают промежуточное положение между именами реальных и вымышленных предметов [Суперанская 2009: 148].

Таким образом, при определении статуса имени собственного исследователи единодушны в следующих утверждениях:

1. Имена собственные, являясь единицами языка, чаще всего – отдельными лексемами (реже – словосочетаниями и предложениями), должны рассматриваться как объект языкознания.

2. Имена собственные относятся к номинативным, а не коммуникативным единицам языка и входят в большинстве языков мира в класс конкретных имён существительных (или субстантивов).

3. Специфика имени собственного касается как структурно-языковых, так и функциональных особенностей.

4. Внимание к функциональной стороне имён собственных позволило выделить свойственные им (только им или одновременно и им, и именам нарицательным) следующие основные функции: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую. В качестве второстепенных (квалифицируемых как «дополнительные», «факультативные», «производные» от основных или как «пассивные» и т.д.) называются следующие функции: социальная, эмоциональная, аккумулятивная, дейктическая (указательная), функция «введения в ряд», адресная, экспрессивная, эстетическая, стилистическая.

5. В структурно-языковом плане специфика имени собственного обнаруживается обычно в области семантики (поэтому многие учёные имя собственное считают лексической, а не лексико-грамматической и тем более грамматической категорией) и в меньшей степени в области морфологии (включая словообразование) и синтаксиса.

6. Многие исследователи предпринимали попытки разграничить имена нарицательные и собственные лишь по одному показателю. Однако такое выделение единственного признака вряд ли возможно, поскольку ответ на вопрос о специфическом отличии онимов от апеллятивов может дать лишь всестороннее изучение имён собственных [Бондалетов 1983: 20-21].

7. Имя собственное вторично по функции (оно всегда является вторым, обычно более конкретным, наименованием предмета, который уже назван нарицательным словом).

Тем не менее, с развитием ономастического направления лингвистической науки вышеизложенные положения подвергаются некоторой корректировке и уточнению. В связи с влиянием

экстралингвистических факторов современными учёными отмечается также и появление новых ономастических единиц. Для более детального анализа новейшего языкового материала необходимо обратиться к активным процессам, происходящим в русском языке XXI века.

§3. Активные процессы в русском языке XXI века в их отношении к современному ономастическому пространству

Ономастическое пространство, будучи живо реагирующей на вызовы времени областью языка в частности и человеческого сознания в целом, не может не изменяться под воздействием активных процессов, происходящих в обществе и, следовательно, в языке. При этом необходимо обращать внимание не только на влияние изменений, обусловленных исключительно историческими событиями, но и то культурное пространство, в котором развивается общество и функционирует язык.

Как отмечает А.Д. Васильев, «факты языка и феномена культуры зачастую не поддаются строгому и окончательному разграничению: изменение в собственно культурной сфере воплощаются в языке, а языковые эволюции активно участвуют в культурных процессах и влияют на них» [Васильев 2000: 12].

Специалисты в области философии, культурологии, социологии и ряда других гуманитарных наук подчёркивают, что возникновение культуры всегда ведёт к появлению противящейся ей субкультуре. Если обратиться к общему пониманию данной дефиниции, то, например, С.И. Ожегов в «Словаре русского языка» даёт такое толкование этому явлению: «*субкультура* – сфера культуры, существующая внутри господствующей культуры и имеющая собственные ценностные установки» [Ожегов 2006: 953]. В качестве примера С.И. Ожегов указывает словосочетание *молодёжная субкультура*. Следовательно, образование такого рода присуще определённому слою населения. Понятное и объяснимое стремление к контркультуре с её отталкиванием от прежних норм привело к процветанию жаргона и упрощённого до крайности вкуса. Главный девиз каждого нового поколения – «Несхожесть во всём», начиная от внешнего вида и заканчивая языком, на котором создано русское культурное наследие и который сегодня

трансформируется в то, что помогает нам отождествить самих себя с настоящим временем и новыми веяниями.

Произошедший распад СССР, а ранее и перестройка оказали большое влияние на формирование новой культуры (языковой – в том числе), результаты которой мы получили в конце XX – начале XXI века, а именно – возникновение разнообразных субкультур. Ослабление цензуры и, как следствие, расширение круга участников массовой коммуникации, приобщение новых слоёв населения к роли ораторов, усиление возможностей обратной связи говорящего и слушающего, расширение сферы спонтанного общения, возрастание личностного начала в речи, изменение ситуаций и жанров – всё это привело к появлению новых возможностей языка и тех, кто им владеет.

Как отмечает Н.С. Валгина, заложенные в языке потенции к изменению могут проявиться только при условии воздействия внешних экстралингвистических факторов. Поэтому основные законы развития языка (к ним в лингвистической литературе обычно относят *закон системности*, *закон традиции*, *закон аналогии*, *закон экономии*, *закон противоречий*) в различных исторических, экономических и социальных условиях могут действовать с различной степенью интенсивности [Валгина 2003: 13].

Вместе с тем, общеизвестно, что основной реализацией языка является речь, поэтому при описании активных процессов, происходящих в русском языке XXI века нельзя не учитывать изменений, происходящих в речи современных носителей. В этой связи любопытна точка зрения Н.В. Юдиной, которая выделяет несколько групп взаимовлияющих и взаимопроникающих речевых тенденций: *«демократизация и либерализация языка граничат в речи современных носителей с вульгаризацией и криминализацией, интернациональность – с варваризацией, креативность – со стереотипностью, динамичность – с небрежностью в использовании языковых единиц, интеллектуальность – с общим снижением речевой культуры»* [Юдина 2010: 127-128].

Кроме того, при описании активных процессов в русском языке XXI века в их отношении к современному ономастическому пространству важно учитывать соотношение двух противопоставленных в лингвистике понятий *нормы* и *вариантности*.

Норма – историческая категория: будучи достаточно стабильной, устойчивой, что лежит в основе ее функционирования, норма вместе с тем не может быть подвержена изменениям, что вытекает из самой сущности языка как социального явления, которое находится в непрерывном развитии вместе с обществом. При этом важно отметить, что наличие нормы предполагает и параллельное наличие языковых вариантов [Розенталь, Теленкова 1976: 315].

Языковую вариантность известный лингвист К.С. Горбачевич определяет как «способность языка передавать одни и те же значения разными формами» [Горбачевич 1978: 22]. В свою очередь «языковые варианты – это формальные разновидности одной и той же языковой единицы, которые при тождестве значения различаются частичным несопадением своего звукового состава» [Горбачевич 1978: 22].

Как отмечает Н.С. Валгина, традиционная нормативность, которая поддерживалась ранее образцами классической художественной литературы, разрушается. На смену ей приходят новые языковые реалии, которые, как правило, возникают под воздействием средств массовой информации и активной включённости современных носителей языка в Интернет-пространство [Валгина 2003: 27].

Современные лингвисты отмечают, что онимия будучи относительно устойчивым пластом лексики любого языка, тем не менее, не может не претерпевать изменений под воздействием активных процессов происходящих в языке. При этом динамичность наблюдаемых трансформаций в различной степени проявляется на всех уровнях языках, начиная с фонетического.

При установлении произносительных норм обычно учитывается соотношение фонетических и фонематических вариантов, последние отражаются и в орфографии [Валгина 2001: 53].

Усиление «буквенного» («графического») произношения – одна из наиболее сильных тенденций в современном русском языке. Об этом писал еще в 1936 г. Л.В. Щерба, указывая на явное сближение произношения с написанием: *родился* (вместо *родилс[а]*); *тихий* (вместо *тих[о]й*); произношение сочетания [чн] вместо [шн] в словах типа *булочная, перечница*; [чт] вместо [шт] в словах *что, чтобы* и другие [Щерба 1974: 79].

В условиях усиления «графического» произношения изменилось соотношение вариантов с /е/ - /о/. Это фонематическое варьирование связано с внедрившейся в практику русского письма заменой буквы «ё» буквой «е», так написание победило произношение, вернее, подчинило его себе: *блѣкнуть* → *блекнуть*; *белѣсый* → *белесый*; *акушѣр* → *акушер*. [Валгина 2001: 55]. Процесс взаимоотношений форм [ё-о-е] практически еще не завершился, и разные слова, задействованные в этом процессе, как бы находятся на разном участке пути. Это относится к литературной норме, вернее, к тому, как она фиксируется в словарях.

Тенденцией в области произношения можно считать и фонетическую адаптацию иноязычных слов. Как пишет Н.С. Валгина, это процесс постоянно действующий в пределах групп слов, заимствованных в разные периоды истории языка, процесс усиливающийся или затухающий соответственно изменяющейся степени интенсивности самого процесса заимствования [Валгина 2001: 56]. Язык заимствующий всегда стремится подчинить заимствования своим правилам и законам, особенно язык сильный своей системой.

В ономастическом пространстве проследить тенденции, происходящие на уровне графики, можно на примере относительно новых именных знаменателей, одним из которых является эргоним. Под эргонимом понимается название деловых объединений, созданных для осуществления

деятельности, направленной на получение прибыли и обычно вступающих в конкурентные отношения с другими аналогичными объединениями [Шимкевич 2002: 5].

Так, например, интересным с точки зрения графики представляется оформление названия сотового оператора «*TELE2*». В данном случае мы наблюдаем ненормативное оформление эргонима с обеих сторон точками, которое получило также распространение и как наименование тарифного плана, предлагаемого сотовым оператором; ср.: «*СТРАЙК*».

Любопытным с точки зрения отражения современных способом создания названий торговых марок представляется пример «*ГрАмада*». Как видно, данный эргоним образован с намеренным нарушением орфографической нормы. Как известно, основная цель имядателя – воздействие на адресанта, побуждение его к действию (зайти в магазин, купить товар и т.д.). При этом велика вероятность привлечение внимания потенциального покупателя за счёт применения креативного подхода для создания эргонима. В связи с этим подобные нарочитые нарушения орфографической нормы можно связать с желанием имядателя таким способом обратить внимание на вывеску с названием. Образование подобных лексических единиц ещё раз свидетельствует о взаимопроникающих речевых тенденциях креативности, с одной стороны, и общим снижением речевой культуры – с другой.

Таким образом, фонематическая вариантность, отраженная в орфографии и воспроизведенная орфоэпически, обнаруживает тенденцию к убыванию, но не исчезла вовсе. Поддержанные в прошлом социально-стилистическими причинами, варианты утрачивают почву для своего существования, и происходит, хотя и медленно и не всегда последовательно, канонизация одного из произносительных вариантов. Для заимствованных лексем причиной ликвидации вариантности оказалась фонетическая адаптация, при которой наиболее адаптированный вариант становился победителем. Именно он, как правило, и закрепляется орфографией.

В основе активных процессов в лексике, по замечанию Н.С. Валгиной, лежат изменения в психологической установке масс, в их новом «языковом вкусе». Среди внешних причин изменения словарного состава языка обычно выделяют развитие техники и науки, расширение международных контактов, специализацию профессиональной производственной деятельности, изменения в экономической, политической жизни. Все это причины социального плана [Валгина 2001: 75].

Основные процессы в лексике известны (морфологический, семантический, заимствование). Каждое время имеет некоторый набор слов, которые, в силу сложившихся обстоятельств, становятся модными, широко и разнообразно употребляемыми. Это своеобразные «знаковые» слова эпохи. Большую роль в их распространении играют СМИ, создавая речевую среду, в которой задаются эталоны, нормы. Лингвисты называют подобное словоупотребление «массовой болезнью языка» [Костомаров 1994: 32].

На лексическом уровне новые ономастические единицы также обнаруживают своеобразие. Так, например, в эргонимии можно отметить тенденцию тенденция употребления лексем, обозначающих (или каким-то образом связанных по значению) денежные единицы, при образовании эргонимов, относящихся к торговле товарами по низким ценам (магазины «*Копейка*», «*Монетка*», «*Копилка*»).

Среди новых явлений в образовании слов Н.С. Валгина также отмечает формирование особого компьютерного языка близкого к разговорному, а также из техницизмов, представляющих на сегодняшний день достаточно богатую терминологическую систему. И та и другая часть компьютерного языка активно представлена в Интернете и специальных компьютерных журналах [Валгина 2001: 82]. Как язык преимущественно молодых людей, компьютерный сленг содержит много специфических слов и окказионализмов, не говоря уже о техницизмах английского происхождения, обслуживающих данную профессиональную сферу деятельности. Поскольку компьютерная сфера деятельности относится к наиболее активно

развивающимся, то словарь здесь постоянно пополняется новыми лексическими единицами, причем из-за быстрого устаревания компьютерных программ и самого оборудования многие слова так же быстро и исчезают.

Внелитературная лексика (в том числе жаргон и сленг) на сегодняшний момент, как отмечает Н.С. Валгина, вышла из ограниченной сферы употребления и активно вливается в язык современной массовой печати, звучит на телевидении и по радио [Валгина 2001: 83]. Внелитературная сфера русского языка, где сосредоточена грубая, натуралистическая и циничная лексика, в последнее время заметно отодвигает или даже размывает границы образцовой литературной речи. К сожалению, часто русский язык воспринимается через призму русского мата. Причины перехода арготической (жаргонной) лексики в общенародный язык чаще всего внешние (экстралингвистические), хотя могут быть и собственно языковыми (интерлингвистическими). К причинам социального плана, например, М.А. Грачев, относит следующие:

1. Психолого-педагогические причины связаны с восприятием арготизмов молодыми людьми. Это своего рода мода на блатные слова, языковой нигилизм; желание отгородиться от мира взрослых. Кроме того, школа мало внимания уделяет эстетической значимости языка, не формирует неприятия слов-сорняков.

2. Социально-политические причины просматриваются в периоды войн, мятежей, революций. В наше время это перестройка. В такие периоды обычно усиливается уголовный элемент, влияние его морали, увеличивается количество преступлений.

3. В последние годы действуют еще и причины культурно-просветительного характера. Нелитературную лексику в буквальном смысле слова популяризируют журналисты, теле- и радиокомментаторы, актеры, политики. Получается необычная картина: арготизмы не поднимаются с низов, а спускаются сверху, находя, так сказать, живой отклик в народе [Грачев 1997: 33]. Надо признать, что лексически арго (жаргон) чрезвычайно

«богат». В этой подсистеме языка, как выразился В.С. Елистратов, «значительно меньше значений и значительно больше слов» [Елистратов 1994: 12].

Словообразование тесно связано с другими уровнями языковой системы – фонологией, морфологией, синтаксисом и, конечно, лексикой, так как результатом словообразовательных процессов является появление новых слов. Словообразование в высшей степени подвижно, в его системе заложены большие возможности, реализация которых практически не ограничена. Именно поэтому в активные периоды жизни языка они особенно дают о себе знать. Бурные процессы в современном словообразовании объясняются причинами внеязыковыми и внутриязыковыми, которые чаще всего переплетаются, усиливают друг друга.

Среди словообразовательных новообразований обычно выделяют три типа: *неологизмы* (приобретают характеристику общественно узаконенных номинаций и, появившись в определенный период, постоянно воспроизводятся и в конце концов принимаются языковой традицией), *потенциальные слова* (это нетрадиционные слова, незакрепленные в языке, но возможные слова, появление которых объясняется потребностью в соответствующем наименовании) и *окказионализмы* (это индивидуальные авторские образования, существующие лишь в том контексте, в котором они появились) [Шанский и др. 1987: 62].

В современном словопроизводстве обнаруживается высокая доля оценочных и вообще экспрессивных моделей. Фонд экспрессивных средств языка активно пополняется под влиянием разговорной, просторечной и жаргонной сферы словоупотребления [Валгина 2001: 93].

С эргонимами определённой семантической группы связана и словообразовательная особенность: использование суффикса *-очк-(-ечк-)* со значением уменьшительности (*универмаг «Копеечка», магазин «Пятёрочка»*). Употребление данного суффикса при создании эргонима обусловлено тем, что имядатель пытается таким образом обратить внимание

адресанта на характерную особенность торговой организации – продажа товаров по «уменьшенным» ценам.

Изменения в морфологическом строе языка обнаруживаются в расширении или сужении круга вариантных форм, т.е. словоизменительных вариантов, что тоже зачастую основано на придании особого рода экспрессивной оценки. Такие варианты возникают внутри грамматической системы, часто при соприкосновении морфологических и синтаксических явлений. Основные тенденции, так или иначе обозначившиеся в морфологии современного русского языка, проходящие с разной степенью интенсивности, разных по времени протекания и результативности, но вполне очевидных и по каким-то показателям схожих по разным частям речи и их формам. Это явное нарастание в языке аналитических черт; предпочтение более экономным средствам выражения; при избыточной вариантности форм стремление к возможной унификации; активное действие закона аналогии при становлении новых форм и, наконец, явное вхождение в нейтральный литературный фонд морфологических средств фактов живой разговорной речи. Таково общее направление в эволюции морфологических форм. Что же касается точного соотношения употребительности традиционных форм и приходящих им на смену, то здесь с выводами все обстоит гораздо сложнее и неопределеннее. Эти процессы не равновелики ни по хронологическим этапам прохождения эволюции, ни по количественным показателям среди сопоставляемых конкурирующих вариантных форм [Валгина 2001: 95].

Среди морфологических особенностей новейших ономастических единиц можно выделить использование языковой игры. Например, в названии супермаркета «*Самбери*» используется глагол в повелительном наклонении, значение которого усиливается определительным местоимением *сам*. Создание эргонима обусловлено целью обратить внимание адресанта на род деятельности торгового предприятия – супермаркет, где покупатель самостоятельно может выбрать товар и взять его с полки.

Синтаксис относится к такому ярусу языковой системы, который характеризуется сравнительно небольшой восприимчивостью к внешним влияниям и медленной изменяемостью. Однако нельзя сказать, что эти изменения целиком обязаны действию внутренних закономерностей и никак не связаны с социальными причинами. Социальные факторы влияют на синтаксис путем активизации разговорных синтаксических конструкций. Синтаксические построения становятся все более расчлененными, фрагментарными; формальные синтаксические связи – ослабленными, свободными, а это в свою очередь повышает роль контекста. Современный синтаксис меняет свой общий ритмико-мелодический облик: резко сокращается длина предложений-высказываний; грамматические рамки предложения как основной синтаксической единицы нарушаются путем возможного отчленения компонентов этого предложения; свободные синтаксические связи типа примыкания, соположения активизируются, оттесняя формально выраженные подчинительные связи; все большее место занимают синтаксические построения, экспрессивность которых заложена в самой грамматической структуре, а не создается подбором соответствующих лексем [Валгина 2001: 96].

На синтаксическом уровне в ономастической лексике можно отметить особенность образования эргонимов по схеме «существительное (реже субстантивированное прилагательное) + личное местоимение в форме родительного падежа множественного числа с предлогом *для*». Например, *магазин «Газ для вас»* или *«Парикмахерская для вас»* и др.

Безусловно, активные процессы, происходящие в ономастической лексике, не могут быть исчерпывающим образом представлены в рамках данного исследования, т.к. это не отвечает поставленным задачам. В настоящей работе приведены лишь некоторые примеры, отражающие особенности функционирования относительно новых именных знаменателей. Течение языковых процессов в ономастическом пространстве заслуживает более глубокого и детального изучения.

Тем не менее, можно констатировать, что глубинные изменения в общественной жизни проявили многие возможности языка, ускорив их реализацию, но одновременно обнаружили и недостаточную «языковую компетенцию» значительной части общества. Последнее заставляет тревожиться «пекущихся» о языке, видеть в нарушениях нормы порчу языка, и, как утверждает Н.С. Валгина, «бывают случаи, когда отклонения от нормы, закрепляясь в речевой практике, включаются в нормативный язык» [Валгина 2001: 97].

Определённым отклонением от нормы можно считать появление в языке новых именных знаменателей, одним из которых являются никонимы. В четвёртом параграфе настоящей главы будут представлены основные тенденции изучения имени собственного на современном этапе, а также изложены некоторые теоретические позиции, позволяющие говорить о месте никонимов в ономастическом пространстве.

§4. О месте никонимов в ономастическом пространстве современного русского языка

Опыт предыдущих исследований показал, что без логики, опираясь исключительно на языковые категории, вряд ли может быть построена полноценная ономастическая теория. В силу специфичности ономастической лексики, её теснейшей связи с именуемыми объектами, которые выявляются лингвистическими методами, в силу социальной обусловленности и социальной закреплённости имён, их лингвистическая ценность измеряется социальной, исторической, географической, экономической значимостью, а судьба в языке определяется экстралингвистическими факторами [Суперанская 2009: 87-88].

Поэтому перед современными ономатологами стоит вопрос о расширении проблематики специальных ономастических исследований, привлечении нового научного материала, что имеет своим непосредственным следствием потребность в обновлённых общих ономастических теориях.

Таким способом расширения области исследований в науке об имени собственном может явиться привлечение экстралингвистических дисциплин и компонентов ономастики.

В начале XXI века в области ономастической науки активно разрабатываются проблемы, которые традиционно относились к прикладным. Можно выделить ряд трудов по нормативно-языковым вопросам употребления онимов (см. работы М.Я. Крючковой [Крючкова 2003]), вопросам перевода, транслитерации и страноведения (см. работы В.В. Катерминой [Катермина 2004], О.А. Леонович [Леонович 2002], Р.А. Лидина [Лидин 2006], А.И. Рыбакина [Рыбакин 2000], Ю.А. Рылова [Рылов 2006], Л.И. Сидоровой [Сидорова 2006] и др.), культурно-эстетические (см. работы Е.Л. Березович [Березович 2000], М.В. Горбаневского [Горбаневский 2008], В.В. Катерминой [Катермина 2004, 2008], В.О. Максимова [Максимов 2008], Т.А. Сироткиной [Сироткина 2008] и др.), а также вопросы литературной

ономастики (см. работы Н.В. Васильевой [Васильева 2005], В.В. Вязовской [Вязовская 2007], Г.Ф. Ковалёва [Ковалёв 2002], С.А. Коротких [Коротких 2004], Е.С. Обуховой [Обухова 2005] и др.).

Достаточно широко в работах последнего десятилетия представлена региональная ономастика (см. труды А.Ф. Азнабаевой [Азнабаева 2006], А.А. Бурыкина [Бурыкин 2006], О.П. Воронцовой [Воронцова 2004], И.С. Галкина [Галкин 2004], Т.Н. Дмитриевой [Дмитриева 2005], О.Ф. Золтоевой [Золтоева 2006], Л.А. Климковой [Климкова 2007], А.В. Мельникова [Мельников 2004], Е.Н. Поляковой [Полякова 2006] и многих других). Результаты этих исследований становятся материалом для создания региональных топонимических и антропонимических словарей.

Необходимо отметить особое направление в области региональной топонимики, получившее развитие лишь в последние годы, – городская топонимика (см. работы М.В. Майорова, Т.В. Майоровой [Майорова, Майоров 2005], А.М. Мезенко [Мезенко 2003], П.А. Попова [Попов 2003] и др.). Объектом изучения данного направления являются *урбонимы* (*урбанонимы*) – собственное имя любого внутригородского топографического объекта. Результаты исследований также становятся материалом для словарей.

Что касается традиционного для ономастики языкового материала, то в последние годы отмечается изменение подходов и методов его исследования. В частности, в изучении антропонимии наблюдается смещение центра исследования в область когнитивной лингвистики и рассмотрения антропонимов с точки зрения концептуального содержания. Актуальность подобных работ определяется стремительным ростом интереса к проблемам языковой концептуализации, а также изучения проблем, связанных с анализом различных видов взаимодействия когнитивных и языковых структур, осмыслением вопроса о соотношении языка и внеязыковой действительности.

Появление новых направлений и нового языкового материала для ономатологов объясняется тем, что имя, выполняя ряд социальных функций, живёт и развивается по законам языка, хотя причины, стимулирующие развитие именных систем, по своему происхождению социальны, т.е. лежат вне сферы действия лингвистики. Как отмечает А.В. Суперанская, «даже форма имени – структурный компонент ономастики – известным образом обуславливается социальными факторами» [Суперанская 2009: 26].

Социальные изменения в России конца XX – начала XXI вв., новые пути развития экономики повлекли за собой появление большого количества предприятий различного функционального профиля (деловых объединений людей, объектов коммерции, культуры, спортивных заведений и пр.), каждое из которых потребовало своего наименования, ставшее, в свою очередь, объектом изучения современной ономастики и получившее название «эргоним». Под эргонимом понимают «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1978: 166].

Кроме того, ещё одной активно развивающейся реалией действительности является Интернет и информационные технологии. С появлением глобальных компьютерных сетей создаются новые формы и методы компьютерного общения. Относительно новый тип деятельности не может не отразиться в языке. В интернет-коммуникации, как и в любой другой, возникает необходимость идентификации и самоидентификации пользователя. Поэтому закономерно появление особого именованного маркера, который ещё пока не получил в современной ономастической науке точного терминологического обозначения. В различных источниках данная лексическая единица называется «никонимом», «ником», «никнеймом» (от англ. *nickname* – ‘кличка, прозвище’), «сетевым именем» или «виртуальным именем собственным». Единого мнения, ввиду относительной новизны среды коммуникации, на определение возникшего термина также пока не

существует. Тем не менее, этот вид номинации занимает особое место в ономастическом пространстве любого языка и подвергается описанию современными ономатологами (см. работы Т.В. Аникиной, М.В. Голомидовой, В.М. Капагинского и др.). Чаще всего рассмотрение не обходится без сопоставления его с единицами одного порядка в ономастическом пространстве, а именно – с антропонимом.

Общеизвестно, что современная антропонимическая формула презентации личности представлена в русском языке фамилией, именем и отчеством человека. Выбор фамилии и отчества строго регламентирован. Личное имя дается человеку при рождении родителями и отражает их желание видеть своих детей соответствующими тем качествам, которые традиционно заложены в имени.

Антропоним (от греч. *ανθρωπος* – «человек» и *ονομα* – «имя») – вид онима, любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, кличка [Подольская 1978: 31].

Как отмечает А.В. Суперанская, имена каждой эпохи имеют своё социологическое и идеологическое наполнение, отвечающее специфике культуры эпохи. Кроме того, нельзя не учитывать тот факт, что антропонимы, как часть лексики, живо реагирующая на общественные изменения, чрезвычайно подвержены влиянию моды. Поскольку имя – это предмет духовной культуры, мода на имена приближается к модам на литературные произведения или картины, созданные в определённом стиле, и коренным образом отличается от моды на платья или трости – предметы материального обихода. Моды на имена объясняются сложным взаимодействием языковых и внеязыковых факторов, влияющих на выбор имён. При этом одного лишь языкового или внеязыкового «толчка» обычно бывает недостаточно для зарождения или прекращения моды. Важна вся

совокупность факторов, порой не поддающихся прямому непосредственному наблюдению [Суперанская 2009: 42].

Последний период в развитии русского антропонимикона, согласно ставшим уже классическими трудам по ономастике (см. работы А.В. Суперанской и В.Д. Бондалетова), начинается после 1917 г. и продолжается до последней четверти XX в. Этот период в 60–80-е гг. двадцатого столетия принято было называть советским, соотнося его таким образом с глобальными социальными, экономическими и культурными преобразованиями в СССР. Так, например, в советский период популярны были антропонимы *Гертруда* (сокращение от «героиня труда»), *Доздраперма* (сокращение от «да здравствует первое мая»), *Мэлс* (сокращение по первым заглавным буквам фамилий Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), *Владлен* (сокращение от имени и фамилии Владимира Ленина), *Октябринна* (в честь Великой Октябрьской социалистической революции) и многие другие. Однако эпоха социализма осталась позади, и новые общественные изменения закономерным образом отразились на языковой и культурно-речевой ситуации в России.

В статье «Русская антропонимическая система на рубеже веков» М.В. Голомидова выделяет ряд тенденций в области развития современной антропонимической системы:

1) значительное сокращение списка наиболее частотных, популярных имён, организующих ядро именного фонда, что обусловлено распространённым обычаем переносить на новорождённого имя кого-либо из родственников;

2) нивелирование распространённого относительно недавно обычая церковного имянаречения;

3) устойчивое положение словообразовательных моделей при образовании отчеств, поддерживаемых законодательно;

4) активный рост новых жаргонных разновидностей и появление новых прозвищ, обусловленное наличием множества субкультур;

5) появление новых именных знаменателей [Голомидова 2005: 13-19].

Именно к последней тенденции, с нашей точки зрения, следует причислить новое именование образование, получившее в науке название **никоним**.

В российской лингвистической науке в области интернет-коммуникации отсутствует общепринятый термин для обозначения имени пользователя в виртуальном пространстве. Часто можно встретить употребление термина **никнейм** или сокращённое от него **ник** (англ. *nick* – «прозвище», «кличка» и *name* – «имя»). Следует отметить, что использование термина **никнейм** не совсем корректно, т.к. этимологическое «прозвище» или «кличка» относится к области социальной жизни человека в реальности и даётся ему другими людьми, тогда как наименование в виртуальном пространстве пользователь придумывает себе сам. По той же причине не совсем удачным, на наш взгляд, является, предложенный Т.В. Аникиной термин **псевдопрозвище** [Аникина 2009: 53]. Можно встретить для обозначения имени пользователя в виртуальном пространстве и словосочетание **сетевое имя**. Его недостаток видится в достаточно широком объёме содержания (ср.: *сетевое имя компьютера*, *сетевое имя принтера* и др.). [Андреев 2011: 4]. Предлагаемый же Е.И. Головановой **персоним** встречается в лингвистической литературе для обозначения иных реалий, а также не отражает основные признаки имени пользователя в виртуальном пространстве [Голованова 2007: 346]. Наиболее удачным обозначением для описываемого явления нам представляется термин **никоним**, образованного от двух корней: английского *nick* и греческого (что является традиционным для научной терминологии) *ονομα* – «имя». Данный термин, во-первых, учитывает связь с описываемым денотатом; во-вторых, дифференцирует характерное понятие общей лексики и научный термин; в-третьих, позволяет вписать термин в один ряд с понятиями, относящимися к области ономастики (ср.: *антропоним*, *гидроним*, *ойконим* и др.).

Некоторые учёные приравнивают никонимы к псевдонимам. **Псевдоним** (от греч. ψευδής - «ложный» и ὄνομα - «имя») – вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим или вместо него [Подольская 1978: 118]. В.Г. Дмитриев в книге «Скрывшие своё имя» среди причин появления псевдонимов выделяет следующие:

1) стремление заменить слишком длинное имя более коротким, запоминающимся;

2) стремление взять «говорящее» имя, соответствующее избранному роду деятельности, личной творческой или гражданской позиции, эстетическим предпочтениям эпохи;

3) стремление скрыть происхождение, в частности, национальность носителя имени;

4) стремление «разойтись» в именах с другим лицом, действующим в этой сфере и носящим то же или похожее имя [Дмитриев 1977: 9-99].

Безусловно, некоторые из перечисленных свойств могут быть применимы и к никонимам, но среди основных отличий этих двух понятий нам представляется тот факт, что псевдоним избирается автором добровольно, тогда как создание никонима – необходимость, своеобразное правило сетевого поведения пользователя в виртуальной реальности, которое обусловлено наличием у никонима технической функции: служит для авторизации (входа) в систему. Кроме того, никоним является неизменным атрибутом виртуальной языковой личности, средством реализации её линвокреативного потенциала и не всегда служит для того, чтобы за ним «скрыться».

Говоря о дифференциации никонимов и смежных с ними явлений, следует отграничить также понятие «логин». **Логин** (от англ. login – «вход в систему», «регистрационное имя») – имя, используемое пользователем для входа в систему. Отличие данного понятия от никонима заключается в том, что логин – это идентификатор, подобный паролю, используемый для входа в

защищённую систему и не несёт в себе самопрезентирующую функцию. Частое смешение этих понятий можно объяснить тем, что никоним зачастую включает в себя функцию идентификатора в системе.

Итак, учитывая вышеизложенное, необходимо отметить, что имя собственное, являясь неотъемлемой частью культуры любого народа, привлекало внимание учёных во все времена. Имя собственное было предметом исследования логики, философии, культурологии и языкознания. В настоящее время существует ещё достаточное количество вопросов и проблем, которые требуют решения и носят как фундаментальный (определение имени собственного, его место в языке и мышлении), так и прикладной (классификация, описание особенностей классов и др.) характер. В современной ономастической науке развитие получают как традиционные тенденции рассмотрения ономастического материала, так и только возникающие. В связи с этим специфика новых подходов к анализу языковых единиц проявляется в том, что значительное место в исследованиях отводится антропоцентрическому фактору. Кроме того, современный научный мир не может не учитывать реалии действительности общества XXI века и появляющиеся в связи с этим всё новые и новые объекты исследования, одним из которых является активно развивающееся виртуальное пространство.

Выводы по первой главе

Проведенный в первой главе исследования анализ научной литературы, посвященной изучению имени собственного и места никонима в ономастическом пространстве русского языка XXI века, дает основание сделать следующие выводы.

1) Проблема изучения имени собственного берёт своё начало с античного периода. Отправной точкой в этом вопросе являются мысли, изложенные Аристотелем, Аммонием, Платоном, Дионисием Фракийским, Аполлоном Дисколом, римскими грамматиками Диомедом, Донатом, Консентием. Однако выводы относительно имени собственного, сделанные в этот период, вряд ли можно определить как лингвистические теории. Это были попытки философски описать взаимосвязь имени и вещи, предмета. Непосредственный анализ имени собственного как элемента языка и речи начинается с теоретических работ Дж. Ст. Милла, а затем получает своё развитие в трудах таких учёных, как Б. Рассел, М. Бреаль, В. Брэндаль, П. Кристоферсен, А. Гардинер, К. Тогебю и Х.С. Сёренсен. В отечественном языкознании систематическая работа по изучению имени собственного ведётся, в основном, в XX веке. Большой теоретический и практический вклад в исследование онимов внесли работы таких учёных, как В.Д. Бондалетов, Г.П. Бондарук, Н.В. Васильева, В.А. Никонов, Н.В. Подольская, А.И. Попов, Е.М. Поспелов, А.В. Суперанская, Н.И. Толстой В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев, а также многих других. За это время сформировались основные теории в области изучения онимов, нашедшие своё дальнейшее развитие. К ним относятся: теория уникальности имени, теории семантической и асемантической собственных имен по сравнению с нарицательными, теория синонимичности имен собственных, теории произвольности и строгой мотивированности имён собственных.

2) На протяжении всей истории изучения онимов одним из основных вопросов являлась проблема дифференциации имени собственного и имени нарицательного. Основные точки зрения представлены следующим образом: граница между нарицательным и собственным именами предельно чёткая; граница достаточно чёткая, поскольку никаких промежуточных явлений между собственными и нарицательными не существует; граница между именем собственным и нарицательным относительна.

3) Наиболее полный анализ ономастического пространства на современном этапе необходимо проводить, учитывая активные процессы, происходящие в русском языке XXI века. Для имён собственных наиболее релевантными и актуальными представляются процессы, происходящие в области орфоэпии, орфографии, словообразования, морфологии и лексики. При этом важно учитывать отношение таких лингвистических категорий как норма и вариантность.

4) На современном этапе в области ономастической науки активно разрабатываются проблемы нормативно-языковых вопросов употребления онимов, вопросов перевода, транслитерации и страноведения, культурно-эстетические, а также вопросы литературной ономастики. Активно развивается направление региональной и городской ономастики. Среди относительно новых категорий ономастического пространства можно выделить урбонимы, эргонимы и никонимы.

5) В современной антропонимической системе фиксируется появление новой категории – «никоним», который обладает рядом институциональных признаков, позволяющих дифференцировать данную единицу ономастического пространства из ряда смежных. При этом в лингвистической науке отсутствует как общепринятый термин для обозначения данного явления, так и его наиболее полное описание.

Вместе с тем необходимо констатировать, что никонима напрямую соотносится с виртуальной реальностью. Поэтому во второй главе настоящего исследования нами будет предпринята попытка описания в

рамках теории лингвистической прагматики такого относительно нового понятия в лингвистике, как *виртуальный дискурс*.

ГЛАВА II. ВИРТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

§1. Лингвистическая прагматика как научная дисциплина

Прагматика как область теоретических исследований и решения прикладных задач, как отмечает И.П. Сусов, прошла в своём формировании и развитии сложный путь, опираясь на достижения многих областей знания (философия, логика, языкознание, математика, семиотика, антропология, мифология, религиоведение, этнография, искусствоведение, поэтика, риторика, нейробиология, психология, социология, информатика, когнитивистика, теория искусственного интеллекта, теория коммуникации, медицина, генетика и т.д.) [Сусов 2006: 7].

Своими корнями лингвистическая прагматика уходит в *семиотику* в том её варианте, который был создан американским учёным Чарлзом Сандерсом Пирсом (Charles Sanders Peirce) и развит Чарлзом Уильямом Моррисом (Charles William Morris). Заложенная Ч. Пирсом ещё в 60-х гг. XVIII в., семиотика мыслилась как метанаука, на основе которой должно было происходить объединение всех областей знания [Сусов 2006: 7].

При своём появлении в языке науки термин *прагматика*, по свидетельству Ч.У. Морриса, явным образом ориентировался на философское направление прагматизма, распространённое в США с 70-х гг. XIX в. и до середины XX в. Оно утверждало необходимость решения жизненно важных проблем не на основе отвлечённых спекулятивных размышлений, а с активных позиций в процессе целенаправленной практической деятельности в непрерывно меняющемся мире [Арутюнова, Падучева 1985: 5].

Одним из основоположников прагматизма как раз и явился создатель семиотики Ч.С. Пирс. Затем его мысли были развиты У. Джемсом (W. James), Дж. Дьюи (J. Dewey), Дж.Г. Мидом (G.H. Mead) и др. [Сусов 2006: 8].

Вклад Ч.С. Пирса, Ч.У. Морриса, Р. Карнапа, К. Бюлера в развитие семиотики и в формирование прагматики был сделан в период до Второй мировой войны. И.П. Сусов отмечает, «разумеется, что определение её предмета как абстрактного отношения между знаком и его пользователем мало содержательно. Не вполне тогда учитывалась роль узкого (внутреннего) и широкого (внешнего) контекста семиотического события. Недостаточно акцентировался целевой аспект этого вида действия, субъект знаковой деятельности не всегда выдвигается в центральное положение, хотя учётом фактора субъекта семиотика Ч. Пирса и Ч. Морриса радикально отличается от семиологии Ф. де Соссюра и сематологии К. Бюлера. Но проблемы языкового общения как специфической знаковой деятельности реально почти не ставились» [Сусов 2006: 28].

В послевоенный период главенство перешло к аналитической философии, сделавшей своим главным объектом естественный (обыденный) язык.

Философия обыденного языка, по сути дела, как раз и смогла в значительной степени реализовать программу прагматики языка, подготовив необходимые условия для развития собственно лингвистической прагматики. Она сыграла роль донора многих прагматических идей [Сусов 2006: 30].

В этот период всеобщий интерес привлекли идеи австрийского учёного Людвиг Витгенштейна (Ludwig Wittgenstein), который считается создателем созданием учения о “языковых играх” как формах использования языка в действии. Любая игра – специфическое действие. Она предполагает участников, правила для них и успех или неуспех. Для самого творца этой концепции языковые игры послужили средствами прояснения многих запутанных философских истин [Витгенштейн 1985: 101].

Вместе с тем Л. Витгенштейн пришёл к толкованию языкового значения как употребления. Значение как употребление принадлежит не столько языку, сколько субъекту, пользующемуся языком. Правда, такой подход вёл к прагматизации языкового значения в целом и по существу

означал, что оно выводится за пределы лингвистической семантики и что семантика поневоле лишается своего объекта [Витгенштейн 1985: 102].

Как отмечает М.С. Козлова, научная деятельность Л. Витгенштейна на протяжении многих лет была связана с Кембриджем. Под его прямым или косвенным влиянием сложились во-первых, лингвистическая философия (с преимущественным вниманием к концептуальному анализу в интересах самой философии) и, во-вторых, философия обыденного языка, ставшая фундаментом для современной прагматики [Козлова 1996: 10].

Бурный расцвет испытала развивавшаяся представителями Кембриджской и Оксфордской школ лингвофилософская семантика, открывавшая перспективу и прагматике. Питер Фредерик Стросон (Peter Frederick Strawson, 1919–13.02.2006) и Герберт Пол Грайс (Herbert Paul Grice, 1913–1988) заложили основы анализа прагматического значения. Возникла проблема стыка (интерфейса) семантики и прагматики, которая активно обсуждается представителями многих направлений на протяжении большого ряда десятилетий [Сусов 2006: 35].

Деятельностный (или акциональный) принцип был внедрён в анализ речи основоположником философии языка Джоном Лангшо Остином (John Langshaw Austi) и Джоном Роджерсом Сёрлом (John Rogers Searle). Они разработали так называемую стандартную теорию речевых актов, вскоре воспринятую и лингвистами. По замечанию И.П. Сусова, вполне оправдано утверждение о том, что основы современной прагматики заложили двое философов своими циклами лекций. Это Дж. Л. Остин, прочитавший в 1955 г. в Гарвардском университете в рамках Джемсовского семинара свои 12 лекций, которые были изданы в 1962 г., и Г.П. Грайс, прочитавший там же свои лекции в 1967 г. [Сусов 2006: 36]

Первый выдвинул в центр внимания взамен дескриптивной (или репрезентативной) функции языка деятельностную (акциональную) функцию. А другой показал, что использование языка и интерпретация языковых форм осуществляются в соответствии с определёнными правилами

и принципами общения, сформулировал постулаты широко известного принципа кооперации и продемонстрировал возможности смысловой интерпретации высказываний в терминах разговорных (конверсационных, коммуникативных) имплицатур. Этими учёными и были заданы две главные линии в развитии прагматики – акциональная и семантическая (контенсивная) [Сусов 2006: 37].

Как отмечает Н.Д. Арутюнова, философия языка самым серьёзным образом вторглась в сферу интересов лингвистической семантики и вместе с тем принесла с собой идеи деятельностного подхода к решению многих языковедческих проблем, особенно касающихся живой разговорной речи, безграничной вариативности языковых выражений, не прямых способов выражения смысла, иных способов реализации языковых действий (намёки, шутки, остроты, юмор, ложь, лесть, языковое манипулирование и т.п.). Границу между философией и лингвистикой стало труднее маркировать [Арутюнова 1998: 389].

И теперь многие междисциплинарные понятия живо обсуждаются в совместных дискуссиях представителей философии, логики, лингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, искусственного интеллекта, когнитивной психологии, психолингвистики, когнитивной семантики и т.д.

В этом взаимодействии и прежде всего во взаимодействии философии языка и языкознания произошёл синтез акционального и контенсивного подходов к феномену языкового значения. На основе этого синтеза и сложилась прагматика как относительно самостоятельная наука [Сусов 2006: 38].

В 60-70-е гг. XX века к лингвистике в её стандартном понимании (как теория языковой системы) присоединились, с одной стороны, прагматика, изучающая язык в общении, а с другой стороны, когнитивная лингвистика, (прежде всего когнитивная семантика), исследующая роль языка в мыслительных процессах и в познании мира [Арутюнова, Падучева 1985: 10].

Вместе с тем общеизвестно, что традиционно задачи описания языковой системы возлагались на такие лингвистические дисциплины, как фонетика (включающая в себя фонологию), морфология, синтаксис и лексикология. В период бурного развития структуралистского подхода к изучению языка ведущую роль среди этих дисциплин сначала играла фонология, исследующая звуковую сторону языка с функциональных позиций. Здесь сформировались эффективные методы оппозиционного и дистрибуционного анализа, позволяющие строить достаточно непротиворечивые модели фонологической системы языка. Они образовали серьёзное дополнение к экспериментальным / инструментальным методам фонетики, которые уже долгое время использовались в исследовании артикуляторного, перцептивного и акустического аспектов звучащей речи. Структурные методы заставили по-новому посмотреть на организацию звуковой стороны языка. Разработанные в фонологии строгие методы моделирования вскоре освоила и успешно использовала морфология, а затем лексикология и синтаксис [Сусов 2006: 52].

В конце 50-х гг., после появления работ Н. Хомского, с утверждением в языкознании генеративизма, господствующее положение перешло к синтаксису. В исследовании единиц языка внимание переключилось с фонемы и морфемы на предложение. Чуть позже к названным дисциплинам присоединилась семантика, которая, как отмечает И.П. Сусов, «бросила смелый вызов синтаксису и заявила о своём праве на лидерство в описании и объяснении языковой системы в целом». Семантика, оформившись в качестве самостоятельной дисциплины, практически не стала настаивать на том, чтобы изъять проблемы значения и смысла полностью из компетенции синтаксиса, морфологии и тем более лексикологии (хотя в ряде направлений место лексикологии закрепилось за семантикой, по преимуществу лексической) [там же: 53-54].

Для семантики лексической, морфологической и синтаксической важен анализ смысловой стороны соответствующих знаменосителей – разных типов

слов, морфологических показателей и категорий, конструкций словосочетания и предложения, а также текста. Общая же семантика языка строится как интегральная теория выражаемых смыслов. Её в большей степени интересует модус существования языковых значений вообще, их связь с ментальными явлениями, возникающими в итоге нейрофизиологических процессов, с процессами концептуализации и категоризации опыта, а через их посредство связь с физическим миром, с человеческой предметно-практической деятельностью [Богданов 1996: 270].

Рядом с лингвистической семантикой стала формироваться прагматика с её явно деятельностным подходом к языку. Слово *прагматика* восходит к греч. *πράγμα* – ‘дело, т.е. и то, что сделано, и то, делается, и то, что нужно делать’ и *πραγματικός* – ‘способный к делам, деловой, дельный’ [Арутюнова 1998: 389].

Прагматика продолжила исследование значения, но в акциональном ключе, и стала своеобразной соперницей семантики. В науке ведутся споры по поводу того, должна ли прагматика рассматриваться как особый раздел широко понимаемой семантики, не считать ли, напротив, правомерным поглощение семантики прагматикой или же квалифицировать их как отдельные, хотя и тесно связанные дисциплины. Все три подхода по-своему оправданы.

Лингвистическая прагматика, а вместе с ней функционализм в грамматике и когнитивная лингвистика представили собой действенный противовес как структурализму, который видит в языке имманентную, замкнутую в себе структуру, так и сугубо формальной порождающей грамматике Н. Хомского и его последователей.

Ф. де Соссюр акцентировал внимание на лингвистике языка в узком смысле (*la linguistique de la langue*) и отвёл лингвистике речи (*la linguistique de la parole*) периферийное положение. Н. Хомский объявил единственным объектом лингвистической теории языковое знание (компетенцию, *competence*) абстрактного говорящего и вывел за пределы генеративной

теории проблемы исполнения (performance). Структурализм и генеративизм оставляют вне внимания человека и факторы контекста, в котором человек осуществляет языковое общение [Сусов 2006: 52].

С точки зрения прагматики в центре внимания оказывается живой язык в действии, во всём многообразии его функций и социально-функциональных вариантов. Абстрактный, идеальный говорящий должен был уступить своё место конкретному, реальному говорящему, осуществляющему свою деятельность общения каждый раз в новой обстановке, в новом коммуникативно-прагматическом пространстве. С прагматикой неразрывно связан и принцип антропоцентризма [Богданов 1996: 270].

По мнению И.П. Сусова, принцип системоцентризма в настоящее время перестал обладать «исключительной монополией» на описание языка и «освободил рядом с собой место принципу антропоцентризма». Вероятно, вполне допустимо говорить об отношении взаимодополнительности между изучением того, как устроен человеческий язык, и изучением того, как он работает, выполняя задачи, возлагаемые на него людьми в актах их деятельности [Сусов 2006: 53].

Прагматика не может не опираться на представление о языке как системе средств и правил, но она делает акцент на коммуникативных процессах и контекстуально зависимых принципах использования этой системы в бесконечном множестве разнообразных актов языкового общения. Для неё язык не просто устоявшаяся система знаков или совокупность его функциональных вариантов типа литературного языка, просторечия, диалектов и т.п., а, по замечанию И.П. Сусова, «гибкий способ знаковой репрезентации опыта и коммуникативного взаимодействия между членами данного социоэтнокультурного сообщества в любой конкретной ситуации».

Таким образом, прагматика представляется относительно молодой лингвистической дисциплиной, однако её развитие вместе с

антропоцентрическим подходом к изучению языка дополняет и помогает в изучении традиционным дисциплинам языкознания.

Определение предмета лингвистической прагматики – достаточно сложный и дискуссионный вопрос в языкознании. Часто прагматику определяют коротко как дисциплину, стремящуюся описывать язык не в его внутренней структуре, а в его употреблении человеком. Этим она отличается от традиционных лингвистических дисциплин, которые изучают язык как систему. Что же касается лингвистической прагматики, то она не просто включает язык в речь, а в целенаправленную предметно-практическую деятельность человека как субъекта общения.

Тем самым прагматика помогает сформировать основные принципы общей теории деятельности и принципы теории коммуникации. Она сосредоточивает своё внимание на том, как происходит, говоря словами Эмиля Бенвениста (Emil Benveniste) «присвоение языка человеком в конкретных коммуникативных актах» [Бенвенист 1974: 54].

Утверждение идей и принципов общей и лингвистической прагматики явилось результатом длительного процесса осмысления большого ряда понятий, конкретизирующих различные аспекты категории деятельности. В круг этих понятий входят такие, как действие, субъект действия, цель, результат, средства и способы достижения цели, условия и т.п. Прагматика в той или иной своей версии делает упор на каком-то из этих факторов, либо противопоставляя себя системно-структурному подходу к языку, либо «сознательно придерживаясь принципа лингвоцентризма и трактуя язык в широком смысле (вместе с его прагматическим аспектом)» [Сусов 2006: 72].

Представители первого направления отводят ей место смежной с лингвистикой наукой, поэтому прагматика зачастую оказывается в сфере интересов социолингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики и т.п.

Представители второго направления разделяют взгляды Вильгельма фон Гумбольдта (Wilhelm von Humboldt) на язык как творческую деятельность. Учёные таким образом включают язык в социально значимую

деятельность человека. Различение предложения и высказывания становится различением двух уровней лингвистического анализа одной и той же языковой сущности, а именно конструктивного и уровня функционального. Речевой акт – это, по существу, предложение в действии, предложение в акте его целенаправленного использования субъектом речевой (точнее, речемыслительной) деятельности. Дискурс – это и процесс развёртывания коммуникативной ситуации, и продукт этого процесса. Прагматика при таком подходе включается в число лингвистических дисциплин [Сусов 2006: 73].

В отечественной лингвистике проблемами прагматики как отдельной дисциплины занимались Ю.Д. Апресян [Апресян 1995], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1985], М.Б. Бергельсон [Бергельсон 2002], В.В. Богданов [Богданов 1984, 1996], Д.Б. Гудков [Гудков 1997, 1999], В.З. Демьянков [Демьянков 2005], В.И. Карасик [Карасик 2002], В.Б. Кашкин [Кашкин 2007], А.А. Кибрик [Кибрик 2008], В.В. Красных [Красных 1998], М.Л. Макаров [Макаров 1998], Г.Г. Почепцов [Почепцов 2001], Ю.С. Степанов [Степанов 1985], И.А. Стернин [Стернин 2004], И.П. Сусов [Сусов 2006], С.А. Сухих [Сухих 1998], В.Н. Телия [Телия 1986] и др.

Однако, несмотря на большое количество трудов в области лингвистической прагматики, нет единого мнения о том, что является предметом этой дисциплины. В этой связи можно выделить ряд подходов.

С.К. Левинсон в монографии «Прагматика» характеризует предмет прагматики как изучение языкового узуса. Отметив неполноту этого определения, учёный критически анализирует одну за другой дефиниции, которые касаются разных возможных основных исследовательских объектов прагматики [Levinson 1985: 43].

В их число входят:

- те отношения между языком и контекстом, которые *грамматикализованы*, т.е. закодированы в структуре языка (сюда входят средства дейксиса, речевые акты; но при таком подходе из рассмотрения

исключаются разговорные импликатуры, не затрагиваются также проблемы социолингвистики и психолингвистики);

- все те *аспекты значения*, которые не охвачены семантической теорией (т.е. из рассмотрения выводятся условия истинности и конвенциональные импликатуры, лишь частично принимаются во внимание пресуппозиции и условия успешности, зато анализируются разговорные импликатуры (контекстно зависимые индивидуализированные / конкретные и обобщённые); выводы, проистекающие из интерпретации разговорных феноменов; изучается ироническое, метафорическое и имплицитно-коммуникативное содержание высказываний, исследуется так называемое значение говорящего);

- отношения между языком и контекстом, которые основаны на учёте *понимания языка* (т.е., в соответствии со взглядами представителей искусственного интеллекта, на умении осуществлять выводы из пресуппозиций, импликатур, иллокутивной силы и других прагматических импликаций, а также делать выводы не только из языковых, но и энциклопедических знаний);

- способность носителей языка устанавливать связи предложений с контекстами, которые делают их *уместными* или *успешными* (т.е. коммуникативная компетенция, знание культурных особенностей языковых сообществ) [там же: 45-54].

В конечном итоге, внимание С. Левинсона обращено на **контекстно обусловленные, дискурсивные, прагматические значения** использованных в коммуникации языковых объектов. Тем самым прагматика сближается с семантикой и социолингвистикой, отчасти с психолингвистикой, но не сливается с ними. Она должна рассматриваться как лингвистическая дисциплина в рамках интегрированной теории языка, считает С. Левинсон [там же: 58].

В. В. Богданов предмет лингвистической прагматики видит в условиях использования языка коммуникантами в актах речевого общения. К этим условиям он относит:

- а) коммуникативные цели собеседников,
- б) время и место речевого акта,
- в) уровень знаний коммуникантов,
- г) их социальные статусы,
- д) психологические и биологические особенности,
- е) правила и конвенции речевого поведения, принятые в данном обществе [Богданов 1984: 12-23].

Они нередко подводятся под единый термин *контекст*. Иногда их подразделяют на:

- 1) лингвистические условия (контекст),
- 2) экстралингвистические условия (конситуацию),
- 3) уровень лингвистических и энциклопедических знаний коммуникантов [там же: 12-23].

В лингвистической прагматике В.В. Богданов выделяет три фундаментальных направления:

- 1) учение о речевых актах, включающее понятия перформативных высказываний, а также локутивного, иллюкутивного и перлокутивного актов;
- 2) изучение правил и конвенций речевого общения, а именно:
 - а) правил организации речевого взаимодействия в диалоге (обмен репликами, доля вербального участия сторон и т.д.);
 - б) правил организации дискурса (обеспечение цельности и связности текста, линейная организация дискурса, описанные Дж. Личем правила структурирования текста);
 - в) правил организации информационного обмена (принципы кооперации, вежливости, интереса, принцип Поллианны и др.),

г) правил учёта статусных ролей коммуникантов в общении (иерархические и неиерархические отношения между коммуникантами; правила иерархии возраста, пола, служебного положения и сферы услуг);

3) изучение характера знаний и информационных потребностей коммуникантов [Богданов 1996: 268-275].

В понимании Н.Д. Арутюновой, изложенном в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», в круг проблем, изучаемых в прагматике, включаются те, которые связаны: с говорящим субъектом, с его адресатом, с взаимодействием говорящего и адресата и с ситуацией общения [Арутюнова 1989: 269-270].

При обращении к **субъекту** речи внимание исследователей речевого общения привлекают:

- явные и скрытые цели высказывания (иллокутивные силы), например: сообщение информации или мнения, вопрос, приказ, просьба, совет, обещание, извинение, приветствие, жалоба и т.п.;
- речевая тактика и типы речевого поведения;
- правила разговора, подчинённые принципам количества, качества, релевантности (отношения к теме), манеры речи;
- установка (прагматическое значение) говорящего, например: косвенные смыслы высказывания, намёки, иносказание и т.п.;
- прагматические пресуппозиции, т.е. оценка говорящим общего фонда знаний, уровня информированности собеседника, его интересов, мнений и взглядов, психологического состояния, особенностей характера и интеллектуальных способностей;
- отношение говорящего к тому, что он сообщает (оценка истинности или ложности; ирония, многозначительность, несерьёзность; введение в фокус интереса/эмпатии одного из лиц, о которых сейчас говорится; организация высказывания вокруг того, чему придаётся наибольшее значение [там же]).

С другой стороны, обращение к **адресату**, по мнению Н.Д. Арутюновой, выдвигает в центр внимания:

- интерпретацию речи (вывод косвенных и скрытых смыслов из прямого значения высказывания);
- воздействие высказывания на адресата (перлокутивный эффект), т.е. изменение информационного и эмоционального состояния, намерений, эстетическое воздействие;
- типы речевого реагирования на полученный стимул [там же].

В отношениях между коммуникантами интерес учёных привлекают:

- формы речевого общения (информативный диалог, дружеская беседа, спор, ссора и т.п.);
- социально-этикетная сторона речи (формы обращения, стиль общения);
- соотношение между участниками коммуникации [там же].

При анализе ситуации общения изучаются:

- интерпретация дейктических знаков и индексальных компонентов в значениях слов;
- влияние речевой ситуации на тематику и формы коммуникации;
- общение на официальных мероприятиях, в гостях, на банкетах, в больнице, в кабинете у врача, на приёме у адвоката и т.п.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что все эти разнородные явления объединяются принципом употребления языка в коммуникативных ситуациях, т.е. деятельностным принципом [там же].

§2. Дискурс и «виртуальный дискурс»: конститутивные признаки и жанровые разновидности

Речевая деятельность человека находится в фокусе интересов современного языкознания и смежных с лингвистикой областей знания, прежде всего – психологии, социологии, культурологии. Многие термины, используемые в лингвистике речи, прагмалингвистике, психолингвистике, социолингвистике и лингвокультурологии, трактуются неоднозначно. К их числу несомненно относится такое понятие, как дискурс. Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых описывают это явление в столь различных научных системах, что само понятие «дискурс» стало шире понятия «язык» [Карасик 2002: 189].

Современная теория дискурса, как и сам термин «дискурс», восходит к античной риторике, однако она начала складываться в самостоятельную область лишь в середине 60-х годов XX века в рамках многочисленных исследований, получивших название лингвистики текста. Это был период, когда лингвистика вышла за рамки исследования изолированного высказывания (предложения) и перешла к анализу синтагматической цепи высказываний, образующих текст, конституирующими свойствами которого являются завершенность, целостность, связность и др. [Бабаян, Круглова 2002-3: 55].

Термин «дискурс» оказался многозначным и употреблялся рядом авторов в почти омонимичных значениях. Дискурс (франц. discours, англ. discourse) – это: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная [там же].

Суммируя различные понимания дискурса, М.Л. Макаров выделяет основные параметры, с помощью которых определяется дискурс: формальная, функциональная, ситуативная интерпретация.

Формальная интерпретация – это понимание дискурса как образования выше уровня предложения. Речь идёт о сверхфразовом единстве, сложном синтаксическом целом, выражаемом как абзац или «кортеж реплик» в диалоге; на первый план здесь выдвигается «система коннекторов», обеспечивающая целостность этого образования.

Функциональная интерпретация в самом широком понимании – это понимание дискурса как использования (употребления) языка, т.е. речи во всех её разновидностях. Более узким вариантом функционального понимания дискурса является установление корреляции «текст и предложение» – «дискурс и высказывание», т.е. понимание дискурса как целостной совокупности функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. Такая трактовка дискурса встраивается в противопоставление дискурса как процесса и текста как продукта речи либо текста как виртуальной абстрактной сущности и дискурса как актуализации этой сущности (отмечается принципиальное единство в понимании дискурса как динамического промежуточного речевого образования в отличие от полярно различных трактовок текста – от предельно абстрактного конструкта до предельно конкретной материальной данности). Контекст как признак дискурса акцентирует внимание исследователей на противопоставлении того, что сказано, и того, что имелось в виду (локуции и иллокуции), а отсюда – на ситуации общения.

Ситуативная интерпретация дискурса – это учёт социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, т.е. поле прагмалингвистического исследования. Закономерно поэтому обращение к дискурсу со стороны многих ученых, разрабатывающих теорию речевых актов, логическую прагматику общения, конверсационный анализ, анализ диалога, лингвистический анализ текста, критический анализ дискурса, проблемы социолингвистики и этнографии коммуникации, когнитивной лингвистики и психолингвистики [Макаров 1998: 68-75].

В.Е. Чернявская, обобщив различные понимания дискурса в отечественном и зарубежном языкознании, сводит их к двум основным типам:

- 1) конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определённом когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве;
- 2) совокупность тематически соотнесённых текстов [Чернявская 2001: 14-16].

Эти явления, как отмечает В.И. Карасик, подводятся под понятия «дискурс» и «тип дискурса», что в традиционной лингвистике соответствует противопоставлению аллофона и фонемы, алломорфа и морфемы и т.д. Тип дискурса – это обобщённое представление о тексте, концепт текста в сознании носителей соответствующей культуры. В связи с этим в структуре дискурса как когнитивного образования выделяются три компонента, соответствующих:

- 1) обобщённой модели референтной ситуации,
- 2) репрезентациям знаний о социальном контексте, с учётом которого осуществляется социальное взаимодействие посредством текстов,
- 3) лингвистическим знаниям (определённым схемам построения текста и семантико-синтаксическим структурам) [Карасик 2002: 192].

Из всего вышесказанного можно заключить, что анализ дискурса представляется как междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке лингвистики, социологии, психологии, стилистики и философии. Как указывает В.И. Карасик, описание дискурса осуществляется с различных позиций, но всех исследователей дискурса объединяют следующие основные послышки:

- 1) статическая модель языка является слишком простой и не соответствует его природе;

2) динамическая модель языка должна основываться на коммуникации, т.е. совместной деятельности людей, которые пытаются выразить свои чувства, обменяться идеями и опытом или повлиять друг на друга;

3) общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте;

4) центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения;

5) коммуникация включает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии;

6) текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главным из которых являются порождение и интерпретация текста [там же].

Дискурс может быть предметом рассмотрения ряда наук, находящихся на стыке с лингвистикой. Учёные отмечают, что с позиций лингвофилософии дискурс – это конкретизация речи в различных модусах человеческого существования, поэтому правомерно, например, выделение деловой и игровой категорий дискурса. С точки зрения лингвистики речи дискурс – это процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи, отсюда внимание к степени спонтанности, завершённости, связности, понятности разговора для других людей. Дискурс в рамках социолингвистики интерпретируется как общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение, поэтому представляется возможным выделить юридический, военный, педагогический и другие виды дискурсов [Карасик 2002: 193-195].

В настоящее время большая часть общения человека происходит посредством электронной коммуникации, в том числе и посредством Интернета, который существует, принимая во внимание не только его нынешнее состояние, но и прообраз, примерно 40 лет [Мальшева: <http://hostinfo.ru/htmtree/e-mail/creators>]. Как отмечает О.В. Лутовинова,

«Интернет – это мир, который не знает государственных границ, в котором скорость прохождения информации определяется не географической удалённостью объектов друг от друга, а соединениями сетей; это способ быстрого получения любой информации, возможность общения миллионов людей в различных частях света, независимо от их общественного положения и рода занятий» [Лутовинова 2006: 20]. Темп современной жизни постоянно ускоряется, и без помощи компьютеризированных средств человек уже не успевает соответствовать этому ритму жизни. В Сети люди совершают покупки, работают, становятся известными, знакомятся, ищут спутника жизни и т.д. Иными словами, мы живём в веке информационных технологий, медленно преобразуясь, как отмечает О.В. Лутовинова, «в экранное сообщество» [там же].

Такая большая вовлечённость человека в мир сетевого общения не может не затрагивать различные области знаний, так или иначе связанные с исследованием его жизнедеятельности. Отсюда вытекает большой интерес к Интернету у психологов, социологов, философов, лингвистов. Для лингвистов Интернет представляет собой особую коммуникативную среду, особое место реализации языка, никогда ранее не существовавшее, и вызывает особый интерес, поскольку изучение коммуникативного аспекта языка, его функционирования в лингвокультурологической среде, а не в отрыве от реальной речевой действительности становится сегодня всё более актуальным. По мнению Е.И. Горошко, на данный момент можно говорить о формировании особой дисциплинарной парадигмы «Лингвистика Интернета» [Горошко: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v12_i2/pdf/11.pdf]. Основной целью этого направления является описание и объяснение особенностей функционирования языка в Интернете.

Поскольку Интернет формирует новый тип общения, в котором новые информационные средства становятся одним из важнейших инструментов ориентации человека в мире и взаимодействия людей друг с другом, а новая коммуникативная среда накладывает большой отпечаток на все стороны

общения, мы можем уже говорить о появлении нового типа дискурса – виртуального, хотя среди учёных-лингвистов пока ещё нет единого мнения относительно номинации и выделения отличительных черт интернет-коммуникации.

В англоязычной литературе используется термин *computer-mediated communication* – компьютерно-опосредованная коммуникация, среди российских учёных наиболее распространёнными вариантами являются интернет-дискурс, виртуальный дискурс, электронная коммуникация, виртуальная коммуникация, интернет-коммуникация, электронный дискурс или компьютерный дискурс. Их употребление определяется или дисциплинарными рамками (например, в социологии чаще используют понятие *виртуальная коммуникация*; в теории коммуникации и лингвистике – *компьютерно-опосредованная коммуникация*), или контекстуально (например, электронная коммуникация, помимо общения посредством Интернета, охватывает общение, осуществляемое с помощью других коммуникационных средств, например, средствами мобильной телефонии) [Иванов 2000; Аникина 2010 и др.]. Некоторые исследователи компьютерно-опосредованной коммуникации разграничивают понятие *виртуальное (электронное) общение* и *виртуальный (электронный) дискурс*, считая второе более узким понятием, описывающим языковые и речевые особенности компьютерного «текстового» общения, изучаемые методами дискурсивного анализа. Таким образом, *виртуальный (электронный) дискурс* является составной частью более широкого понятия *виртуальная (электронная) коммуникация* [Лутовинова 2009; Трофимова 2001 и др.].

Дискурс, понимаемый в современной лингвистике как «текст, погружённый в ситуацию общения, является многомерным образованием, и в связи с этим допускает множество измерений» [Лутовинова 2007: 394]. Виртуальный дискурс, по мнению О.В. Лутовиновой, представляет собой текст, погружённый в ситуацию общения в *виртуальной реальности* [там же: 394], или *веб-пространство*.

В настоящее время существует достаточно большое количество трактовок виртуальности, многие из которых восходят к обозначению явлений в физике. В данном исследовании, вслед за Д. Репкиным, мы понимаем виртуальную реальность как реальность, отличную от действительного, материального мира, основой которой являются нематериальные понятия – информация, мысли, образы. Основное выражение, определяющее смысл виртуальной реальности, – это «ощущение присутствия» в виртуальном мире» [Репкин: http://www.virtual.ru/virtual_reality.html]. Определяя виртуальную реальность таким образом, можно отказаться от привязанности к компьютерным технологиям и остановиться на рассмотрении самого человека. Необходимо при этом отметить, что, говоря об Интернете как о новой социальной виртуальной реальности, важно развести два широко используемых в настоящее время понятия «интернет-сообщество» и «виртуальное сообщество». Мы не можем не согласиться с Г.Н. Трофимовой, считающей, что, хотя данные понятия довольно часто используются в качестве синонимичных, они не вполне идентичны. Интернет-сообщество использует новые информационные технологии прежде всего для перестройки своей реальной жизни, для реализации своих реальных задач, которые выходят за рамки виртуальной реальности. Приверженцами виртуального сообщества являются люди, переводящие часть аспектов своей личной жизни в виртуальную реальность [Трофимова 2004: 164].

Таким образом, с одной стороны, виртуальный дискурс будет пониматься уже, чем дискурс компьютерный, или электронный. Говоря о дискурсе компьютерном, мы предполагаем, во-первых, общение не только между людьми посредством Интернета, но и общение человека с компьютером. Е.Н. Галичкина выделяет следующие функции, которые реализуются при использовании компьютера как канала передачи:

- 1) решение прикладных расчётов,
- 2) набор любых текстов и их хранение в компьютерной памяти,

3) возможность кодировать нетекстовую информацию: выход на медиа, звуковые, графические и видеофайлы [Галичкина 2001: 7].

Во-вторых, компьютерный дискурс помимо общения в Интернете включает в себя общение в локальных и других сетях, что подразумевает и наличие непосредственных контактов коммуникантов, чего не может быть при общении виртуальном, где партнёр (или партнёры) по коммуникации во многом домысливаются сознанием.

С другой стороны, виртуальный дискурс будет трактоваться шире, чем электронный, поскольку для общения в виртуальной реальности может использоваться не только Интернет, но и другие средства связи, способные создать эту реальность, например, мобильный телефон с системой СМС-сообщений.

При выделении и рубрикации категорий дискурса, вслед за В.И. Карасиком, мы руководствуемся следующими характеристиками:

1) наличие конститутивных признаков, позволяющих отличить текст от нетекста;

2) наличие формально-структурных признаков, характеризующих способ организации текста;

3) наличие содержательных признаков, раскрывающих смысл текста;

4) наличие жанрово-стилистических характеристик, определяющих тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи.

О.В. Лутовинова, рассматривая конститутивные признаки виртуального дискурса, отмечает, что «виртуальный дискурс обладает всем разнообразием функциональных целей, присущих дискурсу реальному: коммуникативные, игровые, учебные, психотерапевтические, социализирующие, манипуляционные и др. Однако, – продолжает лингвист, – в качестве наиболее общей цели именно виртуального дискурса следует отметить самовыражение виртуальной языковой личности, в процессе которого виртуальная языковая личность реализует своё стремление к

публичности, к признанию другими, в то же самое время оставаясь анонимной» [Лутовинова 2006: 22].

В продолжение мысли следует заметить, что в виртуальном дискурсе виртуальная языковая личность освобождается от сложившихся в реальной жизни социальных стереотипов и психологических комплексов путём формирования виртуального образа. Существует также мнение Л.Ю. Иванова о том, что «по мере углубления в Интернет-пространство в отношениях между людьми будет происходить замена личностей их образами» [Иванов: <http://www.ivanoff.ru/rus/OZHWEB.htm>]. В сконструированном сетевом образе человек может максимально реализовать возможности виртуального общения. Эту мысль подтверждают слова Т.Б. Карповой, которая говорит о том, что «виртуальность провоцирует человека на самовыражение, связанное с освобождением от различных психологических комплексов, сформированных в реальной жизни» [Карпова 2007: 394]. Причём освобождение это происходит именно в языковой сфере, поскольку человек существует в Интернете именно в языковой форме. Конструирование виртуального образа может быть связано с желанием пользователя Интернета решить проблему неудовлетворённости реальной идентичностью. Одним из способов решения этой проблемы интернет-пользователем выступает его язык как средство коммуникации и самовыражения.

К ценностям виртуального дискурса можно отнести анонимность, демократичность общения, неограниченную доступность получения информации и завязывания контактов, скорость получения информации, отсутствие пространственных границ, стирание роли временного фактора и свобода самовыражения.

Среди формально-структурных признаков виртуального дискурса, характеризующих способ организации текста в условиях общения виртуальной реальности, О.В. Лутовинова выделяет виртуальность, дистантность, опосредованность электронным сигналом как каналом общения, креализованность (т.е. использование различных

паралингвистических средств, таких как рисунок, фотография, а также шрифт, цвет, графические символы и др.), наличие гипертекста [Лутовинова 2006: 23].

Рассматривая содержательные признаки дискурса, исследователи принимают во внимание адресативность, образ автора, информативность и модальность.

Особого описания заслуживает вопрос о жанрах виртуального дискурса. Следует отметить, что чётких параметров и критериев для жанровой дифференциации текстов виртуального дискурса современной наукой ещё не выработано.

Г.Н. Трофимова выделяет многочисленные жанры интернет-коммуникации, характерные для разных стилей, утверждая, что в Рунете возникают собственно сетевые жанры, использующие возможности новых информационных технологий [Трофимова 2004: 69]. Е.Н. Галичкина и О.В. Дедова при определении жанра (чат, ICQ, форум, конференция, гостевая книга, электронная почта) апеллируют к исследованиям М.М. Бахтина [Галичкина 2001: 4; Дедова 2004: 231]. С.Н. Смирнов лишь перечисляет жанры электронной коммуникации и даёт им краткую характеристику, не приводя чёткого определения жанров [Смирнов 2004: 245].

Наиболее полной нам представляется точка зрения С.Н. Михайлова, который говорит о возникновении новых речевых жанров в связи с появлением новой формы языкового взаимодействия – письменной разговорной речи. В сфере электронной коммуникации учёный выделяет следующие жанры естественной письменной речи:

- а) чат-коммуникация,
- б) дискуссионные форумы,
- в) запись в гостевой книге,
- г) сетевой дневник [Михайлов 2004: 236].

Чат-коммуникация существенным образом отличается от остальных форм коммуникации в Интернете тем, что она происходит не в асинхронном,

а в синхронном модуле, т.е. совершается «онлайн». Одной из её особенностей является письменная реализация чат-коммуникации, хотя она по своей концепции относится к устной коммуникации. Для чат-коммуникации типична ситуация полилога, так как в беседу могут вступить все активные участники чат-коммуникации, а также её пассивные члены (участники чат-коммуникации, которые только следят за беседой, не вступая в неё). Диалог, как правило, возможен только в «приватных комнатах» [там же].

Телеконференция представляет собой обмен информацией по определенной тематике между пользователями глобальной компьютерной сети. Участники в дискуссионных форумах часто образуют более или менее устойчивые социальные группы, которые регулярно встречаются асинхронно, «виртуально» в сети. Характерные признаки компьютерных конференций: 1) сходство с научной конференцией в ее неформальной части; 2) дистантность, удаленность в пространстве и реальном времени; 3) конвенциональность, выраженная в особых нормах и запретах, и наличие фиксированных правил общения; 4) тематическое подразделение, выделение своеобразных клубов по интересам; 5) письменная фиксация [там же].

Записи в гостевой книге как жанр естественной письменной речи в сфере электронной коммуникации можно соотнести с жанром записок или с жанром письма. Сравнивая электронную форму записей в гостевой книге с не электронной, исследователи отмечают отсутствие официальности в электронной версии, отсутствие норм и правил написания данных сообщений [там же].

Сетевой дневник представляет собой электронную страницу, содержащую список записей-заметок, расположенных в хронологическом порядке, личный дневник, или ленту новостей со ссылками [там же].

Здесь важно отметить, что в виртуальном дискурсе границы между жанрами зачастую мягче, чем в реальном мире. Это объясняется незаконченностью формирования таких жанров. Подобная ситуация свидетельствует о том, что в Интернете свои законы общения. Данный факт

вызывает большое беспокойство исследователей, изучающих функционирование русского языка в виртуальном пространстве. Согласно их точке зрения, происходит постепенное размывание орфографических, грамматических и лексико-стилистических норм в устной речи, разрушение границ уже существующих жанров, т.к. влияние электронной коммуникации распространяется далеко за пределы виртуального общения на повседневную речь.

В связи с этим виртуальный дискурс необходимо рассматривать как новую среду функционирования языка во всей его многоаспектности, т.к. носитель языка в новых условиях сетевой деятельности вынужден приспособлять усвоенную им языковую систему к своим потребностям и возможностям [Иванов: <http://www.ivanoff.ru/rus/OZHWEB.htm>]. По мнению Н.В. Юдиной, если принять за основу тот факт, что речь человека непосредственным образом связана с его поведением в разных ситуациях и содержательных областях и во многом зависит от интеллектуального уровня индивида и его компетенции, то, следовательно, можно предположить существование определённой взаимосвязи между когнитивным стилем индивида как одним из стилевых образований личности и его языковой способностью. В когнитивной лингвистике понятие когнитивного стиля используется в нескольких значениях: в широком смысле когнитивный стиль определяется как «предпочитаемый подход к решению проблемы, характеризующий поведение человека не вне зависимости от интеллектуального уровня индивида, его компетенции», в узком смысле – «способ или стиль мышления или оценки» [Юдина 2006: 336-337].

Особая роль в интернет-коммуникации отводится активным процессам, происходящим в современном русском языке. Именно в Интернете, выступающем в качестве особой среды в рамках виртуального дискурса, скорость течения языковых процессов современного русского языка более высока, чем в реальном мире. Это объясняется тем, что скорость самой коммуникации в Интернете отлична от реальной письменной формы. Здесь

возникает вопрос о форме речи в Интернете. Пользуясь цифровой индексацией признаков В.И. Фурашова, мы можем сказать, что в средствах электронной коммуникации инкорпорированы, т.е. находятся в сообществе, обе формы речи – и устная, и письменная [Фурашов 2003: 217]. Письменная форма речи, как отмечает Ю.А. Сутырина, благодаря техническим особенностям Интернета, «приобрела высокую степень структурности, получила более пространственное измерение, приобрела интерактивность» [Сутырина 2005: 191]. Письменная фиксация устной формы привела к попыткам передать все особенности разговорной речи графическим способом. С точки зрения О.В. Дедовой, об этом свидетельствует обилие дискурсивных слов, характерных для устной разговорной речи, собственные способы передачи интонации и эмоций (специфика использования знаков препинания, строчных и прописных букв; так называемые «смайлики», или emoticons (EMOTional ICONS) – последовательность знаков препинания и букв, имитирующих человеческое лицо и его мимику (лицо как будто лежит на строке, его левая сторона находится сверху): например, :-) – радость, :- (– грусть, :-D – «громкий смех», :-@ – крик и т.д. Демонстративное пренебрежение правилами орфографии может превращать текст в подобие фонетической транскрипции. Формируемый в настоящее время стиль интернет-сообщения переносит черты разговорности и сниженности, характерные для чата, в тексты более «высоких» интернет-жанров: информационных и научных [Дедова 2004: 231].

Итак, следует признать, что в настоящее время виртуальный дискурс вызывает большой интерес исследователей. Данный вид дискурса определяется как текст, погружённый в ситуацию общения в виртуальной реальности. При этом виртуальный дискурс объективно выделяется как противопоставляемый дискурсу реальному на основе собственных категориальных признаков. Кроме того, применительно к виртуальному дискурсу мы можем говорить о формировании особой языковой личности – виртуальной, которая имеет ряд отличительных признаков.

§3. Языковая личность в условиях виртуального дискурса

Понятие языковой личности, введённое В.В. Виноградовым и привлёкшее к себе внимание после работы Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» в восьмидесятых годах прошлого столетия, рассматривается с различных точек зрения. Так, Т.Г. Винокур отмечает, что уже компоненты словосочетания «языковая личность» указывают, во-первых, на коммуникативно-деятельностную, а во-вторых, на индивидуально дифференцирующую характеристики [Винокур 1989: 11]. И.В. Сентенберг также показывает, что термин «языковая личность» полисемантичен, и это позволяет «рассматривать данный лингвистический концепт в разных аспектах и создать его более или менее целостную картину» [Сентенберг 1994: 14].

В работе «Моделирование языковой личности в свете современных концепций» Т.Ю. Тамерьян перечисляет наиболее исследуемые аспекты изучения языковой личности и даёт их подробный анализ, указывая при этом, что подходы к типологизации языковой личности зависят от ракурса её изучения – либо с позиции личности, либо с позиции языка [Тамерьян 2006: 117].

В настоящее время выделилось три основных подхода к рассмотрению языковой личности: структурный, коммуникативный и стратегический.

Так, в рамках *структурного направления* разрабатывается модель языковой личности, предложенная Ю.Н. Карауловым. Эта модель имеет трёхуровневую организацию: в ней выделяются вербально-семантический (или структурно-семантический), лингвокогнитивный (или тезаурусный) и мотивационный уровни. *Вербально-семантический* уровень развития

языковой личности предполагает овладение словарным запасом, навыками построения и использования типовых грамматических конструкций и достигается в результате обучения по образцам. Этот уровень считается нулевым для языковой личности, хотя «...совершенно ясно, что он составляет предпосылку ее становления и функционирования» [Караулов 2007: 36]. О подлинной языковой личности, по определению Ю.Н. Караулова, можно говорить только тогда, когда «...в игру вступают интеллектуальные силы» [там же], когда происходит выявление и установление иерархии смыслов и ценностей в её картине мира, в её тезаурусе, то есть на *лингвокогнитивном уровне*. Это тот уровень развития языковой личности, на котором возможен индивидуальный выбор языковых средств, тематическое создание текстов, понимание их основного содержания. Следующий уровень языковой личности – *мотивационный* – предполагает выявление и характеристику мотивов и целей, стимулирующих ее развитие и управляющих ее «текстообразованием». На этом уровне языковая личность как объект исследования совпадает с личностью в самом общем, социально-психологическом смысле; максимально активизируются коммуникативные потребности личности: выполнение различных коммуникативных задач, выбор и оценка языковых средств в зависимости от условий их применения [Караулов 2007: 36-50].

Для *коммуникативного направления* изучения языковой личности характерно внимание к социальной сущности языка и стремление к описанию типов носителей языковой способности [Буданова 2007: 220].

Стратегическое направление обращается к речемыслительным механизмам реализации языковой способности индивида, проявляющимся

при идентификации слова-стимула, предъявляемого информанту в психолингвистическом эксперименте [там же].

Объединяет эти три направления подход к языковой личности как к некоторому статичному, сформировавшемуся к моменту исследования явлению. Однако наряду с этим существует немало работ, авторы которых ставили своей задачей анализ процесса формирования и развития языковой личности. Это дает основания для выделения четвертого исследовательского направления, ориентированного прежде всего на описание динамики языковой личности [там же].

Здесь важно отметить, что языковая личность формируется и проявляется в общении. Это даёт возможность рассматривать её в рамках того или иного вида дискурса, где языковая личность, по замечанию В.И. Карасика, представляет собой «срединное звено между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны» [Карасик 2002: 100].

Уникальной средой функционирования языковой личности является виртуальный дискурс. Интернет создает новые условия существования человека, давая ему возможность прямого, творческого, свободного и интерактивного участия в массовой коммуникации. Это затрагивает существенные стороны человеческой личности, что проявляется и в трансформации ее языкового статуса.

В настоящее время в науке существуют разногласия в отношении того, является ли виртуальная личность личностью. Так, например, О.Б. Скородумова, учитывая традиционную трактовку личности,

предполагающую не только выявление присущих ей ценностных установок, индивидуальных черт характера, жизненной позиции, но и внешнего облика (манера поведения, стиль одежды и т.п.), считает, что виртуальная личность не обладает физическими параметрами, и её создатель остаётся анонимным [Скородумова 2004: 83]. Исходя из определения языковой личности, данного Ю.Н. Карауловым, мы понимаем под языковой личностью личность, которая существует в языковом пространстве, пользуется вербальными знаками, является совокупностью «способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений, (текстов)» [Караулов 2007: 23]. Таким образом, мы можем говорить о том, что выделение и изучение виртуальной языковой личности является вполне правомерным.

Как пишет О.В. Лутовинова, в виртуальном дискурсе происходит трансформация языковой личности. В процессе общения в виртуальной среде языковая личность меняет отношение ко времени, модели коммуникации, приоритеты; происходит нивелирование ряда параметров, составляющих неотъемлемую часть языковой личности в реальном общении [Лутовинова: <http://www.lingvomaster.ru/files/350.pdf>].

Так, например, внешность, пол, раса, национальность зачастую теряют свою значимость в процессе виртуального взаимодействия. Кроме того, появляются новые ценности, меняется отношение к языку. Приоритет отдаётся более демократичному, по сравнению с реальным, упрощённому характеру общения, в котором одним из показателей нивелирования социального статуса является общения на «ты» между совершенно незнакомыми людьми. Об упрощённом характере общения свидетельствует также выбор лексических средств, которые в большинстве своём являются разговорными, независимо от того, что

имеют графическую форму выражения. Т.А. Буданова считает, что подобная раскрепощённость в общении выражается в актуализации динамики языковой личности и, как следствие этого, происходит стимулирование её лингвокреативного потенциала [Буданова 2007: 221]. Е.Н. Ремчукова приписывает термину «лингвокреативность» два взаимосвязанных и взаимообусловленных значения, связанных с языком – созидательный и художественный, творческий. Как представляется, использование именно этого термина позволяет адекватно представить как единое целое творческий потенциал языковой личности и творческий, созидательный характер самого языка, допускающего свободное использование «только в рамках своего характера» [Ремчукова 2005: 10].

Одним из проявлений лингвокреативности виртуальной языковой личности выступает языковая игра. Языковая игра – понятие современной неклассической философии языка. Понятие введено Л. Витгенштейном для описания языка как системы конвенциональных правил, в которых участвует говорящий. Языковая игра, переводя речевую реальность в игровую плоскость, очерчивает горизонт возможных миров индивидуального и социокультурного опыта как не совпадающих с наличными, ибо, с одной стороны, в выборе правил языка, как и в выборе игры, человек ничем извне не ограничен, а с другой – соблюдение требования интерпретируемости модельной семантики заложено в самой основе конституирующей игру языка. Языковая игра строится по принципу плюрализма смыслов [Можейко 1999: 870].

В виртуальном дискурсе можно наблюдать языковые явления, представляющие собой целенаправленное искажение речи по определённым правилам, а не произвольный набор ошибок, как это может показаться человеку, неискушённому общением в Сети. Например, У.

Баоянь утверждает, что этот феномен «надо отличать от бессознательной неграмотности, от «передачи произношения на письме», от языковой игры» [Баоянь 2007: 416].

Зачастую средством выражения определённого содержания является игра с формой выражения слова, т.е. его графическим оформлением, а не с содержанием, т.е. семантикой. В данном контексте можно привести определение этого лингвистического явления, сформулированное М.А. Грачёвым, – «орфографическая игра: авторы посланий намерено искажают написание русских слов, максимально приближая написание к произношению и возможному восприятию» [Грачёв 2008: 59].

Следовательно, мы имеем все основания полагать, что в данном случае следует рассматривать это явление как языковую игру, одним из средств проявления которой является орфографическая игра.

В виртуальном дискурсе языковая игра получила большое распространение ещё и ввиду присущей этому виду коммуникации анонимности общения. Человек может общаться и оставаться неизвестным для других коммуникантов, конструируя виртуальный образ. Одним из средств создания виртуального образа является произвольный выбор пользователем ника, сетевого псевдонима. В данной ситуации следует говорить о развитии псевдоидентичности, т.е. в общении выступают те образы, которые создают себе сами коммуниканты. При этом появляется возможность корректировки ситуации (пользователь в любой момент может сменить ник). Поэтому остро встаёт вопрос о самоидентификации виртуальной языковой личности.

Таким образом, в сегодняшних условиях широкого распространения глобальных информационных технологий меняется среда функционирования языковой личности, и, более того, следует говорить о

новом типе – *виртуальной языковой личности*, которая обладает своим набором характеристик. Условия виртуальной реальности являются благоприятными для реализации лингвокреативного потенциала языковой личности.

Выводы по второй главе

Анализ специальной лингвистической литературы, посвящённый проблемам лингвопрагматики, виртуального дискурса и виртуальной языковой личности позволяет сделать следующие выводы.

1) Лингвистическая прагматика как научное направление берёт своё начало с середины XIX века и восходит к теории семиотики, заложенной Ч.С. Пирсом. Основной методологической базой лингвопрагматики послужили философские и лингвистические труды зарубежных учёных Ч.У. Морриса, У. Джемса, Дж. Дьюи, Р. Карнапа, К. Бюлера, Ф. де Соссюра, Л. Витгенштейна, П.Ф. Стросона, Г.П. Грайса, Дж. Л. Остина, Э. Бенвениста. Выделилась в отдельную от философии научную дисциплину лингвопрагматика в середине XX века. В отечественной лингвистике проблемами прагматики как отдельной дисциплины стали заниматься в последней четверти XX века. В числе наиболее известных в этой области труды Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, М.Б. Бергельсона, В.В. Богданова, Д.Б. Гудкова, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, В.Б. Кашкина, А.А. Кибрик, В.В. Красных, М.Л. Макарова, Г.Г. Почепцова, Ю.С. Степанова, И.А. Стернин, И.П. Сусова, С.А. Сухих, В.Н. Телия и др. Наиболее дискуссионными в теоретическом плане на настоящий момент для лингвопрагматики являются вопросы определения предмета и объектов изучения.

2) Тип дискурса – это обобщённое представление о тексте, концепт текста в сознании носителей соответствующей культуры. В связи с этим в структуре дискурса как когнитивного образования выделяются три компонента, соответствующих: обобщённой модели референтной ситуации, репрезентациям знаний о социальном контексте, с учётом которого осуществляется социальное взаимодействие посредством текстов, лингвистическим знаниям (определённым схемам построения текста и семантико-синтаксическим структурам).

3) Виртуальный дискурс определяется как текст, погружённый в ситуацию общения в виртуальной реальности. При этом виртуальный дискурс объективно выделяется как противопоставляемый дискурсу реальному на основе собственных категориальных признаков. К ценностям виртуального дискурса относятся анонимность, демократичность общения, неограниченную доступность получения информации и завязывания контактов, скорость получения информации, отсутствие пространственных границ, стирание роли временного фактора и свобода самовыражения. Среди формально-структурных признаков виртуального дискурса относятся следующие: виртуальность, дистантность, опосредованность электронным сигналом как каналом общения, креализованность (т.е. использование различных паралингвистических средств, таких как рисунок, фотография, а также шрифт, цвет, графические символы и др.), наличие гипертекста.

4) Виртуальная языковая личность обладает своим набором характеристик, а именно: высоким лингвокреативным потенциалом, демократичным характером общения, особым отношением к модели коммуникации, множественной идентификацией.

Нерешённым представляется вопрос о самоидентификации виртуальной языковой личности, с которой человек встречается на первом этапе вхождения в виртуальное пространство, а именно – выбор сетевого имени, получившего в лингвистической науке название *никонима*.

В третьей главе настоящего исследования нами будет предпринята попытка описать теоретико-методологические основы понимания никонимов.

ГЛАВА III. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ НИКОНИМА КАК ЕДИНИЦЫ ВИРТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

§1. Принципы автономии в виртуальном дискурсе

По мнению ряда учёных-исследователей в области теории коммуникации, автономия становится неременным условием успешности процесса реального общения. Сложная совокупность интрасубъективных и экстрасубъективных факторов детерминирует выбор наименования своему «Я» говорящим субъектом в конкретной ситуации речевого общения. Изучение автореферентных номинаций будет способствовать раскрытию сущности процесса самоименования, выявлению его психологических, физиологических и социальных причин. Автореферентные номинации становятся ярким свидетельством самопринятия говорящего субъекта, уровня его самооценки и самоуважения. И, как отмечает Е.Ч. Дахалева, обращение к особенностям автореферентных номинаций должно способствовать решению основного вопроса человеческого бытия - вопроса о познании субъектом самого себя [Дахалева 2005: 4].

Тем не менее, возникновение автономии в виртуальном пространстве носит, по замечанию Е.В. Бусуриной и Н.В. Чуйкиной, императивный характер. «При желании быть не только читателем, но и «писателем» в виртуальном мире, человек сталкивается с необходимостью зарегистрироваться на определённом виртуальном ресурсе, а первым и обязательным шагом такой регистрации является заполнение поля имени пользователя [Бусурина, Чуйкина 2011: 173]. Данный факт, с одной стороны, может сделать процедуру автономии формальной, с другой - создать условия для реализации лингвокреативного потенциала языковой личности в интернет-пространстве.

Если учитывать, что «всякий факт номинации является порождением двустороннего образования из идентифицирующего и дифференцирующего элементов» [Мартынов 1969: 106], то при автономии в интернет-пространстве дифференцирующим элементом дополнительно является техническая невозможность иметь абсолютно идентичный никоним на одном интернет-ресурсе коммуникации. Однако эти условия могут выступать в качестве мелиоративного фактора для закрепления созданного никонима за виртуальной языковой личностью как постоянной самоидентифицирующей и/или самопрезентирующей единицей.

В работе М.А. Щербакова «Модель уровней самоидентификации личности» самоидентификация понимается как «отождествление себя с определённой социальной группой, образом, архетипом и т.д. Например, *я – инженер; я – отец; я – мужчина* и т.д.» [Щербаков, http://www.ipd.ru/articles/ident_article.shtml].

Существует также мнение о том, что коммуникация в условиях виртуальной реальности предполагает, с одной стороны, необходимость самоидентификации, с другой – определённую свободу от самоидентификации в условиях настоящей реальности. В виртуальной реальности существует возможность так называемой множественной идентификации, позволяющей проявиться некоторой субличности на правах целостной личности [Резанова, Мишакина 2004: 326].

В этой связи любопытной представляется работа В.К. Андреева, который обращается к рассмотрению формы и содержанию автономии в корпоративных языках молодёжи. Автор анализирует никонимы с точки зрения создания их в коммуникативных условиях различных молодёжных субкультур. В частности, исследователь приводит пример функционирования никонимов в «субкультуре рэперов, любителей и исполнителей музыки в стиле рэп (речитатив, исполняемый под ритмический или ритмомелодический аккомпанемент). Маркер *Mc* в никнеймах *Kor(Mc)*, *Опух(Mc)*, *Мелкий(Mc)*, *ДОБРЫЙ SKIFF(Mc)*, *Tef(Mc)* не только

свидетельствует о принадлежности автора интернет-псевдонима к данному субкультурному сообществу, но и сообщает о том, что он сам исполняет, «читает» рэп; такого рэпера называют *эмси*, а графически обозначают как *Мс* (от англ. *Master of Ceremony*)). Или, например, «в соответствии с мировоззрением гóтов (субкультура, связанная с романтической идеализацией смерти) никнеймы должны вызывать «мрачные ассоциации». Поэтому часто ники готов – это номинации «сил зла» (*САТАНА, Дьявол, Демон, Владыка Ночи*) и других мистических персонажей (*Вампир, вамп, Призрак*)). [Андреев 2011: 4-7].

Следует отметить, что наличие «сцепленного» с коммуникативным интернет-пространством субкультуры никонима не исключает отличных проявлений автономии виртуальной языковой личности в иных коммуникативных сферах. Это подтверждает мысль о том, что в виртуальной реальности существует возможность множественной самоидентификации.

Что же касается самопрезентации, то, по мнению исследователей, при создании никонимов, как и псевдонимов, основную роль играет другая функциональная задача онима – дифференциация, уникальность конкретной языковой личности. Именно поэтому большинство никонимов является результатом индивидуальной самопрезентации. Хотя иногда может наблюдаться и контаминация в вербальном выражении самопрезентации и самоидентификации [Бусурина, Чуйкина 2011: 173].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что при автономии необходимо учитывать социальные характеристики личности, её уникальность, принадлежность к какой-либо социальной группе, лингвокреативный потенциал, а также прагматическую составляющую восприятия никонима другими пользователями и психологическую мотивацию при самоидентификации и/или самопрезентации. Ведь в процессе создания никонимов, как отмечает Е.И. Голованова, «актуализируется важный когнитивный механизм, связанный с саморефлексией автора, активизацией и мобилизацией его

языкового опыта, языковой, коммуникативной и культурной компетенции, а также с осмыслением личных ценностных ориентиров и приоритетов» [Голованова 2007: 346].

Как отмечает А.А. Трапезникова, обращение исследователей к мотивировочным признакам как элементарной единице неосознаваемого уровня обуславливается «спецификой номинативного акта: процессы, предваряющие появление отдельной единицы, происходят в сознании моментально, а в акте номинации используется готовая модель, существующая в ономастическом континууме для объектов одного класса» [Трапезникова 2010: 8].

Выявление принципов автономинации представляется возможным посредством проведения лингвистического интервьюирования, эксплицирующего номинативный акт в целом, включая мотивационную установку номинатора.

С целью получения рефлексивных текстов нами был проведен опрос трёхсот Интернет-пользователей, которым было предложено ответить на следующие вопросы:

- 1) укажите Ваши фамилию, имя и отчество;
- 2) укажите Ваш ник в блоге «Живой журнал» (<http://www.livejournal.com>);
- 3) укажите, что означает Ваш ник;
- 4) укажите, с чем связан выбор данного ника;
- 5) предположите, как воспринимается Ваш ник остальными пользователями.

«Живой Журнал» является самой распространённой блог-платформой для ведения онлайн-дневников (блогов). Платформа предоставляет возможность пользователю публиковать свои и комментировать чужие записи, вести коллективные блоги и следить за записями других Интернет-пользователей. Выбор данного портала для анализа обусловлен. Важно отметить, что ввиду ряда технических и жанровых особенностей данной

сферы коммуникации в виртуальном пространстве в различной степени проявляется способность к самопрезентации, самоидентификации и реализации лингвокреативного потенциала языковой личности.

Результаты проведённого опроса показали, что в 28% случаев при автономии никоним Интернет-пользователя представляет собой либо полное или частичное дублирование антропонима человека в реальной жизни, написанное ввиду технической особенности ресурса (невозможность при регистрации использования кириллицы) на латинице (ср., например, *antongribanov* – «*всё просто - имя и фамилия Антон Грибанов*», *karzanovboris* – «*мои фамилия и имя Карзанов Борис*», *e_lukuanova* – «*первая буква имени и фамилия*» и др.). Респонденты мотивируют выбор подобных никонимов прямой связью созданного виртуального образа с самим собой (ср., например, ответ «*Просто мои имя и фамилия. Это ж я блог веду*» или «*Позиционирование себя именно по фамилии*»). В 14% случаев никоним частично дублирует антропоним пользователя или производный от него. Другая часть представляет собой отражение иной информации о человеке или создаётся под воздействием субъективных психолингвистических факторов (ср., например, *lukovnikova33* – «*фамилия и код региона*», *Verun_Murun* – «*Первое-производное от имени, второе-по созвучию подставила*» и др.). Большинство никонимов (57% от общего числа) не имеют связи с антропонимом и являются вымышленными или отсылают к прецедентным именам (ср., например, *K_Enchanteur*, *umi_no_ini*, *suvlehim_takas* и др.).

Результаты ответов на вопросы «укажите, с чем связан выбор данного ника» и «предположите, как воспринимается Ваш ник остальными пользователями» позволяют выделить следующие принципы автономии языковой личности в виртуальном пространстве:

- 1) стремление к прямой самопрезентации;
- 2) использование в наименовании реалий, связанных с биографией пользователя (год рождения, место проживания и др.);

- 3) стремление отразить особенности внешности пользователя;
- 4) апелляция к прецедентным именам из сферы литературы, кино, музыки;
- 5) стремление отразить тематику создаваемых текстов;
- 6) проявление лингвокреативного потенциала посредством языковой или графической игры;
- 7) связь никонима с профессиональной деятельностью пользователя.

Итак, при автономии в виртуальном коммуникативном пространстве языковая личность руководствуется широким спектром мотивационных установок. При этом, в большинстве случаев при выборе имени собственного в виртуальном пространстве языковая личность стремится к прямой самопрезентации или использует реалии, напрямую связанные с его биографией. Кроме того, пользователь, создавая себе имя в виртуальном пространстве, зачастую подходит к этому творчески, является отражением складывающейся тенденции к проявлению лингвокреативного потенциала виртуальной языковой личности. Однако определённые особенности относительно новые лексические единицы обнаруживают на графическом (знаковом) уровне.

§2. Трансформация языкового знака в никонимах

Знаковый характер человеческого языка составляет одну из его универсальных черт и основных особенностей. Не случайно к понятию знака издавна обращались представители разных научных направлений в целях более глубокого проникновения в сущность языка.

Следует признать, что на данный момент вряд ли можно говорить об окончательном решении проблемы определения языкового знака как дефиниции. Безусловно, данный вопрос требует отдельного глубокого изучения.

Наиболее полное определение языкового знака дано в Большой советской энциклопедии. «Языковой знак – любая единица языка (морфема, слово, словосочетание, предложение), служащая для обозначения предметов или явлений действительности. Языковой знак двусторонен. Он состоит из означающего, образуемого звуками речи (точнее, фонемами), и означаемого, создаваемого смысловым содержанием языкового знака. Связь между сторонами знака произвольна, поскольку выбор звуковой формы обычно не зависит от свойств обозначаемого предмета. Языковые знаки иногда подразделяют на полные и частичные. Под полным языковым знаком понимается высказывание (обычно предложение), непосредственно отнесённое к обозначаемой ситуации. Под частичным знаком подразумевается слово или морфема, актуализируемые только в составе полного знака. Наличие в языке частичных знаков разной степени сложности, а также членимость означающего и означаемого простейшего языкового знака на односторонние (незнаковые) единицы содержания (компоненты значения) и выражения (фонемы) обеспечивают экономность языковой системы, позволяя создавать из конечного числа простых единиц бесконечно большое количество сообщений» [БСЭ 1969-1978: 505-506].

Как отмечает Н.Н. Фёдорова, современное языкознание исходит из понимания того, что природа языковой единицы определяется очень сложной

и переменчивой совокупностью различных факторов, среди которых выявляются собственно лингвистические (отражающие закономерности языковой системы), экстралингвистические (отражающие в языке закономерности окружающей действительности), концептуальные (отражающие в языке особенности мышления человека). Наибольшей степени сложности взаимодействие перечисленных факторов достигает на уровне дискурса [Фёдорова 2006: 31].

Ввиду ряда особенностей никонима и прежде всего его именной природы логичным в данной работе представляется рассмотрение обозначенной единицы как частичного языкового знака. Особый интерес вызывает анализ единиц выражения никонима.

В настоящее время функционирование никонимов на фонетическом уровне рассматривается исключительно как письменная реализация фонем, т.к. «язык Интернета» существует лишь на письме, хотя некоторые реалии, изначально появившиеся в Сети, переходят в настоящую жизнь. При анализе никонимов с точки зрения графики необходимо учитывать специфику среды их функционирования. Технические возможности чатов, блогов, форумов, гостевых накладывают определённые ограничения на выбор сетевого имени. Так, например, на многих сетевых ресурсах при заполнении регистрационной формы существует возможность заполнять графу «ник» исключительно латинскими буквами. Кроме того, на Интернет-порталах, пользующихся большой популярностью у пользователей, при регистрации возникает проблема, связанная с необходимостью в выборе уникального, неповторяющегося имени. Эти и некоторые другие особенности влияют на создание пользователем никонима.

Анализ языкового материала позволяет выделить следующие особенности графического оформления никонимов:

I. На уровне орфографии:

1) использование букв кириллицы для обозначения никонимов русскоязычного происхождения наблюдается в единицах различного структурно-грамматического происхождения:

А) однословных:

- существительные женского рода (ср., напр.: *Богиня* (Чат Mail), *Иллюзия* (Чат Mail), *КОКЕТКА* (Чат Krutomer), *Лейна* (Чат Mail), *Лисичка* (Чат Mail), *МАРКИЗА* (Чат Krutomer);

- существительные мужского рода (ср., напр.: *АлиГарх* (Чат Krutomer), *Квариц* (Чат Krutomer), *Туман* (Чат Krutomer);

- прилагательные женского рода (ср., напр.: *Желанная* (Чат Mail), *Обычная* (Чат Mail), *рыжая* (Чат Mail), *хоровая* (Чат Mail);

- прилагательные мужского рода (ср., напр.: *Большой* (Чат Games), *не_молодой* (Чат Mail), *неузнаваемый* (Чат Mail), *Разный* (Чат Mail);

- местоимения (ср., напр.: *какая_нибудь* (Чат Mail);

Б) построенных по модели словосочетания:

- по способу согласования (ср., напр.: *Дежурный_Ангел* (Чат Mail), *Горький шоколад* (Чат Mail);

- по способу управления (ср., напр.: *Время Перемен* (Чат Krutomer);

В) построенных по модели предложения (ср., напр.: *эй_человек* (Чат Mail);

2) использование латинских букв для обозначения никонимов англоязычного происхождения также представляется возможным разделить на группы в соответствии со структурно-грамматическим происхождением:

А) равных словоформе с предлогом, ср., например: *withoutstress* (транскрип. [wið'au'tstres], пер. с англ. – 'без стресса') (ЖЖ));

Б) построенных по модели словосочетания:

- по способу согласования, ср., например: *angry_daddy* (пер. с англ. – 'сердитый папа') (ЖЖ), *BigTicket3* (пер. с англ. – 'большой билет') (Чат Mail), *busyman* (пер. с англ. – 'занятой человек') (ЖЖ), *cryangel* (пер. с англ.

– ‘плачущий ангел’) (ЖЖ), *hearts-knave* (пер. с англ. – ‘червовый валет’) (ЖЖ), *MEXICANBOY* (пер. с англ. – ‘мексиканский мальчик’) (Чат Mail), *urbancat* (пер. с англ. – ‘городской кот’) (ЖЖ), *wild_cherry* (пер. с англ. – ‘дикая вишня’) (Чат Mail);

- по способу управления, ср., например: *baby-at-breast* (транскрип. [beɪbɪ brɛst], пер. с англ. – ‘ребёнок у груди’) (ЖЖ);

В) построенных по модели предложения (ср., напр.: *Areyouready* (пер. с англ. – ‘Вы готовы’) (Чат Mail), *I_am* (пер. с англ. – ‘я есть’) (Чат Mail), *No_name* (пер. с англ. – ‘нет имени’) (Чат Mail), *Sorry_Bro_I_am_Pro* (пер. с англ. – ‘Прости, брат, я профессионал’) (Чат Mail), *wish_me_luck* (пер. с англ. – ‘пожелайте мне удачи’) (ЖЖ);

3) транслитерация кириллической системы письма в латинскую. Ср., напр.: *XuliganVovochka* (транслит. ‘Хулиган Вовочка’) (система текстовых заметок «Twitter», www.rutwitter.com (далее – Твиттер)), *takoi_kak_vse* (транслит. ‘такой как все’) (ЖЖ), *shtukovina* (транслит. ‘штуковина’) (Твиттер), *hishnic* (транслит. ‘хищник’) (ЖЖ), *izkavkaza* (транслит. ‘из кавказа’) (Чат Mail);

4) использование латинских букв в качестве кириллических на основе их графического сходства. Ср., напр.: *arxivariyus* (транслит. ‘архивариус’) (ЖЖ), *bilet-na-vbIhod* (транслит. ‘билет на выход’) (ЖЖ), *POsoMAXA OH* (транслит. ‘Росомаха он’) (Чат Mail), *skomopox* (транслит. ‘скоморох’) (ЖЖ), *HEJIEIIOCTb* (транслит. ‘нелепость’) (Твиттер), *besko3blpka* (транслит. ‘бескозырка’) (ЖЖ);

5) использование цифр в буквенной функции. В данном случае наблюдаются следующие ситуации:

А) цифра используется вместо той буквы, с которой начинается её наименование в русском языке, (ср., например: *4abka* (транслит. ‘чашка’) (ЖЖ), *no4naya_reka* (транслит. ‘ночная река’) (ЖЖ), *s4astlivay* (транслит. ‘счастливый’) (ЖЖ), *4ajni4ek* (транслит. ‘чайничек’) (ЖЖ), *4elovek-pe4al* (транслит. ‘человек печаль’) (ЖЖ), *gor4iza* (транслит. ‘горчица’) (ЖЖ),

4uzhaya (транслит. ‘чужая’) (ЖЖ), *egor-gorini4* (транслит. ‘егор горыныч’) (ЖЖ), *_mol4un_* (транслит. ‘молчун’) (ЖЖ), *morya4ka* (транслит. ‘морячка’) (ЖЖ), *novi4ok* (транслит. ‘новичок’) (ЖЖ), *4EPT* (транслит. ‘черт’) (ЖЖ), *4erepa-xa* (транслит. ‘черепаха’) (ЖЖ), *4erni44ka* (транслит. ‘черничка’) (ЖЖ), *4ernosliff* (транслит. ‘чернослив’) (ЖЖ), *4ykotka* (транслит. ‘чукотка’) (ЖЖ);

Б) цифра может использоваться в качестве буквы на основе их графического сходства (ср., например: *ape1sinka* (транслит. ‘апельсинка’) (ЖЖ), *azaze1* (транслит. ‘азазель’) (ЖЖ), *b0bik*. (транслит. ‘бобик’) (ЖЖ), *confl1kt* (транслит. ‘конфликт’) (ЖЖ), *f1oletovo* (транслит. ‘фиолетово’) (ЖЖ), *s1ngle* (транслит. ‘сингл’) (ЖЖ), *3apa304ka* (транслит. ‘заразочка’) (ЖЖ), *3ai4ek* (транслит. ‘зайчек’) (ЖЖ), *mimo3a* (транслит. ‘мимоза’) (ЖЖ), *3verstvo* (транслит. ‘зверство’) (ЖЖ), *d0n-d0ct0r* (транслит. ‘дон доктор’) (ЖЖ), *metr0n0m* (транслит. ‘метроном’) (ЖЖ), *m0ya-dusha* (транслит. ‘моя душа’) (ЖЖ), *karlss0n* (транслит. ‘карлсон’) (ЖЖ), *ne-blondink0* (транслит. ‘не блондинка’) (ЖЖ), *psevd0nim* (транслит. ‘псевдоним’) (ЖЖ), *4ud04udesn0e* (транслит. ‘чудо чудесное’) (ЖЖ), *t04e4ka* (транслит. ‘псевдоним’) (ЖЖ), *беcko3blpka* (транслит. ‘бескозырка’) (ЖЖ), *belka* (транслит. ‘белка’) (ЖЖ), *sam_pose6e* (транслит. ‘сам по себе’) (ЖЖ),;

В) цифра или число используется вместо фрагмента слова, который соответствует его полному наименованию:

- в русском (ср., напр.: *100tskaya* (транслит. ‘Стоцкая’) (ЖЖ), *pro100bog* (транслит. ‘просто Бог’) (ЖЖ), *pro100_pomogi* (транслит. ‘просто помоги’) (ЖЖ), *marie_s2art* (транслит. ‘Мэри Стюарт’) (ЖЖ), *s2dentka* (транслит. ‘студентка’) (ЖЖ), *3ton* (транслит. ‘тритон’) (форум ПЕФЛ), *medses3chka* (транслит. ‘медсестричка’) (ЖЖ),

- английском языке (ср., напр.: *1hundred-smiles* (транскрип. [hʌndrəd smaɪl], пер. с англ. ‘одна сотня улыбок’) (ЖЖ), *2morrowww* (транскрип. [tə'mɔrəʊ], пер. с англ. ‘завтра’) (ЖЖ), *Sk8er_Girl* (транскрип. ['skeɪtər gɜ:l], пер. с англ. ‘девушка скейтер’) (Чат Krutomer));

б) использование знаков-символов в буквенной функции, которое основано на их графическом сходстве с кириллическими или иногда латинскими буквами. Например, знак «*» сходен с буквой «ж», знак «@» – с буквой «а», знак «\$» сходен с латинской буквой «s», выполняющей при создании никонимов роль кириллической буквы «с». Ср., например: **G@№G\$TER** (транслит. ‘гангстер’) (Чат Krutomer), **жена@.жизни.net** (транслит. ‘жена, а жизни нет’) ***ORIK** (транслит. ‘Жорик’) (Чат Krutomer);

7) ненормативное, произвольное использование прописных букв, выполняющих игровую функцию, наблюдается в никонимах различного структурно-грамматического происхождения:

А) однословные:

- в русском языке (ср., например: **ДрАкОшА** (Чат Mail), **ЕгОзА** (Чат Mail), **Одеялка** (Чат Mail), **СтранНИК** (Чат Mail), **4уВаК** (Форум ПЕФЛ), **ХАМелеОН** (Чат Mail), **ШуТнИк** (Чат Mail));

- в английском языке (ср., напр.: **DarkLighT** (транскрип. [dark light], пер. с англ. ‘темный свет’), **MelancolicA** (транскрип. [melancholica], пер. с англ. ‘меланхолика’) (Чат Mail));

Б) построенные по модели словосочетания:

- по способу согласования, ср., например: **ГоЛуБоГлазАя_ПыШка** (Чат Mail), **КрАсНаЯ_шАпОчка** (Чат Mail),

- по способу управления, ср., например: **ЖиЗнь_БеЗ_ТебЯ** (Чат Mail), **ОрХан_Из_БаКу** (Чат Mail), **с_ДырОкОлом_в_ШтАнаХ** (Чат Mail);

В) имеющие вид предложения, ср., например: **ЭфФфект_достигнут** (Чат Mail), **POsoМАХА_ОН** (Чат Mail), **ИщуПослушных** (Чат Mail), **я ТаКой БеГу_АволОСЫ назад** (ЖЖ);

II. На уровне пунктуации:

1) пренебрежение знаками пространства. Функционально к знакам пространства принадлежит пробел. Пробел – это интервал между буквами, обозначающий границы слов во многих системах письменности [БСЭ 2008:

507]. Основанием для выделения данного типа послужило наблюдение, с помощью которого было выявлено, что при графическом оформлении никонимов зачастую происходит пренебрежение знаком пространства, т.е. отсутствие пробела там, где по нормам современного русского литературного языка он должен ставиться.

а) В русском языке:

- построенные по модели словосочетания со связью согласование. Ср., напр.: *gromkayatishuna* (транслит. ‘громкая тишина’) (ЖЖ), *zlobnysuslik* (транслит. ‘злобный суслик’) (ЖЖ), *ruskiychelowek* (транслит. ‘русский человек’) (ЖЖ), *netvojadevo4ka* (транслит. ‘не твоя девочка’) (ЖЖ), *nedobrayafeya* (транслит. ‘недобрая фея’) (ЖЖ), *ribkavanda* (транслит. ‘рыбка Ванда’) (ЖЖ), *ruskiychelowek* (транслит. ‘русский человек’) (ЖЖ), *yaponskayabelka* (транслит. ‘японская белка’) (ЖЖ), *cvetnayakapusta* (транслит. ‘цветная капуста’) (ЖЖ),

- построенные по модели словосочетания со связью управление. Ср., напр.: *dlinavmetrah* (транслит. ‘длина в метрах’) (ЖЖ), *zavtrakturista* (транслит. ‘завтрак туриста’) (ЖЖ), *vseneobichnoe* (транслит. ‘всё необычное’) (ЖЖ), *starshinazapasa* (транслит. ‘старшина запаса’) (ЖЖ), *podarokvpodarok* (транслит. ‘подарок в подарок’).

б) В английском языке:

kitchencasual (транскрип. [ˈkɪtʃɪn kæzjʊl], пер. с англ. ‘неофициальная кухня’) (ЖЖ), *darksilentium* (транскрип. [dɑ:k saɪlənt], пер. с англ. ‘темное молчание’) (ЖЖ), *differentlight* (транскрип. [ˈdɪfrənt laɪt], пер. с англ. ‘другой свет’) (ЖЖ), *icewomen* (транскрип. [aɪs ˈwɪmɪn], пер. с англ. ‘снегурочка’) (ЖЖ), *itforyou* (транскрип. ɪt fɔːr juː], пер. с англ. ‘это для тебя’) (ЖЖ), *famouslady* (транскрип. [ˈfeɪməs ˈleɪdɪ], пер. с англ. ‘известная леди’) (ЖЖ), *goldenkokos* (транскрип. [gəʊldən kɒkɒs], пер. с англ. ‘золотой кокос’) (ЖЖ), *urbancat* (транскрип. [ˈɜːbən kæt], пер. с англ. ‘городской кот’) (ЖЖ), *liveonok* (транскрип. [lɪv ɒn ɒk], пер. с англ. ‘жизнь на отлично’) (ЖЖ), *lostpersik* (транскрип. [lɒst], пер. с англ. ‘потерянный персик’) (ЖЖ),

summermann (транскрип. [sʌmər mæn], пер. с англ. ‘летний человек’) (ЖЖ), *pandafromisland* (транскрип. [pændə frəm aɪlənd], пер. с англ. ‘панда из Исландии’) (ЖЖ), *changeman* (транскрип. [tʃeɪndz mæn], пер. с англ. ‘меняла’) (ЖЖ), *cryangel* (транскрип. [kraɪ eɪndʒəl], пер. с англ. ‘плачущий ангел’) (ЖЖ),

2) **знак пространства может заменяться символом «подчёркивание» (_):**

- построенные по модели словосочетания со связью согласование. Ср., напр.: *Дежурный_Ангел* (Чат Mail), *Горький_шоколад* (Чат Mail), *зомбированный_арбуз* (Чат Mail), *мужик_простой* (Чат Mail), *Роковая_Лилит* (ЖЖ), *Старый_Грешник* (ЖЖ), *Фома_не_верующий* (Чат Mail), *ХИТРЫЙ_БЛИНЧИК* (Чат Mail), *active_mother* (транскрип. [æktiv mlɔðər], пер. с англ. ‘активная мама’) (ЖЖ), и др.

- построенные по модели словосочетания со связью управление.

а) без предлога (ср., напр.: *нервы_струнами* (Чат Mail));

б) с предлогом (ср., напр.: *с_ДырОкОлоМ_в_ШтАнаХ* (Чат Mail), *ОрХаН_Из_БаКу* (Чат Mail), *ПлюшечкаС_вилюшечкой* (Чат Mail));

- сходные по структуре с предложением (ср., напр.: *зацелую_тебя* (Чат Mail), *нина_где_ты* (ЖЖ), *Он_с_WebCam* (Чат Mail), *Растаман_Среди_ВАС* (Чат Mail), *та_кто_рисует* (ЖЖ), *ХОЧУ_ТУСИТЬ* (ЖЖ), *ЧИТАЙТЕ_ПРАВИЛА*(ЖЖ), *v_glaza_smotri* (транслит. ‘в глаза смотри’) (ЖЖ), *takoi_kak_vse* (транслит. ‘такой как все’) (ЖЖ).

Как видно, своеобразие никонимов обнаруживается уже на нижнем языковом ярусе – графическом, что проявляется в ряде особенностей оформления.

Результаты исследования позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, двусторонность языкового знака в виртуальном дискурсе сохраняется: он состоит из означающего, образуемого в данном случае графемами, и означаемого, создаваемого смысловым содержанием языкового знака. Но при этом обнаруживаются трансформации в связи обозначающего

и обозначаемого, обусловленные использованием нехарактерных для традиционной системы русского литературного языка комбинаций графем.

Во-вторых, используемые пользователем при создании никонима трансформации с элементами языковой, или скорее – «графической», игры могут быть рассмотрены с точки зрения когнитивного подхода. В этой связи никонимы выступают в качестве своеобразных маркеров реализации лингвокреативного потенциала современной виртуальной языковой личности.

В-третьих, трансформации, происходящие с языковым знаком в виртуальном дискурсе, не только отражают интенсивность языковых процессов, происходящих в XXI веке, но и характеризуют знаковую систему языка как динамично и непрерывно развивающуюся.

Таким образом, языковой знак в условиях виртуального дискурса обнаруживает в себе ряд специфических небезынтесных с научной точки зрения особенностей. Учитывая, что предмет исследования в масштабах коммуникативных возможностей пространства Интернета представляет собой лишь малую часть языкового материала виртуального дискурса, обозначенный вопрос заслуживает более детального исследования.

§3. Специфика предметно-понятийных связей никонима

Вопрос о сущности языка, его соотношении с мышлением, о связи слова с обозначаемым им понятием был предметом извечных дискуссий ещё в античности. Но даже с развитием научной мысли на протяжении многих веков эта проблема не теряла своей актуальности, а наоборот, приобретала всё новые формы. С обращением внимания мыслителей древности на особое положение собственных имён в языке и их отличие от нарицательных данный предмет обсуждения стал ещё более сложным. Достаточно упомянуть о спорах, возникающих при рассмотрении вопроса наличия или отсутствия значения у имени собственного. Обладает ли он предметно-понятийными связями или он сравним, по замечанию английского логика Дж.Ст. Милля, с крестиком, которым разбойник пометил дом Али-Бабы [Милль 1865: 43]?

Активные процессы, происходящие в русском языке XXI века, и непосредственное влияние глобализации на все сферы жизнедеятельности человека, с одной стороны, вносят в обозначенную проблему ещё больший диссонанс, а с другой – позволяют учёным рассмотреть соотношение «слово-понятие-предмет» под другим углом.

Связь слова, понятия и предмета обычно схематически изображается в виде треугольника. Известны треугольники Огдена-Ричардса, А.А. Реформатского, С. Уиллманна и ряд других отечественных и зарубежных лингвистов. Л.А. Новиков трансформировал треугольник в семантическую трапецию, где вершина – понятие и значение, а основание – предмет и фонетическая оболочка слова. Эти и подобные схемы, как отмечает А.В. Суперанская, символизируют связь экстралингвистического (предмета, явления и т.п.), существующего в мире вещей, лингвистического (звука или звуковой последовательности, образующей слово) и логического (наших представлений о данном предмете в ряду представлений о других, похожих и непохожих, предметах). То *экстралингвистическое*, ради чего

создаётся языковой знак, в трудах представителей разных школ называется как *обозначаемое, денотат, десигнат, референт, соотносимое, предмет, вещь*. То **логическое**, что связывается с предметом, – представления индивида о предмете, его *содержание, смысл, значение, мысль, отношение, семантический облик*; то, что понимается под словом; информация, которую несёт денотатор и т.п. К **лингвистическим** единицам в науке принято относить такие понятия, как *слово, имя, обозначающее, денотатор, десигнатор, внешний облик, выражение, форма, символ, звуковая последовательность* [Суперанская 2009: 122].

Ввиду особо тесной связи со своими обозначаемыми, вне которой они не мыслятся, имена собственные имеют ослабленную связь с понятиями, с которыми они непосредственно не связаны. Эту особенность имён собственных убедительно показал А.А. Реформатский на примере слова *шарик* (в значении ‘маленький шар’), которое стало кличкой собаки и утратило первоначальную связь с понятием [Реформатский 1996: 60].

А.В. Суперанская в книге «Общая теория имени собственного» проводит подробный анализ различных трансформаций традиционного семантического треугольника, возникающих в связи с функционированием имени собственного в русском языке (подробнее см.: [Суперанская 2009: 125-135]).

В этой связи интересным представляется рассмотрение предметно-понятийных связей имён собственных, возникающих в виртуальном дискурсе, т.к. не только они погружаются в новые условия функционирования, но и сама языковая личность, создающая в Интернет-среде виртуальный образ и использующая никоним для его наименования, приобретает своеобразные черты.

Рассмотрим наиболее характерные примеры никонимов, выполняющих в Интернет-коммуникации различные функции.

I. Никонимы, полностью или частично дублирующие антропонимы, которые имеют люди в реальной жизни. При этом для виртуальной личности

важным является позиционирование в определённой сфере коммуникации собственного имени. Например, *artemdragunov* (прим.: Артём Драгунов – блогер) (ЖЖ), *radulova* (прим.: Наталья Радулова – блоггер) (ЖЖ), *navalny* (прим.: Алексей Навальный – блогер, политический деятель) (ЖЖ), *e_grishkovets* (прим.: Евгений Гришковец – писатель) (ЖЖ), *olegtinkov* (прим.: Олег Тинков – бизнесмен) (ЖЖ), *tina_kandelaki* (прим.: Тина Канделаки – журналистка, телеведущая, общественный деятель) (Твиттер) и др.

Рассмотрим никоним *navalny* с точки зрения возникающих предметно-понятийных связей. Обозначенный оним, как и остальные примеры этой группы, сходен с фамилией и/или именем конкретного человека (в данном случае - *Алексей Навальный*), поэтому мотивирован ими. В свою очередь, фамилия и/или имя соответствует своему денотату и сигнификату (см. рис. 1).

рис. №1

II. Никонимы, которые языковая личность использует для установления контакта путём представления части информации о себе, которая необходима в определённой коммуникативной сфере (с помощью

употребления прилагательных, характеризующих существительных). Например, *Взрыво_опасная* (Чат Mail), *Замужняя* (ЖЖ), *Нездешний* (Чат Mail), *не_молодой* (Чат Mail), *Обычная* (Чат Mail), *Разный* (Чат Mail), *Строгий* (ЖЖ), *hishnic* (ЖЖ), *uborshizza* (ЖЖ) и др.

Рассмотрим никоним *hishnic* с точки зрения возникающих предметно-понятийных связей. Указанный оним в силу специфики его функциональной роли в коммуникативной среде актуализирует внимание Интернет-пользователей на том понятии, которое он обозначает, и связанными с ним признаками. Поэтому можно заключить, что выбор данного никонима мотивирован понятием, которое не теряет своей связи со словом *хищник* (см. рис. 2).

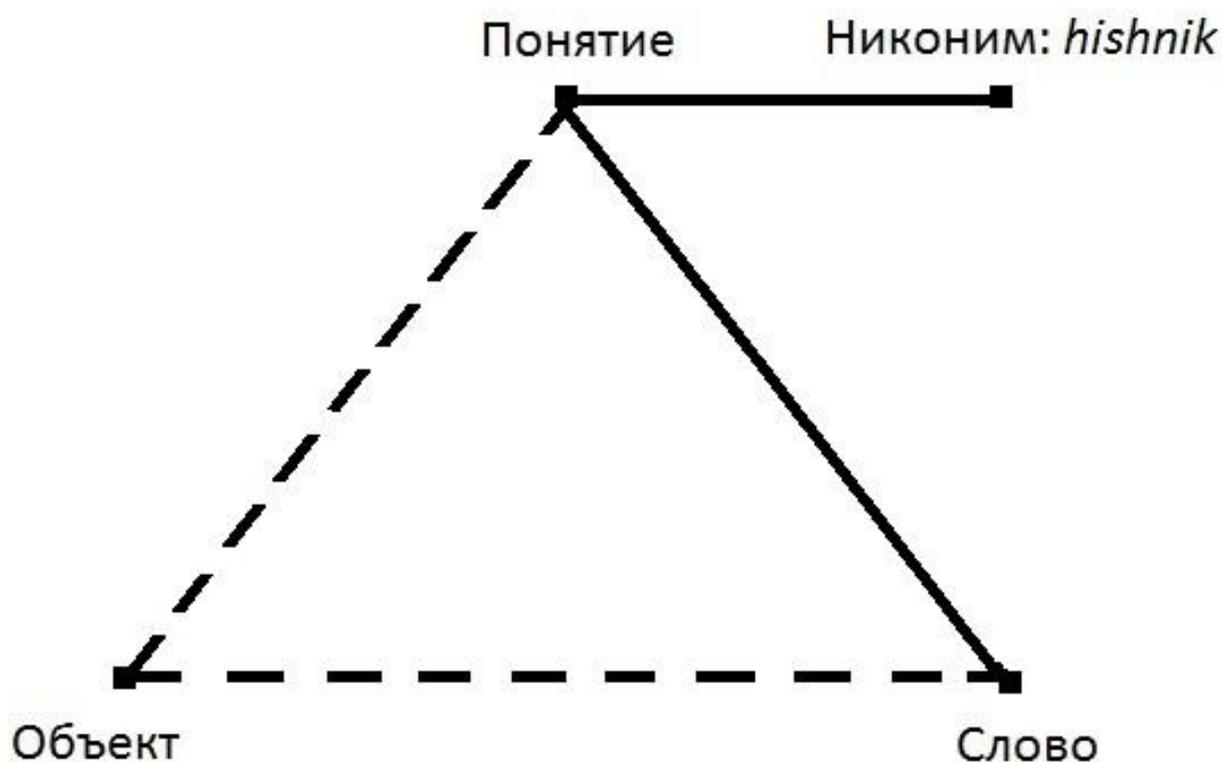

рис. №2

Однако слово *хищник* в данном случае не соотнесено с конкретным объектом, в связи с чем наблюдается, используя выражение А.В. Суперанской, «редукция треугольника» [Суперанская 2009: 125].

В данной группе примеров обнаруживаются лексические единицы типа *karlsson* (прим.: Карлсон – литературный персонаж, созданный шведской писательницей Астрид Линдгрен) (ЖЖ), *Красная_шапочка* (прим.: Красная шапочка – персонаж русских народных сказок) (ЖЖ), *marja-marevna* (прим.: Марья Моревна – персонаж русских народных сказок) (ЖЖ), *neznaika* (прим.: Незнайка – герой сказочной трилогии Н.Н. Носова «Приключения Незнайки и его друзей») (ЖЖ), *chor-i-kalinich* (прим.: Хорь, Калиныч – герои рассказа И.С. Тургенева). Указанные никонимы отсылают Интернет-пользователей к известным прецедентным именам: образам, воссозданным

- в русской литературе:

а) в фольклоре (ср., напр.: *morozzco* (прим.: Морозко – герой одноименной русской сказки) (ЖЖ),

б) в авторской литературе (ср., напр.: *Мальчиш_Плохиш* (прим.: Мальчиш Плохиш – персонаж сказки А. Гайдара «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове») (Чат Mail), *Остап_Бендер* (прим.: Остап Бендер – главный герой романов Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок») (Чат Mail), *annnushka* (прим.: Аннушка – персонаж романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») (ЖЖ), *sharikoff* (прим.: Шариков – главный герой сатирической повести Михаила Булгакова «Собачье сердце») (ЖЖ), *skalozyb* (прим.: Скалозуб – один из персонажей комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума») (ЖЖ), *soloha* (прим.: Солоха – героиня повести Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки») (ЖЖ), *xatabbi4* (прим.: Хоттабыч – персонаж одноименной книги Л. Лагина) (ЖЖ), *4ernyavka* (прим.: Чернявка – героиня «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина),

- в зарубежной литературе:

а) в фольклоре (ср., напр.: *ali-baba75* (прим.: Али Баба – главный герой арабской сказки «Али-Баба и сорок разбойников») (ЖЖ), *sindbad* (прим.: Синбад – главный герой восточных сказок, часть из которых вошла в книгу

«Тысяча и одна ночь») (ЖЖ), *Sinbaddmorehod* (прим.: Синдбад – главный герой восточных сказок, часть из которых вошла в книгу «Тысяча и одна ночь») (ЖЖ), *shaltai_boltai* (прим.: Шалтай Болтай – персонаж многих классических английских детских стихотворений (ЖЖ), *shakherezada* (прим.: Шахерезада – главная героиня «Рассказа о царе Шахрияре и его брате») (ЖЖ);

б) в авторской литературе (ср., напр.: *akella777* (прим.: Акелла – один из центральных героев эпоса Р. Киплинга «Маугли») (форум ПЕФЛ), *albus-dumblodor* (прим.: Альбус Дамблдор – один из главных персонажей серии книг о Гарри Поттере) (ЖЖ), *huckleberryfinn* (прим.: Гекльберри Финн – герой романа М.Твена «Приключения Тома Сойера» (ЖЖ), *karlik-nos* (прим.: Карлик Нос – герой одноименной сказки В. Гауфа (ЖЖ), *kot-v-sapogax* (прим.: Кот в сапогах – герой одноименной сказки Ш. Перро (ЖЖ), *ledy-chatterley* (прим.: Леди Чаттерлей – героиня романа Д. Лоуренса «Любовник Леди Чаттерлей» (ЖЖ), *lucius-malefoy* (прим.: Люциус Малфой – один из главных персонажей серии книг о Гарри Поттере) (ЖЖ), *off_felia* (прим.: Офелия – героиня трагедии У. Шекспира «Гамлет, принц датский» (ЖЖ), *sherlok* (прим.: Шерлок – литературный персонаж, созданный Артуром Конан Дойлем) (ЖЖ), *scarlet* (прим.: Скарлет – главная героиня романа М. Митчел «Унесенные ветром») (ЖЖ), *snysmumrik* (прим.: Снусмумрик – персонаж книг о Муми-троллях финской писательницы Туве Янссон (ЖЖ), *tiki2tavi* (прим.: Рикки тики Тави – персонаж одноименной книги Р. Киплинга (ЖЖ), *tomsoyer* (прим.: Том Сойер – герой романа М.Твена «Приключения Тома Сойера» (ЖЖ), *zolushka* (прим.: Золушка – персонаж одноименной сказки Ш. Перро (ЖЖ);

- в кинематографе:

а) художественных фильмах (ср., напр.: *donni_brasco* (прим.: Донни Браско – персонаж одноименного фильма) (Чат Mail), *hannibal-lector* (прим.: Ганнибал Лектор – персонаж фильма «Молчания ягнят») (ЖЖ),

frosabyrlakova (прим.: Фрося Бурлакова – персонаж фильма «Приходите завтра») (ЖЖ),

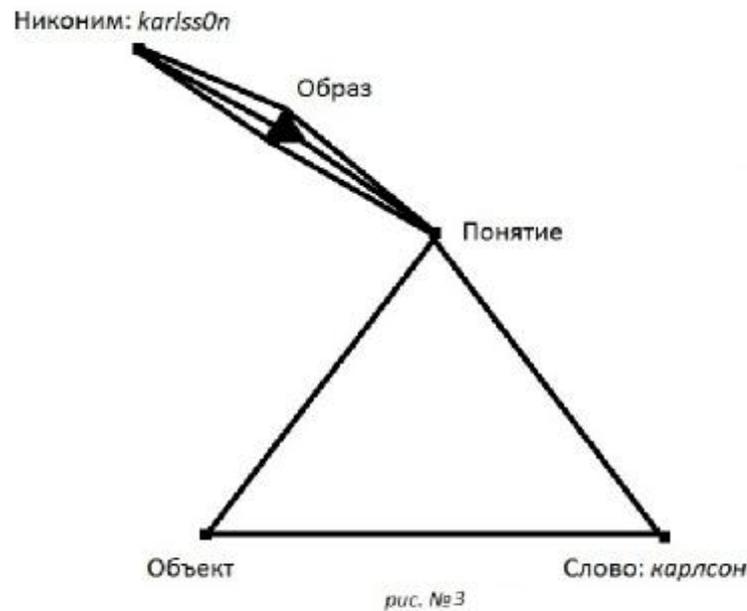
б) мультипликационных фильмах (ср., напр.: *luntik* (прим.: Лунтик – персонаж российского мультфильма «Приключения Лунтика и его друзей») (ЖЖ), *nafanechka* (прим.: Нафаня – персонаж мультипликационного фильма «Домовёнок Кузя») (ЖЖ), *pacahontos* (прим.: Покахонтас – персонаж мультипликационного фильма компании Disney) (ЖЖ);

- в живописи (ср., напр.: *jakonda* (прим.: Джоконда – она же Мона Лиза, персонаж картины Леонардо да Винчи) (ЖЖ),,

- в мифологии (ср., напр.: *ЛОРЕЛЕЯ* (прим.: Лорелея – героиня немецких народных легенд) (Чат Mail), *AnUBiS* (прим.: Анубис – один из богов древнеегипетской мифологии) (ЖЖ), *ARGUS* (прим.: Аргус – многоглазый великан в греческой мифологии) (ЖЖ), *gurija* (прим.: Гурия – в арабской мифологии вечно молодая дева) (ЖЖ), *GELA* (прим.: Гела – богиня смерти в скандинавской мифологии) (ЖЖ), *Kypidon* (прим.: Купидон – бог любви в римской мифологии) (ЖЖ), *MeGERA* (прим.: Мегера – богиня мщения в греческой мифологии) (ЖЖ).

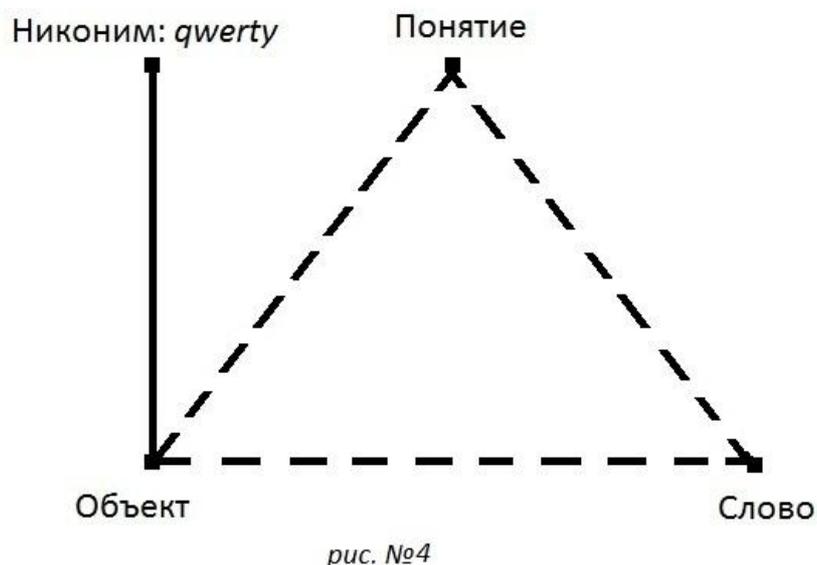
Как отмечал Г. Шпет, образ – не вещь, потому не претендует на действительное бытие в действительном мире. Образ – не идея, потому он не претендует на эйдетическое бытие в мире идеальном. Но образ несёт черты индивидуальной, случайной вещи и идеи, поскольку он претендует на осуществление, хотя и не «естественное», а творческое, в искусстве. Через образ вещь в нашем сознании преобразуется и как бы теряет логическую устойчивость [Шпет 1922-1923: 35-37].

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что Интернет-пользователь, именуя себя в Интернет-коммуникации, отправляет нас через образ к определённому, но при этом вымышленному объекту через известное понятие (см. рис. 3).

III. Особый интерес при анализе вызывает группа никонимов, состоящих либо из простого набора цифр (*111*, *123*), символов (*qwerty* – первые шесть символов верхнего буквенного ряда клавиатуры английской раскладки), либо являющихся семантически опустошёнными (*user* – от англ. ‘пользователь’) в условиях виртуальной реальности.

Здесь следует отметить, что в виртуальной реальности человек может общаться и оставаться неизвестным для других, конструируя виртуальный образ. Одним из средств создания его является подобный произвольный выбор пользователем никонима [Соков 2011: 64].

В этой связи логично заключить, что объектом наименования в данном случае является виртуальный образ, относящийся сам по себе к области абстракции. Поэтому говорить о построении традиционного семантического треугольника не представляется возможным (см. рис. 4).

Таким образом, анализ изученных языковых единиц позволяет сделать вывод о том, что никонимы, представляя собой относительно новые именные образования, обнаруживают особенности как на конкретном, языковом, формальном уровне, так и на абстрактном, мыслительном, содержательном. С одной стороны, выявленные особенности позволяют «вписать» никонимы в ряд подобных, традиционно выделяемых разрядов имён собственных, с другой – являют собой уникальное образование и обладают новыми объектами наименования (виртуальные образы), которые представляют сложность при анализе их с точки зрения устоявшихся предметно-понятийных связей.

Выводы по третьей главе

Анализ теоретико-методологических основ понимания никонима как единицы виртуального дискурса обнаруживает следующие особенности.

1) При создании никонимов, как и псевдонимов, основную роль играет такая функциональная задача онима, как дифференциация, уникальность конкретной языковой личности. Именно поэтому большинство никонимов является результатом индивидуальной самопрезентации. Однако иногда может наблюдаться и контаминация в вербальном выражении самопрезентации и самоидентификации. Поэтому при автономии необходимо учитывать социальные характеристики личности, её уникальность, принадлежность к какой-либо социальной группе, лингвокреативный потенциал, а также прагматическую составляющую восприятия никонима другими пользователями и психологическую мотивацию при самоидентификации и/или самопрезентации.

2) В 28% случаев при автономии никоним Интернет-пользователя представляет собой либо полное или частичное дублирование антропонима человека в реальной жизни, написанное ввиду технической особенности ресурса. В 14% случаев никоним частично дублирует антропоним пользователя или производный от него. Другая часть представляет собой отражение иной информации о человеке или создаётся под воздействием субъективных психолингвистических факторов. Большинство никонимов (57% от общего числа) не имеют связи с антропонимом и являются вымышленными или отсылают к прецедентным именам.

3) Мотивация при автономии определяется следующими характеристиками: стремление к прямой самопрезентации; использование в наименовании реалий, связанных с биографией пользователя (год рождения, место проживания и др.); стремление отразить особенности внешности пользователя; апелляция к прецедентным именам из сферы литературы,

кино, музыки; стремление отразить тематику создаваемых текстов; проявление лингвокреативного потенциала посредством языковой или графической игры; связь никонима с профессиональной деятельностью пользователя.

4) При анализе никонимов с точки зрения выделения графических особенностей исследуемые лексические единицы обнаруживают своеобразие на уровне орфографии и пунктуации. При этом в первом случае спектр трансформаций более широк, что зачастую связано с техническими особенностями коммуникативной среды. Двусторонность языкового знака в виртуальном дискурсе сохраняется: он состоит из означающего, образуемого в данном случае графемами, и означаемого, создаваемого смысловым содержанием языкового знака. Но при этом обнаруживаются трансформации в связи обозначающего и обозначаемого, обусловленные использованием нехарактерных для традиционной системы русского литературного языка комбинаций графем.

Никонимы выступают в качестве своеобразных маркеров реализации лингвокреативного потенциала современной виртуальной языковой личности. А трансформации, происходящие с языковым знаком в виртуальном дискурсе, не только отражают интенсивность языковых процессов, происходящих в XXI веке, но и характеризуют знаковую систему языка как динамично и непрерывно развивающуюся.

5) Специфика предметно-понятийных связей никонимов проявляется в трансформации традиционного для лингвистической науки семантического треугольника. Анализ языковых единиц позволяет выделить четыре вида трансформации.

Во-первых, когда для виртуальной личности важным является позиционирование в определённой сфере коммуникации собственного имени, то для автономии, никоним сходен с фамилией и/или именем конкретного человека, поэтому мотивирован ими. В свою очередь, фамилия и/или имя соответствует своему денотату и сигнификату.

Во-вторых, при использовании никонима в качестве начала установления контакта наблюдается редукция треугольник, т.к. отсутствует объект, обозначаемый словом.

В-третьих, когда никоним отсылает пользователя через образ к определённому, но при этом вымышленному объекту через известное понятие.

В-четвёртых, объектом наименования никонима является виртуальный образ, относящийся сам по себе к области абстракции. Поэтому говорить о построении традиционного семантического треугольника не представляется возможным.

Однако анализ никонима как относительно новой категории ономастического пространства был бы не полным, если не учитывать его лексико-семантические, структурно-грамматические и функционально-тематические особенности. Этому анализу посвящена четвёртая глава настоящей работы.

ГЛАВА IV. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НИКОНИМА КАК ЕДИНИЦЫ ВИРТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

§1. Лексико-семантические особенности никонимов

Семантике имён собственных до последнего времени не уделялось должного внимания. Сфера языковых значений традиционно трактовалась как не поддающаяся или плохо поддающаяся системному описанию. Поэтому семантика собственных имён – область не только не исследованная, но и не определённая. Поскольку многие считают имена собственные категорией, лежащей вне понятий, а семантика всегда понятийна, нередко вообще возникает сомнение в правомерности выделения семантики в качестве особого аспекта имени собственного. Иногда семантику имён приравнивают к семантике тех нарицательных, от которых они образовались. Значение имён также переносят на те образы, которые складываются в нашем сознании как определённые денотаты имён, переходя в экстралингвистическую сферу. Наконец, есть мнение, что основное значение имён собственных в том, что это имена [Суперанская 2009: 255-256].

Что касается никонимов, то собранный языковой материал позволяет сделать вывод об их неоднородной природе с точки зрения происхождения. Поэтому при анализе лексико-семантических особенностей никонимов необходимо учитывать процесс образования лексических единиц, зависящий, как было указано выше, от функции, которую определённый никоним выполняет в сфере коммуникации. Данное утверждение даёт основание полагать, что обладают значением никонимы, образованные от нарицательных имён, т.к. пользователю при выборе сетевого имени важны коннотации, которыми нарицательное имя обладало.

Учитывая утверждение А.В. Суперанской о том, что «чем более в речевой ситуации в имени собственном чувствуется связь с понятием апеллятива, послужившего основой имени, тем ближе данное имя стоит к

разряду нарицательных», классификация никонимов, образованных от нарицательных имён, может быть основана на принципах, сходных с принципами классификации апеллятивов [Суперанская 2009: 256].

Анализ языкового материала позволяет разделить никонимы по следующим тематическим группам:

I. «Человек». В этой группе выделяются следующие лексико-семантические группы:

1) наиболее релевантной является та или иная **часть тела**.

а) глаза:

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей (ср., напр.: *ГЛАЗА_ЦВЕТА_НЕБА* (Чат Mail), *ГоЛуБоГлАзАя_ПыШка* (Чат Mail), *Кареглазка* (ЖЖ);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей (ср., напр.: *glaza_neba* (транслит. ‘глаза неба’) (ЖЖ), *tam-glaza* (транслит. ‘там глаза’) (ЖЖ), *glazastaya* (транслит. ‘глазастая’) (ЖЖ), *zelenoglazaya* (транслит. ‘зеленоглазая’) (ЖЖ);

б) особенности внешности:

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей (ср., напр.: *НеХудовыеЩёки* (Чат Mail);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей (ср., напр.: *boroda-v-nature* (транслит. ‘борода в натуре’) (ЖЖ), *kyrnosik* (транслит. ‘курносик’) (ЖЖ), *mohnatoe-ushko* (транслит. ‘мохнатое ушко’) (ЖЖ), *Chernavaya* (ЖЖ);

•) в английском языке:

а) глаза: (ср., напр.: *greyeyed-girl* (транскрип. [greɪ aɪ gə:l], пер. с англ. ‘сероглазая девушка’) (ЖЖ), *angeldevil-eyes* (транскрип. [eɪndʒəl devl aɪ], пер. с англ. ‘ангельско-дьявольские глаза’) (ЖЖ), *deeply-in-eyes* (транскрип. [ˈdi:plɪ aɪ], пер. с англ. ‘глубоко в глазах’) (ЖЖ);

2) наиболее релевантной является та или иная **черта характера**:

а) русскоязычное наименование, написанное кириллицей:

- представленное именем существительным (ср., напр.: **ДЖЕНТЕЛЬМЕН** (Чат Mail), **Дикарь** (Чат Mail), **Забава** (ЖЖ), **Молчун** (ЖЖ), **Несмеяна** (ЖЖ), **ПоФигИсТ** (Чат Mail), **Приколист** (ЖЖ), **Проказница** (ЖЖ), **ШуТнИк** (Чат Mail);

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей, представленное именем прилагательным (ср., напр.: **БЕСПОКОЙНЫЙ** (ЖЖ), **Ершистый** (Чат Mail), **Заводной** (ЖЖ), **Нервный** (ЖЖ), **прааативный** (Чат Games), **Строгий** (Чат Mail), **тихиньякая** (Чат Games);

б) русскоязычное наименование, написанное латиницей:

- представленное именем существительным (ср., напр.: **baba-prazdnik** (транслит. ‘баба праздник’) (ЖЖ), **zevaka** (транслит. ‘зевака’) (ЖЖ), **merzafffka** (транслит. ‘мерзавка’) (ЖЖ), **melkii-zabiyaka** (транслит. ‘мелкий забияка’) (ЖЖ), **provocateur** (транслит. ‘provokator’) (Чат Mail), **stervo4ka** (транслит. ‘стервочка’) (ЖЖ), **hishnic** (транслит. ‘хищник’) (ЖЖ), **huliganochka** (транслит. ‘хулиганочка’) (ЖЖ), **4elovek-pe4al** (транслит. ‘человек печаль’) (ЖЖ), **Egoistka_Project** (Чат Mail),

- представленное именем прилагательным (ср., напр.: **zlobnaya** (транслит. ‘злобная’) (ЖЖ), **skromni** (транслит. ‘скромный’) (ЖЖ), **HiTRiY** (транслит. ‘хитрый’) (Чат Krutomer);

в) англоязычное наименование (с существительными типа man, boy) (ср., напр.: **gentle_m_a_n** (транскрип. [dʒɛntlɪmən], пер. с англ. ‘нежный мужчина’) (ЖЖ) **lucky-boy23** (транскрип. [lʌki bɔɪ], пер. с англ. ‘удачливый мальчик’) (ЖЖ);

3) наиболее релевантной является **профессия** человека; при этом представляется возможным выделить:

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей (ср., напр.: **Десантник** (Чат Games), **Летчик** (Чат Mail);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей без дефиса (ср., напр.: **Advocat** (транслит. ‘адвокат’) (Форум ПЕФЛ), **Akter** (транслит. ‘актёр’) (Форум ПЕФЛ), **Astronom** (транслит. ‘астроном’) (Чат Games), **decan**

(транслит. ‘декан’) (ЖЖ), *dr3lo* (транслит. ‘доктор зло’) (ЖЖ), *doctorpsyho* (транслит. ‘доктор психо’) (ЖЖ), *M_multiplikato_R* (транслит. ‘мультипликатор’) (Чат Mail), *operativnik* (транслит. ‘оперативник’) (ЖЖ), *starshinazapasa* (транслит. ‘старшина запаса’) (ЖЖ), *medses3chka* (транслит. ‘медсестричка’) (ЖЖ), *pisatelnitsa* (транслит. ‘писательница’) (ЖЖ), *pravoved* (транслит. ‘правовед’) (ЖЖ), *radistka007* (транслит. ‘радистка’) (ЖЖ), *raketchik* (транслит. ‘ракетчик’) (ЖЖ), *redactor* (транслит. ‘редактор’) (ЖЖ), *uborshizza* (транслит. ‘убрщица’) (ЖЖ);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей с дефисом (ср., напр.: *d0n-d0ct0r* (транслит. ‘дон доктор’) (ЖЖ), *doyarka-na-sene* (транслит. ‘доярка на сене’) (ЖЖ), *sv-yaz-ist* (транслит. ‘связист’) (ЖЖ);

- англоязычное наименование (ср., напр.: *best-blogger* (транскрип. [best blɔgər], пер. с англ. ‘лучший блогер’) (ЖЖ), *crazy-reporter* (транскрип. [kreizi ri'pɔ:tər], пер. с англ. ‘сумасшедший репортёр’) (ЖЖ), *journalist* (транскрип. [dʒɜ:nəlist], пер. с англ. ‘журналист’) (ЖЖ);

4) на первый план выступает **увлечение (хобби)** человека (ср., напр.: *Волейболист* (Чат Mail), *фотограф* (Чат Mail), *GurmanЪ* (транслит. ‘Гурман’) (Чат Mail), *kofemanjachka* (транслит. ‘кофеманьячка’) (ЖЖ), *kylinaro4ka* (транслит. ‘кулинарочка’) (ЖЖ), *pro-povednik* (транслит. ‘проповедник’) (ЖЖ), *stariy-pioneer* (транслит. ‘старый пионер’) (ЖЖ), *fortochnik* (транслит. ‘форточник’) (ЖЖ);

5) архисемой является:

- **одежда/ элемент одежды** (ср., напр.: *karman* (транслит. ‘карман’) (ЖЖ), *mol_ni_ja* (транслит. ‘молния’) (ЖЖ), *nosok* (транслит. ‘носок’) (ЖЖ), *puuigovka* (транслит. ‘пуговка’) (ЖЖ);

- **головные уборы** (ср., напр.: *beskozьpka* (транслит. ‘бескозырка’) (ЖЖ), *kokoshnik* (транслит. ‘кокошник’) (ЖЖ), *shlyapa* (транслит. ‘шляпа’) (ЖЖ), *chepets* (транслит. ‘чепец’) (ЖЖ);

- **обувь** (ср., напр.: *armeyskiy_sapog* (транслит. ‘армейский сапог’) (ЖЖ), *levaya-tapka* (транслит. ‘левая тапка’) (ЖЖ), *ryzhaya_tapka* (транслит. ‘рыжая тапка’) (ЖЖ), *kedy-na-doroge* (транслит. ‘кеды на дороге’) (ЖЖ).

II) «**Природа**». В этой группе выделяются следующие лексико-семантические группы:

1) номинации из сферы **флоры**:

а) русскоязычное наименование, написанное латиницей. При этом представляется возможным выделить следующие подклассы:

- ягоды, например, *apelsinka* (транслит. ‘апельсинка’) (ЖЖ), *belyj-vinograd* (транслит. ‘белый виноград’) (ЖЖ), *club-nichka-nn* (транслит. ‘клубничка’) (ЖЖ), *malina-yagodka* (транслит. ‘малина ягодка’) (ЖЖ), *chorni-tylpan* (транслит. ‘черный тюльпан’) (ЖЖ), *jagodamalina* (транслит. ‘ягода малина’) (ЖЖ);

- грибы, например, *muhamore* (транслит. ‘мухомор’) (ЖЖ);

- цветы, например, *lutic* (транслит. ‘лютик’) (ЖЖ), *orchideja* (транслит. ‘орхидея’) (ЖЖ), *sakura-v-cvetah* (транслит. ‘сакура в цветах’) (ЖЖ);

б) англоязычное наименование, выраженное атрибутивным сочетанием, например, *wild_cherry* (пер. с англ. ‘дикая вишня’ (Чат Mail), *goldenkokos* (пер. с англ. ‘золотой кокос’) (ЖЖ);

2) номинации из сферы **фауны**, при этом представляется возможным выделить:

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей, представленное словоформой: (ср., напр.: *блошка* (Чат Mail), *Волчица* (Чат Games), *ДрАкОшА* (Чат Mail), *POsoМАХА_ОН* (Чат Mail), *Лисичка_* (Чат Mail), *ХАМелеОН* (Чат Mail);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей, представленное словоформой (ср., напр.: *belka* (Форум ПЕФЛ), *3_14t0n* (транслит. ‘питон’) (ЖЖ), *ta314r* (транслит. ‘тапир’) (ЖЖ), *koshkin-nos* (транслит. ‘кошкин нос’) (ЖЖ), *las-tochka* (транслит. ‘ласточка’) (ЖЖ), *koza-skripa4ka* (транслит.

‘коза скрипачка’) (ЖЖ), *Черепа-ха* (транслит. ‘черепаха’) (ЖЖ), *Шмель* (транслит. ‘шмель’) (Чат Games);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей, представленное атрибутивным сочетанием (ср., напр.: *aranzevozebra* (транслит. ‘оранжевое зебра’) (ЖЖ), *bistriy-muh* (транслит. ‘быстрый мух’) (ЖЖ), *beshenoe-koshko* (транслит. ‘бешеное кошко’) (ЖЖ), *zlobnysuslik* (транслит. ‘злобный суслик’) (ЖЖ);

- англоязычное наименование, представленное атрибутивным сочетанием, например *urbancat* (пер. с англ. ‘городской кот’) (ЖЖ), *eve-in-her-cat* (пер. с англ. ‘накануне в ее кошку’) (ЖЖ), *12yearsoldcat* (пер. с англ. ‘двенадцатилетний кот’) (ЖЖ).

III) «Культура». В этой группе выделяются следующие лексико-семантические группы:

а) номинации из сферы **мифологии**, например, *affrodita* (транслит. ‘Афродита’) (ЖЖ), *azazel* (транслит. ‘Азazel’) (ЖЖ), *kassiopea* (транслит. ‘Кассиопея’) (ЖЖ), *Ahilles* (транслит. ‘Ахилес’) (Форум ПЕФЛ);

б) номинации из сферы **религии**:

1) никонимы, в состав которых входит лексема «ангел»; при этом представляется возможным выделить:

- русскоязычное наименование (ср., напр.: *Дежурный_Ангел* (Чат Mail), *Ангел Архангела* (Чат Krutomer), *angelocheck86* (транслит. ‘ангелочек’) (Чат Games);

- англоязычное наименование (ср., напр.: *angel-by-sun* (транскрип. [eɪndʒəl bu sln], пер. с англ. ‘ангел из солнца’) (ЖЖ), *angel-of-doubt* (транскрип. [eɪndʒəl of daʊt], пер. с англ. ‘ангел сомнения’) (ЖЖ), *cryangel* (транскрип. [kraɪ eɪndʒəl], пер. с англ. ‘плачущий ангел’) (ЖЖ) (ЖЖ), *drinking-angel* (транскрип. [driŋk eɪndʒəl], пер. с англ. ‘пьющий ангел’) (ЖЖ), *Fallen angel* (транскрип. [fɔːlən eɪndʒəl], пер. с англ. ‘падший ангел’) (Чат Krutomer);

2) никонимы, в состав которых входит лексема «**ДЬЯВОЛ, ЧЁРТ**»
ДеВоЧкА ДьявОл (транслит. ‘девушка дьявол’) (Чат Krutomer), *Чертяка*
(Чат Mail), *adsky40rt* (транслит. ‘адский чёрт’) (ЖЖ), *4ЕРТ* (транслит.
‘чёрт’) (Форум ПЕФЛ), *13-chertyonoc* (транслит. ‘чертёнок’) (ЖЖ);

в) номинации из сферы **русской литературы**:

- фольклора (ср., напр.: *Горыныч* (Чат Krutomer), *котофей* (Чат Mail),
ptica-gamaun (транслит. ‘птица гамаюн’) (ЖЖ), *marja-marevna* (транслит.
‘Марья Маревна’) (ЖЖ);

- авторской литературы (ср., напр.: *Мальчиш_Плохиш* (Чат Mail),
Остан_Бендер (Чат Mail), *chor-i-kalinich* (транслит. ‘хорь и калиныч’) (ЖЖ),
kopeikinn (транслит. ‘Копейкин’) (ЖЖ), *neznaika-nalune* (транслит.
‘Незнайка на Луне’) (ЖЖ), *sharik0ff* (транслит. ‘Шариков’) (ЖЖ);

г) номинации из сферы зарубежной литературы:

- фольклора (ср., напр.: *ali-baba75* (транслит. ‘Али Баба’) (ЖЖ);

- авторской литературы (ср., напр.: *Ведьма_из_БлЭр* (Чат Mail),
_КрАсНаЯ_шАнОчКа (Чат Mail), *ЛОРЕЛЕЯ* (Чат Mail), *akella777*
(транслит. ‘Акелла’) (Форум ПЕФЛ), *karlss0n* (транслит. ‘Карлсон’) (ЖЖ),
ledy-chatterley (транслит. ‘леди Чаттерлей’) (ЖЖ), *snysmumrik* (транслит.
‘Снусмумрик’) (ЖЖ), *tiki2tavi* (транслит. ‘Тики-тави’) (ЖЖ).

IV) «**Пицца**». В этой группе выделяются следующие лексико-
семантические подгруппы:

- еда (ср., напр.: *Горький_шоколад* (Чат Mail), *кура-гриль* (Чат Mail),
bez-saxara (транслит. ‘без сахара’) (ЖЖ), *bulochka32* (транслит. ‘булочка’) (ЖЖ),
gor4iza (транслит. ‘горчица’) (ЖЖ), *pechenitse-zloe* (транслит.
‘печеньеце злое’) (ЖЖ), *salat_latuk* (транслит. ‘салат латук’) (ЖЖ), *charme-
vanille* (транслит. ‘шарм ваниль’) (ЖЖ) *CheRRi_V_КоНьякЕ* (транслит.
‘вишня в коньяке’) (Чат Mail);

- напитки (ср., напр.: *k_v_A_S* (транслит. ‘квас’) (ЖЖ), *kefffir*
(транслит. ‘кефир’) (ЖЖ), *molОКо* (транслит. ‘молоко’) (ЖЖ),
ТЕКИЛА_СПб (Чат Mail), *y-k-c-y-c* (ЖЖ).

V) «Время». В этой группе выделяются следующие лексико-семантические подгруппы:

- с упоминанием времени года (ср., напр.: *4ydo-oseni* (транслит. ‘чудо осени’) (ЖЖ), *_a_long_winter* (пер. с англ. ‘долгая зима’) (ЖЖ);

- с упоминанием месяца года (ср., напр.: *апель* (Чат Games), *august-morning* (пер. с англ. ‘августовское утро’) (ЖЖ), *sunofseptember* (пер. с англ. ‘солнце сентября’) (ЖЖ).

VI) «Пространство» с упоминанием:

а) **страны**, например, *СССР* (Чат Mail), *MEXICANBOY* (Чат Mail);

б) **города** (ср., напр.: *Быдло_с_Масквы* (транслит. ‘быдло с Москвы’) (Чат Mail), *Баку_для_Бакинцев* (транслит. ‘Баку для бакинцев’) (Чат Mail), *OpXaH_Из_БаКу* (транслит. ‘Орхан из Баку’) (Чат Mail), *lyblyvoronezh* (транслит. ‘люблю Воронеж’) (ЖЖ), *kiyevskiy-drug* (транслит. ‘киевский друг’) (ЖЖ), *maaskvichka* (транслит. ‘москвичка’) (ЖЖ), *rab_iz_baku* (транслит. ‘раб из Баку’) (Чат Mail);

в) **региона**, например, *izkavkaza* (транслит. ‘из Кавказа’) (Чат Mail), *61region* (транслит. ‘61 регион’) (Форум ПЕФЛ).

Анализ собранного языкового материала позволяет сделать вывод о том, что в достаточно большом количестве исследуемых именных знаменателей используются единицы ономастического пространства. В связи с этим представляется возможным объединить никонимы в следующие группы:

1) имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые:

а) антропонимы, обозначающие человека, проживающего в эпоху

- древнего мира (до н.э.) (ср., напр.: *tut-on-ham-on* (транслит. ‘Тутанхамон’) (прим.: Тутанхамон – фараон Древнего Египта из XVIII династии Нового царства) (ЖЖ);

- античности (н.э.) (ср., напр.: *aristokl* (транслит. ‘Аристокл’), (прим.: Аристокл – греческий философ, представитель Перипатетической школы) (ЖЖ);

- Возрождения (ср., напр.: *boticheli* (транслит. ‘Ботичели’), (прим.: Сандро Боттичелли – итальянский живописец флорентийской школы) (ЖЖ);

- Нового времени (ср., напр.: *indira-gandhi* (транслит. ‘Индира Ганди’) (прим.: Индира Ганди – индийский политический деятель) (ЖЖ), *eva-braun013* (транслит. ‘Ева Браун’), (прим.: Ева Браун – жена Адольфа Гитлера) (ЖЖ);

- Новейшего времени (ср., напр.: *Abramovich* (транслит. ‘Абрамович’), (прим.: Роман Абрамович – миллиардер, предприниматель) (Форум ПЕФЛ), *100tskaya* (транслит. ‘Стоцкая’), (прим.: Анастасия Стоцкая – певица) (ЖЖ), *artemdragunov* (прим.: Артём Драгунов – блогер) (ЖЖ), *radulova* (транслит. ‘Радулова’) (прим.: Наталья Радулова – блоггер) (ЖЖ), *navalny* (транслит. ‘Навальный’) (прим.: Алексей Навальный – блоггер, политический деятель) (ЖЖ), *e_grishkovets* (транслит. ‘Е. Гришковец’) (прим.: Евгений Гришковец – писатель) (ЖЖ), *olegtinkov* (транслит. ‘Олег Тинков’) (прим.: Олег Тинков – бизнесмен) (ЖЖ), *tina_kandelaki* (транслит. ‘Тина Канделаки’) (прим.: Тина Канделаки – журналистка, телеведущая, общественный деятель) (Твиттер);

б) мифонимы (ср., напр.: *affrodita* (транслит. ‘Афродита’) (прим.: Афродита – богиня греческой мифологии) (ЖЖ), *Ahilles* (транслит. ‘Ахилес’) (прим.: Ахилес – герой греческой мифологии) (Форум ПЕФЛ), *Hermes* (транслит. ‘Гермес’) (прим.: Гермес – бог в греческой мифологии) (ЖЖ), *ziggfried* (транслит. ‘Зигфрид’) (прим.: Зигфрид – герой германоскандинавской мифологии) (ЖЖ);

2) именованья неодушевленных предметов:

- астронимы (ср., напр.: *_kassiopea_* (транслит. ‘Кассиопея’) (прим.: Кассиопея – созвездие Северного полушария неба);

- торговые и фирменные названия (ср., напр.: *TU-134* (ЖЖ), *coca-cola* (ЖЖ);

- товарные знаки (ср., напр.: *Dunhill* (транслит. ‘Данхилл’) (ЖЖ), *doppel-herz* (транслит. ‘Допель Герц’) (ЖЖ), *la_coste* (транслит. ‘Ла кост’) (ЖЖ);

3) собственные имена комплексных объектов:

- названия произведений русской литературы (ср., напр.: *bednaya-liza* (транслит. ‘Бедная Лиза’) (прим.: повесть Н.М. Карамзина) (ЖЖ), *bespridanitsa* (транслит. ‘бесприданица’) (прим.: пьеса Н.А. Островского) (ЖЖ), *chor-i-kalinich* (транслит. ‘хорь и калиныч’) (прим.: рассказ И.С. Тургенева) (ЖЖ);

- названия произведений зарубежной литературы (ср., напр.: *КрАсНаЯ_шАнОчКа* (прим.: сказка Ш. Перро) (ЖЖ), *barmaglot* (транслит. ‘бармаглот’) (прим.: стих Л. Кэррола) (ЖЖ), *dochmontesumy* (транслит. ‘дочь Монтесумы’) (прим.: повесть Г.Р. Хаггарда) (ЖЖ), *nekronomykon* (транслит. ‘некрономикон’) (прим.: роман Г. Лавкрафта) (ЖЖ);

- названия произведений кинематографического искусства (ср., напр.: *chorni-tylpan* (транслит. ‘черный тюльпан’) (прим.: фильм Кристиана Жака, 1963) (ЖЖ), *donni_brasco* (транслит. ‘Дони Браско’) (прим.: драма режиссёра Майка Ньюэлла, 1997) (ЖЖ).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что никонимы, образованные от нарицательных имён, могут быть подвергнуты классификациям, которые основываются на принципах, сходных с классификациями апеллятивов. Семантика данных никонимов достаточно разнообразна. Анализируемые лексические единицы могут быть распределены по различным тематическим и лексико-семантическим группам.

§2. Структурные и морфологические особенности никонимов

Говоря о грамматической природе имён собственных, В.А. Никонов подчёркивает, что «имя – это слово и, как все слова, подчиняется законам языка» [Никонов 1974: 6]. Думается, что никоним как особая разновидность онимов, а значит, слов, может быть описан в лингвистических категориях.

Анализ языкового материала позволяет разделить никонимы в структурном плане на две группы: *монокомпонентные* наименования и *поликомпонентные* наименования.

Учитывая морфологическую природу, **монокомпонентные** наименования делятся на:

1) **именные:**

а) **субстантивные:**

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей (ср., напр.: *АлиГарх* (Чат Mail), *Богиня* (Чат Mail), *блошка* (Чат Mail), *Варька* (Чат Mail), *ВОЛКОДАВ* (Чат Mail), *Орхидея* (Чат Mail), *Солнышко* (Чат Mail), *староста* (ЖЖ);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей (ср., напр.: *antifreez* (транслит. ‘антифриз’) (ЖЖ), *antipod* (транслит. ‘антипод’) (ЖЖ), *b0bik* (транслит. ‘бобик’) (ЖЖ), *benzinchik* (транслит. ‘бензинчик’) (ЖЖ), *gipnozzzzz* (транслит. ‘гипноз’) (ЖЖ), *diletantka* (транслит. ‘дилетантка’) (Чат Mail), *devaxa* (транслит. ‘деваха’) (Чат Mail), *doorochka* (транслит. ‘дурочка’) (ЖЖ), *conflikt* (транслит. ‘конфликт’) (ЖЖ), *mol4un* (транслит. ‘молчун’) (ЖЖ), *4ert* (транслит. ‘чёрт’) (Чат Mail), *chud-es-nik* (транслит. ‘чудесник’) (Чат Mail), *chocoladka* (транслит. ‘шоколадка’) (ЖЖ);

- англоязычное наименование, написанное латиницей (ср., напр.: *Armageddon* (транскрип. [ɑ:mə'gedn] пер. с англ. Армагедон) (форум ПЕФЛ), *Angel* (транскрип. [eɪndʒəl] пер. с англ. ангел) (службе мгновенного обмена сообщениями сети Интернет ICQ (далее – ICQ)), *cucumbers2009* (транскрип. [kju:kʌmbər] пер. с англ. огурец) (ЖЖ), *Hermes* (транскрип. [ə'mes] пер. с

англ. Гермес) (Чат Mail), **JOKER** (транскрип. [dʒəʊkə] пер. с англ. Джокер) (Чат Mail);

б) прономинализованные, например, **ОНА** (Чат Mail), **ОнО** (Чат Mail);

в) адъективные:

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей, выраженное полной формой прилагательного (ср., напр.: **Ершистый** (Чат Mail), **Желанная** (Чат Mail), **Красивая** (Чат Mail), **Любопытный** (Чат Mail), **Нездешний** (Чат Mail), **Строгий** (Чат Mail);

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей, выраженное краткой формой прилагательного (ср., напр.: **МоЛод** (ЖЖ), **Свеж** (Чат Mail), **ЯрОК** (ЖЖ);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей (ср., напр.: **бОLnОу** (транслит. ‘больной’) (Чат Mail), **glamurnenkaya** (транслит. ‘гламурненькая’) (ЖЖ), **glazastaya** (транслит. ‘глазастая’) (ЖЖ), **zabavnaja** (транслит. ‘забавная’) (ЖЖ), **Zloy** (транслит. ‘злой’) (Чат Mail), **mozgovaya** (транслит. ‘мозговая’) (ЖЖ), **pushistaja** (транслит. ‘пушистая’) (ЖЖ), **puzatij** (транслит. ‘пузатый’) (ЖЖ);

2) глагольные, например, **Беги!** (Чат Mail), **НаДоЕЛИ** (ЖЖ), **Целую** =* (Чат Mail);

3) наречные:

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей (ср., напр.: **Ам_Оральнo** (ЖЖ), **гОрЬкО** (ЖЖ), **ЗАБАВно** (ЖЖ), **Неважно** (Чат Mail), **ОЧЕНЬ** (Чат Mail);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей (ср., напр.: **bessmislenno** (транслит. ‘бесмысленно’) (Чат Mail), **ve_selo** (транслит. ‘весело’) (ЖЖ), **molcha** (транслит. ‘молча’) (ЖЖ), **fioletovo** (транслит. ‘фиолетово’) (ЖЖ), **cherno** (транслит. ‘черно’) (ЖЖ), **chisto** (транслит. ‘чисто’) (ЖЖ);

4) междометные:

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей (ср., напр.: **Ах!** (Чат Krutomer), **Чмаффф** (Чат Krutomer);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей (ср., напр.: **Urarum** (Чат Krutomer), **Shhh** (Чат Krutomer);

5) **звукоподражательные** (ср., напр.: **bimbom** (транслит. ‘бим-бом’) (ЖЖ), **bzzzzzzzzzzzz** (транслит. ‘бз’) (ЖЖ), **чпок** (транслит. ‘чпок’) (ЖЖ), **Dzin Dzin** (транслит. ‘дзин-дзинь’) ЖЖ).

Среди **поликкомпонентных** наименований можно выделить никонимы, равные:

1) **словоформе:**

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей (ср., напр.: **в_неадеквате** (Чат Mail), **Из пепла** (Чат Krutomer);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей (ср., напр.: **a_у_doma** (транслит. ‘а у дома’) (ЖЖ), **V util** (транслит. ‘в утиль’) (Чат Krutomer), **na_hody** (транслит. ‘на ходу’) (ЖЖ);

2) **сочетанию слов с сочинительной связью:**

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей (ср., напр.: **Добрая, но Жестокая!** (Чат Mail), **Красивый_и_Большой** (Чат Krutomer);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей (ср., напр.: **gaz-i-tormoz** (транслит. ‘газ и тормоз’) (ЖЖ), **homyak_i_belka** (транслит. ‘хомяк и белка’) (ЖЖ), **chest_i_razum** (транслит. ‘честь и разум’) (ЖЖ).

В данной подгруппе встречаются никонимы, в состав которых входят имена (ср., напр.: **chuk_and_gek** (транслит. ‘чук и гек’) (ЖЖ), **roman_i_darija** (транслит. ‘роман и дария’) (ЖЖ);

3) **словосочетанию с подчинительной связью** (в соответствии с номинативной концепцией словосочетания В.В. Виноградова):

а) со связью согласование:

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей (ср., напр.: **Горький_шоколад** (Чат Krutomer), **Мартовский_Кот** (Чат Krutomer), **Одинокая Луна** (Чат Krutomer);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей (ср., напр.: *umnajariba* (транслит. ‘умная рыба’) (ЖЖ);

Б) со связью управление:

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей (ср., напр.: *Ведьма_из_БлЭр* (Чат Mail), *Время Перемен* (Чат Krutomer), *Роковая_Лиллит* (Чат Mail);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей (ср., напр.: *baba_c_voza* (транслит. ‘баба с воза’) (ЖЖ), *dver-v-letu* (транслит. ‘дверь в лето’) (ЖЖ), *zhizn-naoborot* (транслит. ‘жизнь наоборот’) (ЖЖ), *zavtrakturista* (транслит. ‘завтрак туриста’) (ЖЖ), *zoloto-lubvi* (транслит. ‘золото любви’) (ЖЖ), *trubka_mira* (транслит. ‘трубка мира’) (Чат Mail), *feya-iz-skazki* (транслит. ‘фея из сказки’) (ЖЖ), *hozyain-misley* (транслит. ‘хозяин мыслей’) (ЖЖ);

3) предложению:

а) двусоставному: *МожетТыТаСамая* (Чат Mail), *ЭфФфект_достигнут* (Чат Mail), *я_побежал_за_солнцем* (Чат Games);

б) односоставному:

- русскоязычное наименование, написанное кириллицей (ср., напр.: *Можно спрошу?* (Чат Mail), *ИщуПослушных* (Чат Mail), *Поговорю_ПО_Тел* (Чат Mail);

- русскоязычное наименование, написанное латиницей (ср., напр.: *ktozaplintysom* (транслит. ‘кто за плинтусом’) (ЖЖ), *odindoma* (транслит. ‘один дома’) (ЖЖ), *odna_na_ldine* (транслит. ‘одна на льдине’) (ЖЖ), *poslan_za_elkoy* (транслит. ‘послан за ёлкой’) (ЖЖ);

- англоязычное наименование (ср., напр.: *its-not- journal* (транскрип. [its nɒt dʒə:nl] пер. с англ. это не дневник) (ЖЖ), *just_do_it* (транскрип. [dʒʌst du: it] пер. с англ. просто сделай это) (ЖЖ).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что преобладающими по структуре являются монокомпонентные никонимы, среди которых больше именных. В поликомпонентных наименованиях заметно количественное

превосходство никонимов, равных словосочетанию с подчинительной связью.

§3. Функционально-тематические особенности никонимов

Как было отмечено ранее, никоним в условиях виртуальной реальности может выполнять несколько функций. М.Г. Чабаненко среди функций никонимов выделяет следующие:

- 1) функцию самопрезентации (никоним является знаком самоопределения личности);
- 2) дискурсивную функцию (образ говорящего, обозначенный в имени, детерминирует его речевое поведение);
- 3) контактоустанавливающую функцию (никоним, несущий формой и содержанием определённую систему общих фоновых знаний говорящего и адресата, способен выступать как кодирующий с позиции субъекта и декодирующий с позиции адресата знак);
- 4) эмоционально-экспрессивную функцию (выбором определённого никонима субъект оказывает воздействие на адресата);
- 5) игровую функцию (сокрытие личности за никонимом позволяет выстраивать линию своего речевого поведения, не опасаясь повредить собственной репутации) [Чабаненко 2007: 4-5].

С нашей точки зрения, выделенные М.Г. Чабаненко функции никонимов нельзя отнести к универсальным. Так, например, никоним *111*, используемый на форумах или при комментировании в гостевых, вряд ли может обладать хотя бы одной из перечисленных функций. В данном случае его функция – техническая (используется для входа в систему), что сближает этот никоним с логином. Кроме того, можно поставить под сомнение трактовку дискурсивной функции никонимов. Автор указывает на то, что никоним обуславливает выбор формы и характера общения виртуальной личности. На наш взгляд, никоним является своеобразным продуктом, результатом реализации творческого, лингвокреативного потенциала виртуальной языковой личности, отражением некоторых черт человека, скрывающегося за никонимом. Поэтому избираемый никоним – результат

воспроизводимой совокупности психологических и речеповеденческих характеристик языковой личности, а не причина. Так, например, никоним *Звёздочка* или *Стильная* вряд ли может детерминировать речевое поведение языковой личности.

Необходимо также отметить, что та или иная функция никонимов может быть первичной или совсем отсутствовать. На наш взгляд, релевантность функции того или иного никонима предопределяется не только и не столько человеком сознательно, сколько пространством коммуникации, её жанровым своеобразием (форум, чат, блог, или сетевой дневник, электронная почта, запись в гостевой). Поэтому следует более подробно остановиться на рассмотрении жанровых особенностей текстов виртуального дискурса.

Анализ современного состояния виртуального жанроведения проводится посредством описания теоретического и практического использования дигитальных жанров в лингвистике и теории коммуникации [Горошко 2007]. В современных трудах, наряду с базовыми характеристиками Интернет-коммуникации, также рассматриваются наиболее значимые жанрологические подходы лингвистики и параметры жанрового соотношения в Интернете [Андрианова 2008].

Л.Ю. Иванов для первичной инвентаризации жанров глобальной сети пользуется данными о тематике глобальной сети, поскольку, как отмечает учёный, «каждую тематическую группу обслуживает сложившаяся за время существования глобальной сети совокупность жанров» [Иванов 2000]. При этом исследователь выделяет жанры глобальной сети по аналогии с жанрами других сфер общения:

- *общественно-информационные жанры и жанры новостей* (представлены сайтами как собственно электронных средств массовой информации, так и СМИ, имеющие «бумажные» или аудиовизуальные аналоги);

- *научно-образовательные и специальные информационные жанры* (электронные научные и учебные издания – монографии, сборники,

отдельные научные статьи, пособия, справочники, интерактивные учебные курсы);

- *художественно-литературные жанры* (представлены сайтами электронных библиотек, сформированных из уже ранее напечатанных литературных произведений, а также литературными произведениями, изначально написанными в Сети («сетевая литература» или «сетература»), популярными являются обзоры, аннотации и рецензии – как сетературных, так и традиционных литературных произведений);

- *развлекательные жанры* (могут примыкать к художественно-литературным жанрам, среди них – жанры, объединенные юмористической или эротической направленностью. Это многочисленные анекдоты, юмористические и эротические рассказы, часто с анимацией, словесные игры, эротические доски объявлений, чаты для виртуального флирта, отдельные юмористические цитаты и их подборки, эпитафии к сайтам, наконец, юмористические сайты как жанрово-композиционные единства);

- *жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение* (всевозможные дискуссионные группы, чаты или IRC в MUD; (MUD или multiuser domains – области, где могут присутствовать и общаться одновременно многие пользователи), гостевые книги, письма электронной почты, избранные почтовые рассылки и др.);

- *деловые и коммерческие жанры* (профессиональные и непрофессиональные коммерческие доски объявлений, аналитические обзоры рынков и отраслей (например, рынка ценных бумаг, металлургической или нефтяной отрасли), информационные письма и тематические журналы по отдельным направлениям бизнеса, информация на сайтах крупных компаний (корпоративных сетей), имеющая не только рекламный, но и технический и познавательный характер, биржевые информационные бюллетени, объявления в службах трудоустройства, вездесущие в глобальной сети рекламные флажки – баннеры) [Иванов 2000].

Л.Ю. Иванов отмечает также, что выделенные жанры представляется возможным дифференцировать по признаку исконности возникновения в глобальной сети. Исследователь выделяет «исконно сетевые жанры, т.е. порожденные самим использованием языка в сети, и жанры, заимствованные глобальной сетью из других сфер общения. К первым относятся, прежде всего, жанры неспециального общения – чаты и дискуссионные группы. Ко вторым, например, аннотации научно-технических статей или передовицы электронных СМИ» [Иванов 2000].

Это положение является основанием и критерием для функционально-тематической классификации никонимов, примеры которых были собраны нами в ходе исследования.

Анализ языкового материала позволяет выделить следующие типы никонимов:

1) **никонимы, выполняющие номинативную функцию.** К ним относятся следующие:

- никонимы, построенные по типу «имя+фамилия» (ср., напр.: *artemdragunov* (ЖЖ), *olegtinkov* (ЖЖ), *satikhazanova* (ЖЖ), *stukalov_sergey* (ЖЖ), *tina_kandelaki* (Твиттер), *sasha_belinin59@yandex.ru* (система электронной почты «Яндекс», www.yandex.ru (далее – Яндекс), *mashagubanova@yandex.ru* (Яндекс);

- никонимы, построенные по типу «начальная буква имени+фамилия» (ср., напр.: *a_lichevskij* (ЖЖ), *e_grishkovets* (ЖЖ), *i_sergeev* (ЖЖ);

- никонимы, представленные только именем:

а) в кириллическом написании (ср., напр.: *Валюшка* (Чат Mail), *Женек* (ЖЖ), *Сл@в@* (Чат Mail);

б) в латинской транслитерации (ср., напр.: *Abdurrahman* (транслит. ‘Абдурахман’) (Форум ПЕФЛ), *adelaida* (транслит. ‘Аделаида’) (ЖЖ), *Alena* (транслит. ‘Алёна’) (Форум ПЕФЛ), *tema* (транслит. ‘Тёма’) (ЖЖ);

- никонимы, представленные только фамилией (ср., напр.: *Abramovich* (транслит. ‘Абрамович’) (Форум ПЕФЛ), *medvedev* (транслит. ‘Медведев’)

(Твиттер), *navalny* (транслит. ‘Навальный’) (ЖЖ), *radulova* (транслит. ‘Радулова’) (ЖЖ), *chistyakova* (транслит. ‘Чистякова’) (ЖЖ).

Как видно из примеров, в данном случае никонимы полностью или частично дублируют антропонимы, которые имеют люди в реальной жизни. Основной сферой функционирования приведённых выше никонимов являются в большинстве случаев блоги, или сетевые дневники, электронная почта и иногда чаты. Из анализа данных примеров можно сделать вывод том, что для виртуальной личности важным является позиционирование в данной сфере коммуникации собственного имени;

2) никонимы, выполняющие идентифицирующую функцию.

Среди данных примеров представляется возможным выделить следующие подгруппы:

а) никонимы, указывающие на **качества характера и свойства** человека.

1. мелиоративные номинации:

- в состав которых входит имя собственное (ср., напр.: *alex_dobryj* (транслит. ‘Алекс добрый’) (ЖЖ), *daria-krasa* (транслит. ‘Дарья краса’) (ЖЖ), *dashka-solnce* (транслит. ‘Дашка солнце’) (ЖЖ), *dymontiger* (транслит. ‘Димон тигр’) (ЖЖ), *mudraya-marina* (транслит. ‘мудрая Марина’) (ЖЖ), *ulya_solnce* (транслит. ‘Юля солнце’) (ЖЖ), *chestny-piter* (транслит. ‘честный Питер’) (ЖЖ);

2. пейоративные номинации:

- в состав которых входит имя собственное (ср., напр.: *vovan_bolvan* (транслит. ‘Вован болван’) (ЖЖ), *grisha_mot* (транслит. ‘Гриша мот’) (ЖЖ), *karl_ukral* (транслит. ‘Карл украл’) (ЖЖ), *kira_dura* (транслит. ‘Кира дура’) (ЖЖ), *terryplachet* (транслит. ‘Тери плачет’) (ЖЖ);

- русскоязычные номинации в латинской транслитерации (ср., напр.: *ВзрЫвО_onАснАя* (Чат Mail), *balbes92* (транслит. ‘балбес’) (ЖЖ), *besserdechnaya* (транслит. ‘бессердечная’) (ЖЖ), *dikarka* (транслит. ‘дикарка’) (ЖЖ), *zanudka* (транслит. ‘занудка’) (ЖЖ), *zlobnaya* (транслит.

‘злобная’) (ЖЖ), *lihodej* (транслит. ‘лиходей’) (ЖЖ), *4elovek-pe4al* (транслит. ‘человек печаль’) (ЖЖ);

- англоязычные номинации (ср., напр.: *bad_girls* (транскрип. [bæd gə:l], пер. с англ. ‘плохие девочки’) (ЖЖ), *killer_kenni* (транскрип. [ˈkɪləɹ keni], пер. с англ. ‘убийца Кенни’) (ЖЖ);

- русскоязычные номинации в латинской транслитерации (ср., напр.: *altruisttka* (транслит. ‘альтруистка’) (ЖЖ), *kladez_zolota* (транслит. ‘кладезь золота’) (ЖЖ), *kreatiff* (транслит. ‘креатив’) (ЖЖ);

б) никонимы, указывающие на **внешность человека**. Например, *ГЛАЗА_ЦВЕТА_НЕБА* (Чат Mail), *KRASAV4EG* (Чат Mail), *ГолубоГлазАя_ПыШкА* (Чат Mail), *Красивый_и_Большой* (Чат Mail), *не_молодой* (Чат Mail), *sami_s_ushami* (транслит. ‘сами с усами’) (ЖЖ),

в) никонимы, указывающие на:

• **профессию или должность** человека. В данной подгруппе представляется возможным выделить случаи употребления:

- русскоязычного никонима, написанного кириллицей (ср., напр.: *Десантник* (Чат Games), *Летчик* (Чат Mail);

- русскоязычного никонима, написанного латиницей (ср., напр.: *Advocat* (транслит. ‘адвокат’) (Форум ПЕФЛ), *Akter* (транслит. ‘актёр’) (Форум ПЕФЛ), *Astronom* (транслит. ‘астроном’) (Чат Games), *decan* (транслит. ‘декан’) (ЖЖ), *d0n-d0ct0r* (транслит. ‘дон доктор’) (ЖЖ), *dr3lo* (транслит. ‘доктор зло’) (ЖЖ), *doctorpsyho* (транслит. ‘доктор психо’) (ЖЖ), *doyarka-na-sene* (транслит. ‘доярка на сене’) (ЖЖ), *machinostroitel* (транслит. ‘машиностроитель’) (ЖЖ), *M_multiplikato_R* (транслит. ‘мультипликатор’) (Чат Mail), *operativnik* (транслит. ‘оперативник’) (ЖЖ), *starshinazapasa* (транслит. ‘старшина запаса’) (ЖЖ), *medses3chka* (транслит. ‘медсестричка’) (ЖЖ), *pisatelnitsa* (транслит. ‘писательница’) (ЖЖ), *psiholog* (транслит. ‘психолог’) (ЖЖ), *radistka007* (транслит. ‘радистка’) (ЖЖ), *raketchik* (транслит. ‘ракетчик’) (ЖЖ), *sv-yaz-ist* (транслит. ‘связист’) (ЖЖ), *uborshizzza* (транслит. ‘убрщица’) (ЖЖ);

- англоязычного никонима (ср., напр.: *best-blogger* (транскрип. [best blɔgər], пер. с англ. ‘лучший блогер’) (ЖЖ), *crazy-reporter* (транскрип. [kreɪzi riˈpɔ:tər], пер. с англ. ‘сумасшедший репортёр’) (ЖЖ), *DJ* (ЖЖ),

• **род деятельности человека.** *АлиГарх* (Чат Mail), *Пилигрим* (Чат Mail), *уличный поэт...* (Чат Krutomer), *brodjaga* (транслит. ‘бродяга’) (ЖЖ), *G@№G\$TER* (транслит. ‘гангстер’) (Чат Krutomer), *stariy-pioneer* (транслит. ‘старый пионер’) (ЖЖ), *cardi_nal* (транслит. ‘кардинал’) (ЖЖ), *drovocek* (транслит. ‘дровосек’) (ЖЖ), *sapojnik* (транслит. ‘сапожник’) (ЖЖ), *strellochnik* (транслит. ‘стрелочник’) (ЖЖ);

• **увлечение (хобби), предпочтения человека**, например, *GurmanЪ* (Чат Mail), *best-blogger* (ЖЖ);

• **социальную роль человека**, например, *Замужняя* (Чат Mail), *active_mother* (ЖЖ);

г) **никонимы, выделяющие в качестве наиболее релевантной гендерную принадлежность человека:**

• **к мужскому полу:**

- **никонимы, содержащие грамматический показатель:**

1. нулевое окончание (ср., напр.: *Akter* (транслит. ‘актер’) (ЖЖ), *drovocek* (транслит. ‘дровосек’) (ЖЖ);

2. суффикс -ник- (ср., напр.: *ko4evnik* (транслит. ‘кочевник’) (ЖЖ), *chud-es-nik* (транслит. ‘чудесник’) (ЖЖ), *fortochnik* (транслит. ‘форточник’) (ЖЖ), *strellochnik* (транслит. ‘стрелочник’) (ЖЖ);

- **никонимы, содержащие лексический показатель** (типа *man*, *boy* и др.)

- **англоязычные никонимы** (ср., напр.: *busyman* (транскрип. [ˈbɪzi mæn], пер. с англ. ‘занятой мужчина), *man_from_russia* (транскрип. [mæn foˈrʌʃə], пер. с англ. ‘мужчина из России’), *lucky-boy23* (транскрип. [ˈlʌki bɔɪ], пер. с англ. ‘удачливый мальчик’) (ЖЖ), *MEXICANBOY* (транскрип. [ˈmeksɪkən bɔɪ], пер. с англ. ‘мексиканский мальчик’) (Чат Mail), *nightboy* (транскрип. [naɪt bɔɪ], пер. с англ. ‘ночной мальчик’) (Чат Mail);

• к женскому полу,

- никонимы, содержащие графический показатель

1. суффикс -к- (ср., напр.: *Самочка* (Чат Mail), *КОКЕТКА* (Чат Games) *dikarka* (транслит. ‘дикарка’) (ЖЖ);

2. суффикс -иц- (ср., напр.: *pulemetchizza* (транслит. ‘пулеметчица’) (ЖЖ), *uborshizza* (транслит. ‘уборщица’) (ЖЖ);

- никонимы, содержащие лексический показатель (типа *мадам*, *маркиза*, *дама*, *девочка*) (ср.,напр.: *Мадам* (Чат Mail), *МАРКИЗА* (Чат Krutomer), *dama_s_kamnyami* (транслит. ‘дама с камнями’) (ЖЖ), *dama_s_sobakoj* (транслит. ‘дама с собакой’) (ЖЖ), *devochka-vesna* (транслит. ‘девочка весна’) (ЖЖ);

- англоязычные никонимы (ср.,напр.: *bad_girls* (транскрип. [bæd gə:l], пер. с англ. ‘плохие девочки’) (ЖЖ);

д) никонимы, отсылающие к известным прецедентным именам:

• исконно русским или славянским, например, *Фома_не_верующий* (Чат Mail), *Остан_Бендер* (Чат Mail), *Abramovich* (форум ПЕФЛ), *sharik0ff* (ЖЖ), *marja-marevna* (ЖЖ), *neznaika-nalune* (ЖЖ), *Мальчиш_Плохиш* (Чат Mail);

• пришедшим из других культур, например, *donni_brasco* (Чат Mail), *Hermes* (Чат Mail), *JOKER* (Чат Mail), *POsoМАХА_ОН* (Чат Mail), *Ведьма_из_БлЭр* (Чат Mail), *ЛОРЕЛЕЯ* (Чат Mail), *shok_darvina* (ЖЖ), *jakonda* (ЖЖ), *ledy-chatterley* (ЖЖ), *go-zefina* (ЖЖ), *ali-baba75* (ЖЖ), *tut-on-ham-on* (ЖЖ), *shakherezada* (ЖЖ), *karlss0n* (ЖЖ), *pacahontos* (ЖЖ).

Основной сферой функционирования данного вида никонимов являются чаты и форумы. Их особенность состоит в том, что языковая личность использует подобный никоним для установления контакта путём представления части информации о себе, которая необходима в данной коммуникативной сфере (с помощью употребления прилагательных, характеризующих существительные, или имён собственных, предполагающих возникновение ассоциаций);

3) **никонимы, выполняющие контактоустанавливающую функцию.** К ним относятся: *МОГУ_МНОГО* (Чат Mail), *Пригласи_в_гости!* (Чат Mail), *Я_бы_влюбился!* (Чат Mail), *Ищу красивую* (Чат Mail) и т.п.

В традиционном понимании имена собственные не имеют и не могут иметь коммуникативной функции [Бондалетов 1983: 22]. Однако, как отмечает А.В. Ходоренко, никонимы могут быть соотнесены с составляющими речевого акта: иллокуция – цель говорящего; локуция – перформация высказывания (это может быть произнесение), применительно к нашему языковому материалу локутивный акт представляется называнием; перлокуция – результат речевого воздействия на слушающего [Ходоренко 2007: 87].

Приведённый языковой материал подтверждает выдвинутую гипотезу. Как видно из примеров, все они употребляются в чатах. Никоним, включающий в себя глагольную форму, соотносим с высказыванием и служит для установления контакта между потенциальными участниками коммуникации, что важно в данной сфере общения;

4) **никонимы, выполняющие техническую функцию.** К ним относятся: *111* (форум ПЕФЛ), *qwerty* (Чат Mail), *123* (ICQ), *user* (Чат Mail).

Данные примеры состоят из простого набора цифр (*111*, *123*), символов (*qwerty* – первые шесть символов верхнего буквенного ряда клавиатуры английской раскладки), а также могут являться семантически опустошёнными (*user* – от англ. «пользователь») в условиях виртуальной реальности. Данное явление можно объяснить тем, что пользователю важен сам факт пребывания и общения в коммуникативной сфере, а не собственное имя, которое дублируется автоматически при регистрации учётной записи, поэтому никонимы такого рода выполняют сугубо техническую функцию, сближающую их с логинами. Подобные примеры, по аналогии с квази-собственными именами, которые выделял в 1958 г. датский лингвист Х.С. Сёренсен [Суперанская 2009: 84], можно назвать *квази-никонимами* (от лат. *quasi* – «нечто вроде, как будто»). В доказательство этому можно также

привести точку зрения английского логика Б. Рассела, который отмечал, что, «поскольку любая часть пространства-времени может обозначаться с помощью системы координат (что соответствует более высокому уровню развития науки), собственные имена оказываются ненужными» [там же: 63]. В данном случае квази-никонимы выступают своеобразной точкой в системе координат виртуального пространства.

Таким образом, никоним, являясь обязательным атрибутом для входа в виртуальное коммуникативное пространство, представляет собой полифункциональную антропонимическую категорию. Анализ языкового материала показал, что никонимы в виртуальной реальности могут выполнять номинативную, идентифицирующую, контактоустанавливающую и техническую функции. При этом важно отметить, что никоним может выполнять сразу несколько функций, но для того, чтобы выявить наиболее релевантную, необходимо учитывать жанровое своеобразие коммуникативной среды.

Выводы по четвёртой главе

Анализ функционирования никонимов в виртуальном дискурсе с точки зрения выявления лексико-семантических, структурно-грамматических и функционально-тематических особенностей позволяет выявить следующие закономерности.

1) Лексико-семантическое описание анализируемых единиц позволяет выделить пять групп, соотносящихся с понятиями «Человек», «Природа», «Культура», «Пища» и «Время». При этом наиболее многочисленной группой по количеству примеров является группа «Человек», что позволяет сделать вывод об антропоцентрической ориентации современной виртуальной языковой личности.

2) Особую группу в лексико-семантической классификации представляют никонимы, в структуре которых (полностью или частично) присутствуют уже существующие единицы ономастического пространства. Среди них – имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые; именованья неодушевленных предметов; собственные имена комплексных объектов. Обозначенные особенности свидетельствуют об особом характере когнитивного стиля виртуальной личности – использование прецедентных имён при автономии. Важно отметить, что при этом достаточно высок культурный уровень личности, о чём говорит наличие примеров, где используются названия произведений литературы и искусства.

3) Анализ структурных и морфологических особенностей никонимов обнаруживает широкий спектр использования основных моделей построения ономастических единиц. Выделяются как монокомпонентные, так и поликомпонентные наименования. Среди первой группы встречаются никонимы различной морфологической природы: от субстантивов до звукоподражаний. Группа поликомпонентных наименования состоит из единиц, равных словоформе, сочетанию слов, словосочетанию и предложению. Таким образом, никоним, будучи относительно новой

ономастической единицей, использует все структурные ресурсы языка, что позволяет поставить его в ряд с другими единицами антропонимической системы.

4) Релевантность функции того или иного никонима предопределяется не только и не столько человеком сознательно, сколько пространством коммуникации, её жанровым своеобразием (форум, чат, блог, или сетевой дневник, электронная почта, запись в гостевой). Поэтому следует учитывать жанровые особенности сферы коммуникации в виртуальном дискурсе. В данном случае внимание необходимо остановить на так называемых *жанрах, оформляющих неспециальное, непрофессиональное общение* (всевозможные дискуссионные группы, чаты, гостевые книги, письма электронной почты, избранные почтовые рассылки и др. В связи с этим выделяются никонимы, выполняющие номинативную, идентифицирующую, контактоустанавливающую и техническую функции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные лингвистические исследования последних десятилетий свидетельствуют о том, что при изучении и анализе современного русского языка обнаруживается активное влияние телекоммуникационных технологий и интернет-языка как на речевую культуру носителей русского языка XXI века, так и на формирование системы языка в целом. Вопросы лингвистики, современной теории массовой коммуникации и интернет-языка рассматриваются в контексте современных достижений научной мысли. Таким образом, всё чаще говорят об особой сфере коммуникации, которая изучается в рамках актуального на сегодняшний день направления, получившего название «интернет-лингвистика».

В сегодняшних условиях широкого распространения глобальных информационных технологий меняется среда функционирования языковой личности, и, более того, следует говорить о новом типе – виртуальной языковой личности, которая обладает своим набором характеристик, а именно: высоким лингвокреативным потенциалом, демократичным характером общения, особым отношением к модели коммуникации, множественной идентификацией.

Интернет, будучи каналом массовой коммуникации, привычным источником информации и средством общения для миллионов людей, не может не влиять на языковые категории, считающиеся традиционно относительно устойчивыми. Одной из таких категорий является онимия. Имя собственное, являясь неотъемлемой частью культуры любого народа, всегда привлекало внимание учёных: оно было предметом исследования логики, философии, культурологии и языкознания.

В современных условиях развития глобальных информационных технологий наблюдается появление новых форм общения. В интернет-коммуникации, как и в любой другой, возникает необходимость идентификации и самоидентификации виртуальной личности. Поэтому

закономерно возникновение нового именного маркера, получившего название «никоним».

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие выводы:

1) в настоящее время отсутствует единая, общепринятая концепция имени собственного, что во многом объясняется различием исходных положений и методов их создателей, а также тем, что поиски велись порой в разных направлениях и парадигмах лингвистического знания;

2) в современной ономастической науке развитие получают как традиционные тенденции рассмотрения ономастического материала, так и только возникающие. В связи с этим специфика новых подходов к анализу языковых единиц проявляется в том, что значительное место в исследованиях отводится антропоцентрическому фактору. Кроме того, современная лингвистика не может не учитывать реалии действительности общества XXI века и появляющиеся в связи с этим всё новые и новые объекты исследования, одним из которых является активно развивающееся виртуальное пространство;

3) виртуальный дискурс, вызывающий большой интерес исследователей, определяется как текст, погружённый в ситуацию общения в виртуальной реальности. При этом виртуальный дискурс объективно выделяется как противопоставляемый дискурсу реальному на основе собственных категориальных признаков. Применительно к виртуальному дискурсу можно говорить о формировании особой языковой личности – *виртуальной*, которая имеет ряд отличительных признаков;

4) в современной антропонимической системе наблюдается появление новой категории – *никонима* – соотносящейся с виртуальной реальностью являющейся неременным атрибутом виртуальной языковой личности и имеющей ряд особенностей.

В результате предпринятого анализа никонимов были описаны следующие особенности данных лексических единиц:

1) на уровне графики фиксируется

а) использование букв кириллицы для обозначения никонимов русскоязычного происхождения;

б) использование латинских букв для обозначения никонимов англоязычного происхождения;

в) транслитерация кириллической системы письма в латинскую;

г) использование латинских букв в качестве кириллических на основе их графического сходства;

д) использование цифр в буквенной функции;

е) использование знаков-символов в буквенной функции;

ж) ненормативное, произвольное использование прописных букв.

2) На структурном и морфологическом уровнях никонимы делятся на монокомпонентные и поликомпонентные.

1) Среди монокомпонентных выделяются

а) именные (субстантивные, адъективные, прономинализованные),

б) глагольные,

в) наречные,

г) междоименные,

д) звукоподражательные,

2) Среди поликомпонентных выделяются никонимы равные

а) словоформе,

б) сочетанию слов

- с сочинительной связью,
- словосочетаниям с подчинительной связью;

в) предложению

- односоставному,
- двусоставному.

3) На лексическом уровне выделяются никонимы, образованные от нарицательных имён и относящиеся к тематическим группам «Человек», «Природа», «Культура», «Пища», «Время».

В данном исследовании впервые была предпринята попытка классификации анализируемых лексических единиц с точки зрения их **функционально-тематических особенностей**. Были выделены никонимы, выполняющие номинативную, идентифицирующую, контактоустанавливающую и техническую функции.

Используя результаты исследования, мы можем предложить следующее определение никониму. Никоним – вид онима, имя собственное, используемое в условиях виртуальной реальности, создаваемое пользователем самостоятельно под влиянием законов языка и особой сферой функционирования, и являющееся выражением лингвокреативного потенциала виртуальной языковой личности.

Перспективы развития обозначенной в настоящем исследовании проблемы могут быть сформулированы следующим образом:

- рассмотрение никонима как элемента речевого портрета современной языковой личности;
- анализ функционирования никонимов в рамках лингвокультурологического, социолингвистического и лингвофилософского подходов;
- рассмотрение вопроса о функционировании доменного имени как особого разряда имени собственного, используемого в Интернете.

Всё это определяет необходимость дальнейшего изучения функционирования никонимов в виртуальном дискурсе XXI века.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЖЖ – портал «Живой журнал», www.livejournal.com

форум ПЕФЛ – форум виртуального футбольного менеджера «PEFL»

пер. с англ. – перевод с английского

прим. – примечание

транскрип. – транскрипция

транслит. – транслитерация

Чат Mail – чат «Чат Mail», www.chat.mail.ru

Чат Games – чат «Games.ru», www.games.ru/chat

Чат Krutomer – чат «Крутомер», www.krutomer.ru

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Аврамова 2004** – Аврамова, А.Г. Электронный дискурс в зеркале оппозиции «устный/письменный» [Текст] / А.Г. Аврамова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистическая и межкультурная коммуникация. – М., 2004. – № 3. – С. 119–126.
2. **Азнабаева 2006** – Азнабаева, А.Ф. Сопоставительная антропонимика: современное имяназачение в Башкортостане и в Германии [Текст] / А.Ф. Азнабаева. – Уфа, 2006. – 122 с.
3. **Амельченков 2009** – Амельченков, В.В. Философские проблемы креативности языка как общественного явления: автореф. дис. ... канд. философ. наук [Текст] / В.В. Амельченков. – Москва, 2009. – 24 с.
4. **Андрианова 2008** – Андрианова, Н.С. Жанры Интернет-коммуникации: о некоторых подходах [Электронный ресурс] / Н.С. Андрианова. – 2008. – Режим доступа: http://www.nbuu.gov.ua/portal/Natural/Vdpu/Movozn/2008_14/article/3.pdf, [дата обращения : 18.08.2013].
5. **Аникина 2009** – Аникина, Т.В. Антропонимическая система русского чата [Текст] / Т.В. Аникина // Система и среда: Язык. Человек. Общество: материалы 3-й Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.П. Конева. Ниж. Тагил: НГСПА, 2009. – С. 52 – 59.
6. **Аникина 2010** – Аникина, Т.В. Имя собственное в Интернет-коммуникации [Текст] / Т.В. Аникина // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – №2(75). – С. 71–76.
7. **Андреев 2011** – Андреев, В.К. Автономизация в корпоративных языках молодежи: форма и содержание [Текст] / В.К. Андреев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – Волгоград, 2011. – №5 (59). – С. 4–7.

8. **Арутюнова 1985** – Арутюнова, Н.Д., Падучева, Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. – С. 3–47.
9. **Арутюнова 1998а** – Арутюнова, Н.Д. Лингвистическая философия // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. – С. 269–270.
10. **Арутюнова 1998б** – Арутюнова, Н.Д. Прагматика // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. – С. 389-390.
11. **Асмус 2005** – Асмус, Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Н.Г. Асмус. – Челябинск, 2005. – 23с.
12. **Ахренова 2007** – Ахренова, Н.А. Особенности коммуникации в Рунете [Текст] / Н.А. Ахренова // Знание, язык, культура. – Тула, 2007. – С. 45-53.
13. **Ахренова 2009** – Ахренова, Н.А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореф. дис. ... док. филолог. наук [Текст] / Н.А. Ахренова. – Москва, 2009. – 36 с.
14. **Бабаян, Круглова 2002** – Бабаян, В.Н., Круглова, С.Л. Теория дискурса в системе наук о языке [Текст] / В.Н. Бабаян, С.Л. Круглова // Ярославский пед. вестник. №3.(32) – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2002-3. – С. 55–57.
15. **Баоянь 2007** – Баоянь, У. Новое и псевдоновое в русскоязычной Интернет-коммуникации [Текст] / У. Баоянь // Русский язык: исторические судьбы и современность: Сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. междунар. конгресса – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 415–416.
16. **Бардашевич 2011** – Бардашевич, Я.А. Особенности жанра интернет-блога [Электронный ресурс] / Я.А. Бардашевич. – 2011. – Режим доступа: <http://rae.ru/forum2011/18/738> [дата обращения: 10.08.2013].

17. **Белецкий 1972** – Белецкий, А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика) [Текст] / А.А. Белецкий. – Киев, 1972. – 208с.
18. **Бенвенист 1974** – Бенвенист, Эмиль. Общая лингвистика. М., 1974. – 448с.
19. **Бергельсон 2002** – Бергельсон, М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации [Электронный ресурс] / М.Б. Бергельсон // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 1. [Режим доступа: <http://www.rik.ru/vculture/seminar/index.html>, свободный [дата обращения – 12.03.2011]].
20. **Березович 2007** – Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования [Текст] / Е.Л. Березович. – М.: «Индрик», 2007. – 600с.
21. **Блинова 1975** – Блинова, О.И. Проблемы диалектной лексикологии: Автореф. дис. докт. филол. наук. [Текст] / О.И. Блинова. – Саратов, 1975. – 44с.
22. **Блинова 1995** – Блинова, О.И. Внутренняя форма слова и ее функции [Текст] / О.И. Блинова // Русистика сегодня. – М., 1995, №2. С. 114-124.
23. **Блинова 2002** – Блинова, О.И. Мотивология, ономаσιология, лексикография: современное состояние и перспективы: Докл. и сообщения Междунаро. науч. конф. 15-16 апреля 2002 г. [Текст] / О.И. Блинова. – Кокшетау, 2002. – С. 4-12.
24. **Богданов 1984** – Богданов, В.В. Деятельностный аспект семантики [Текст] / В.В. Богданов // Семантика и прагматика синтаксических единиц. Калинин, 1984. – С. 12–13.
25. **Богданов 1996** – Богданов, В.В. Лингвистическая прагматика и её прикладные аспекты [Текст] / В.В. Богданов // Прикладное языкознание. СПб, 1996. – С. 268–275.
26. **Бондалетов 1983** – Бондалетов, В.Д. Русская ономастика [Текст] / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983 – 224с.

- 27. Борботько 1981** – Борботько, В. Г. Элементы теории дискурса [Текст] / В.Г. Борботько. – Грозный, 1981 – 113с.
- 28. Боровикова 2010** – Боровикова, Н.В. Имя собственное как знак в языке и речи [Текст] / Н.В. Боровикова. – Иркутск: ИГЛУ, 2010. – 227 с.
- 29. Буданова 2007** – Буданова, Т.А. О динамике языковой личности [Текст] / Т.А. Буданова // Русская литература в формировании современной языковой личности: сб. материалов междунар. конгресса. Т. 2. – СПб., 2007. – С. 219–223.
- 30. Бурыкин 2006** – Бурыкин, А.А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири) [Текст] / А.А. Бурыкин. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 224с.
- 31. Бусурина, Чуйкина 2011** – Бусурина, Е.В., Чуйкина, Н.В. Стратегия самопрезентации языковой личности в условиях виртуальной коммуникации (на материале автономии в никах российских и эстонских компьютерных сообществ) [Текст] / Е.В. Бусурина, Н.В. Чуйкина // XII конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы Русский язык и литература во времени и пространстве. Т. 1. – Шанхай, 2011. – С. 172–177.
- 32. Валгина 2001** – Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке [Текст] / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 416 с.
- 33. Васильев 2000** – Васильев, А.Д. Очерки новейшего словоупотребления в российской телевидении [Текст] / А.Д. Васильев. – Красноярск, 2000. – 97 с.
- 34. Васильева 2005** – Васильева, Н.В. Собственное имя в мире текста [Текст] / Н.В. Васильева. – М.: Академия гуманитарных исследований, 2005. – 224 с.

- 35. Виноградов 1976** – Виноградов, В.А. Лингвистические аспекты обучения языку [Текст] / В.А. Виноградов. – М., 1976. – 62 с.
- 36. Виноградов и др. 2009** – Виноградов, В.А., Коваль, А.И., Порхомовский, В.Я. [Текст] / В.А. Виноградов, А.И. Коваль, В.Я. Порхомовский. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 136 с.
- 37. Винокур 1989** – Винокур, Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция [Текст] / Т.Г. Винокур // Язык и личность: сб. ст. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Отв. ред. Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1989. – С. 11–23.
- 38. Винокур 2003** – Винокур, Т.Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи [Текст] / Т.Г. Винокур // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М., 2003. – 228 с.
- 39. Витгенштейн 1985** – Витгенштейн, Людвиг. Философские исследования [Текст] / Людвиг Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. – С. 79–128.
- 40. Войскунский 2001** – Войскунский, А.Е. Развитие речевого общения как результат применения Интернета [Электронный ресурс] / А.Е. Войскунский – 2001. Режим доступа: <http://www.psynet.by.ru/index.html>, свободный [дата обращения – 13.03.2011].
- 41. Воронцова, Галкин 2004** – Воронцова, О.П., Галкин, И.С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ [Текст] / О.П. Воронцова, И.С. Галкин. – Йошкар-Ола, 2004. – 280 с.
- 42. Вязовская 2007** – Вязовская, В.В. Ономастика романа Н. С. Лескова «Соборяне» [Текст] / В.В. Вязовская. – Воронеж: Научная книга, 2007. – 174 с.
- 43. Галичкина 2001** – Галичкина, Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра

- компьютерных конференций): дис. ... канд. филол. Наук [Текст] / Е.Н. Галичкина. – Волгоград, 2001. – 212 с.
- 44. Галяшина 2002** – Галяшина, Е.И. Проблемы дифференциации спонтанной и подготовленной речи [Электронный ресурс] / Е.И. Галяшина – 2002. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7287&y=2002&vol=6077.htm, свободный [дата обращения – 12.03.2011].
- 45. Голованова 2007** – Голованова Е.И. Персоним как элемент языка компьютерного общения [Текст] / Е.И. Голованова // Социальные варианты языка – V: материалы Междунар. науч. конф.– Нижний Новгород, 2007. – С. 346–349.
- 46. Голомидова 2005** – Голомидова, М.В. Русская антропонимическая система на рубеже веков [Текст] / М.В. Голодомилова // Вопросы ономастики. – 2005. – №2. – С. 11–22.
- 47. Горбаневский 1987** – Горбаневский, М.В. В мире имен и названий [Текст] / М.В. Горбаневский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Знание, 1987.
- 48. Горбаневский, Максимов 2008** – Горбаневский, М.В., Максимов, В.О. Вре́мен связу́ющая нить: Фамилии – памятники языка, истории, религии, культуры народов России [Текст] / М.В. Горбаневский, В.О. Максимов. – М., 2008. – 52 с.
- 49. Горбачевич 1978** – Горбачевич, К.С. Вариантность слова и языковая норма [Текст] / К.С. Горбачевич. – Л., 1978.
- 50. Горошко 2007** – Горошко, Е.И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи [Электронный ресурс] / Е.И. Горошко. – 2007. – Режим доступа: <http://www.textology.ru/Goroshko/Zhanry.html> [дата обращения: 20.08.2013].
- 51. Горошко 2009** – Горошко, М.В. К уточнению понятия «компьютерно-опосредованная коммуникация»: проблемы терминоведения

- [Электронный ресурс] / М.В. Горошко. – 2009. – С. 445–454. Режим доступа: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v12_i2/pdf/11.pdf, свободный [дата обращения – 13.03.2011].
- 52. Грачёв 1997** – Грачёв, М.А. Русское арго [Текст] / М.А. Грачев. – Нижний Новгород, 1997. – 133 с.
- 53. Грачёв 2008** – Грачёв, М.А. Новые формы молодёжной лингвистической коммуникации [Текст] / М.А. Грачев // Активные процессы в современном русском языке: Материалы научн. конфер. – Н.Новгород, 2008. – С. 53–61.
- 54. Гусейнов 2005** – Гусейнов, Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета: язык и литература сетевых людей [Текст] / Г.Ч. Гусейнов // НЛО. – 2005. – № 43. – С. 126–134.
- 55. Гусейнов 2006** – Гусейнов, Г.Ч. «Берлога веблога». Введение в эрратическую семантику [Текст] / Г.Ч. Гусейнов // Integrum: точные методы и гуманитарные науки – М.: Летний сад, 2006. – С. 215–221.
- 56. Дахалеева 2005** – Дахалеева Е.Ч. Семантика и прагматика автореферентных номинаций в ситуации речевого общения в современном французском языке: автореф. дис... канд. филол. наук [Текст] / Е.Ч. Дахалеева. – Иркутск, 2005.
- 57. Дедова 2004** – Дедова, О.В. О специфике компьютерного дискурса [Текст] / О.В. Дедова // Русский язык: исторические судьбы и современность: Сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. междунар. конгресса – М., 2004. – С. 231.
- 58. Дмитриев 1977** – Дмитриев, В.Г. Скрывшие своё имя (Из истории анонимов и псевдонимов) [Текст] / В.Г. Дмитриев. – М.: Наука, 1977. – 313 с.
- 59. Дмитриева 2005** – Дмитриева, Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым [Текст] / Т.Н. Дмитриева. – Екатеринбург, 2005. – 580 с.
- 60. Елистратов 1994** – Елистратов, В.С. Арго и культура [Текст] / В.С. Елистратов // Словарь московского арго. – М., 1994.

- 61. Есперсен 1958** – Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен. – М., 1958. – 400 с.
- 62. Земская 1996** – Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства [Текст] / Е.А. Земская // Русский язык конца 20 столетия. – М.: Наука, 1996. – С. 90–141.
- 63. Золтоева 2006** – Золтоева, О.Ф. Библиографический указатель работ по онимической лексике монгольских языков / О.Ф. Золтоева. – Улан-Батор, 2006. – 115 с.
- 64. Иванов 2000** – Иванов, Л.Ю. Язык Интернета. Заметки лингвиста [Электронный ресурс] / Л.Ю. Иванов. – 2000. – Режим доступа: <http://www.ivanoff.ru /rus/OZHWEB.htm>, свободный [дата обращения – 12.10.2009].
- 65. Ильин 2003** – Ильин, Д.Ю. Функционально семантический подход к описанию топонимической лексики региона [Текст] / Д.Ю. Ильин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2003 – №3. – С. 49–53.
- 66. Исаев 2010** – Исаев, И.И. Диалектологические открытия, или «Испорченный язык» [Электронный ресурс] / И.И. Исаев. – 2010. – Режим доступа: <http://www.ug.ru/archive/38277>, свободный [дата обращения – 12.10.2014].
- 67. Капацкий 2004** – Капацкий, В.М. Функции имен в русских дискуссиях в Интернете [Текст] / В.М. Капацкий // Русский язык: исторические судьбы и современность: Сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. междунар. конгресса – М., 2004. – С. 394.
- 68. Карасик 2002** – Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- 69. Караулов 2007** – Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
- 70. Карпова 2007** – Карпова, Т.Б. Самовыражение личности в Интернете: лингвистический аспект [Текст] / Т.Б. Карпова// Русский язык:

- исторические судьбы и современность: Сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. междунар. конгресса – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 384–385.
- 71. Карцевский 1965** – Карцевский, С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака [Текст] / С.О. Карцевский // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях под ред. Звегинцева В. А., ч. 2, М., 1965. – С. 85–93.
- 72. Катермина 2004** – Катермина, В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков): [монография] [Текст] / В.В. Катермина. – Краснодар: КубГУ, 2004. – 250 с.
- 73. Катермина, Сидорова 2008** – Катермина, В.В., Сидорова, Л. И. Антропонимика: теория и практика (на материале русского и английского языков): Учебное пособие [Текст] / В.В. Катермина, Л. И. Сидорова. – Краснодар: КубГУ, 2008. – 120 с.
- 74. Климкова 2007** – Климкова, Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: [монография] [Текст] / Л. А. Климкова. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.
- 75. Книжникова 2009** – Книжникова, З.О. О семантике имени собственного [Текст] / З.О. Книжникова. – Тула: ТулГУ, 2009. – 325 с.
- 76. Ковалёв 2002** – Ковалёв, Г.Ф. Ономастические этюды: Писатель и имя: [монография] [Текст] / Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж: ВГПУ, 2002. – 275 с.
- 77. Ковалёв 2004** – Ковалёв, Г.Ф. Писатель. Имя. Текст [Текст] / Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 340 с.
- 78. Козлова 1996** – Козлова, М.С. Идея «языковых игр» [Текст] / М.С. Козлова // Философские идеи Людвига Витгенштейна. М., 1996. С. 5–24.

- 79. Кондрашов 2004** – Кондрашов, П.Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / П.Е. Кондрашов. – Краснодар: КубГУ, 2004. – 19 с.
- 80. Коротких 2004** – Коротких, С. А. Ономастика романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» [Текст] / С.А. Коротких. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 199 с.
- 81. Костомаров 1994** – Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [Текст] / В.Г. Костомаров. – М., 1994.
- 82. Крюкова 2004** – Крюкова, И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: [монография] [Текст] / И.В. Крюкова. – Волгоград: Перемена, 2004. – 360 с.
- 83. Крючкова 2003** – Крючкова, М.Я. Многокомпонентные эргонимы в аспекте орфографии: проблема совершенствования нормы правописания: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М.Я. Крючкова. – Волгоград: Перемена, 2003. – 26 с.
- 84. Леонович 2000** – Леонович, О.А. Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире [Текст] / О.А. Леонович // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 17–22.
- 85. Леонович 2002** – Леонович, О.А. В мире английских имен [Текст] / О.А. Леонович. – М.: АСТ, Астрель, 2002. – 160 с.
- 86. Лидин 2006** – Лидин, Р.А. Иностранные фамилии и личные имена. Практика транскрипции на русский язык: Справочник / Р.А. Лидин. – М.: Толмач, 2006.
- 87. Литневская 2007** – Литневская, Е.И. Об Интернете и так называемой «порче языка» [Текст] / Е.И. Литневская // Русский язык: исторические судьбы и современность: Сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. междунар. конгресса – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 393–394.

- 88. Лутовинова 2006** – Лутовинова, О.В. К проблеме категорий виртуального дискурса [Текст] / О.В. Лутовинова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2006. – № 3 (16). – С. 20–25.
- 89. Лутовинова 2007** – Лутовинова, О.В. Современный виртуальный креатифф: о некоторых особенностях языка Рунета [Текст] / О.В. Лутовинова // Русский язык: исторические судьбы и современность: Сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. междунар. конгресса. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 394–395.
- 90. Лутовинова 2008** – Лутовинова, О.В. Проблема виртуализации языковой личности [Электронный ресурс] / О.В. Лутовинова. – 2008. – Режим доступа: <http://www.lingvomaster.ru/files/350.pdf>, свободный [дата обращения – 13.03.2011].
- 91. Лутовинова 2009** – Лутовинова, О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / О.В. Лутовинова. – Волгоград, 2009. – 35 с.
- 92. Макаров 1998** – Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе [Текст] / М.Л. Макаров. – Тверь, 1998. – 200 с.
- 93. Мартынов 1969** – Мартынов, В.В. Номинативные единицы языка и их системное описание [Текст] / В.В. Мартынов // Актуальные проблемы лексикологии (тезисы докладов лингвистической конференции). Вып. 2, ч. 1. – 1969. Новосибирск, – С. 103–110.
- 94. Малышева 2003** – Малышева, М. Кто «намылил» Интернет, или Отцы электронной почты [Электронный ресурс] / М. Малышева. – 2003. – Режим доступа: <http://hostinfo.ru/htmtree/e-mail/creators>, свободный [дата обращения – 12.03.2011].
- 95. Мазенко 2003** – Мезенко, А.М. Имя внутригородского объекта: Об урбанонимах Беларуси XIV-нач. XX в. [Текст] / А.М. Мезенко. – Минск: Изд-во «Вышэйшая школа», 2003. – 299 с.

- 96. Мельников, Афанасьев, Коробушкин 2004** – Мельников, А.В., Афанасьев, П.Ю., Коробушкин, Н.Г. Топонимика географических названий Амурской области [Текст] / А.В. Мельников, П.Ю. Афанасьев, Н.Г. Коробушкин. – Благовещенск: АмурКНИИ ДВО РАН, 2004. – 132 с.
- 97. Миль 1865** – Милль, Дж. Ст. Система логики. [Текст] Том 1 / Дж. Ст. Милль / в пер., под ред. и с прим. П.Л. Лаврова. – С-Пб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1865. – 573 с.
- 98. Михайлов 2004** – Михайлов, С.Н. Жанровая специфика электронной коммуникации [Текст] / С.Н. Михайлов // Русский язык: исторические судьбы и современность: Сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. междунар. конгресса – М., 2004. – С. 380–382.
- 99. Мокрородова 2006** – Мокрородова, Л.А. Русский жжот! (язык СМИ в эпоху новографа) [Текст] / Л.А. Мокрородова // Русский язык и литература: Проблемы преподавания в школе и вузе. – Киев, 2006. – С. 136–140.
- 100. Моррис 1983а** – Моррис, Чарльз У. Основания теории знаков [Текст] / Чарльз У. Моррис // Семиотика. М., 1983. С. 37–89.
- 101. Моррис 1983б** – Моррис, Чарльз У. Из книги «Значение и означивание» [Текст] / Чарльз У. Моррис // Семиотика. М., 1983. С. 118–132.
- 102. Нахимова 2007** – Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации [Текст] / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург: УрГПУ. – 2007. – 207 с.
- 103. Нахимова 2010** – Нахимова, Е.А. Дискуссия о статусе и семантике имени собственного [Текст] / Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург – 2010. – № 1 (31). – С. 171–174.
- 104. Никонов 1974** – Никонов, В.А. Имя и общество [Текст] / В.А. Никонов. – М., 1974. – 280 с.

- 105. Носкова 1997а** – Носкова, В.В. К вопросу о функционировании собственных имен в номинационных парадигмах [Текст] / В.В. Носкова // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы второй международной конференции. – Владимир, 1997. – С. 183-185.
- 106. Носкова 1997б** – Носкова, В.В. Наименование лица на газетной полосе [Текст] / В.В. Носкова (в соавторстве с В.М. Савиной) // Русское слово: тезисы межвузовской конференции. – Орехово-Зуево, 1997. – С. 121-125.
- 107. Носкова 1999** – Носкова, В.В. Новые парадигмы владимирских онимов [Текст] / В.В. Носкова // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы третьей международной конференции. – Владимир, 1999. – С. 138-141.
- 108. Носкова 2003** – Носкова, В.В. К вопросу об активности «ключевых» слов текущего момента [Текст] / В.В. Носкова // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы пятой международной конференции. – Владимир, 2003. – С. 151-154.
- 109. Обухова 2005** – Обухова, Е.С. Ономастика лицейской лирики А. С. Пушкина [Текст] / Е.С. Обухова. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 208 с.
- 110. Плотникова 1998** – Плотникова, Л.И. Процесс порождения нового слова в условиях коммуникации [Текст] / Л.И. Плотникова // Язык. Система. Личность: материалы междунар. научн. конфер. – Екатеринбург, 1998. – С.124–128.
- 111. Полякова 2006** – Полякова, Е.Н. Региональная лексикология и ономастика [Текст] / Е.Н. Полякова. – Пермь, 2006. – 256 с.
- 112. Попов 2003** – Попов, П.А. Воронеж: История города в названиях улиц [Текст] / П.А. Попов. – Воронеж: Кварта, 2003. – 532 с.
- 113. Похлебкин 2009** – Похлебкин, В.В. Великий псевдоним [Электронный ресурс] / В.В. Похлебкин. – 2009. – Режим доступа:

- <http://artifact.org.ru/personalnie-dela-/vilyam-pohlyobkin-velikiy-psevdonim.html>, свободный [дата обращения – 01.08.2014].
- 114. Резанова 2004** – Резанова, З.И., Мишакина, Н.А. Способы языкового выражения самоидентификации личности в виртуальном дискурсе (на материале чатов) [Текст] / З.И. Резанова, Н.А. Мишакина // Европейские исследования Сибири: Материалы всероссийск. научн. конф. Вып. 4. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. – С. 325–335.
- 115. Ремчукова 2005** – Ремчукова, Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики: морфологические ресурсы языка: автореф. дис.... д. филол. наук [Текст] / Е.Н. Ремчукова. – Москва, 2005. – 40 с.
- 116. Репкин** – Репкин, Д. Виртуальная реальность [Электронный ресурс] / Д. Репкин // Режим доступа: http://www.virtual.ru/virtual_reality.html, свободный [дата обращения – 13.03.2011].
- 117. Реформатский 1996** – Реформатский, А.А. Введение в языковедение [Текст] / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
- 118. Рут 2001** – Рут, М.Э. Антропонимы: размышления о семантике [Текст] / М.Э. Рут // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – №20. – С. 39–76.
- 119. Рылов 2006** – Рылов, Ю.А. Имена собственные в европейских языках: Романская и русская антропонимика [Текст] / Ю.А. Рылов. – М.: Аст, Восток-Запад, 2006. – 311 с.
- 120. Сентеберг 1994** – Сентеберг, И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте [Текст] / И.В. Сентеберг // Языковая личность: проблемы значения и смысла: сб. научн. тр. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 14–24.
- 121. Серебренников 1970** – Общее языкознание / Институт языкознания АН СССР / под ред. Серебренникова Б.А [Текст]. – М.: Наука, 1970. – 604 с.

122. **Сидорова 2006** – Сидорова, М.Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. [Текст] Ч. 1. Межличностное общение / М.Ю. Сидорова. – М., 2006. – 196 с.
123. **Сидорова, Шувалова 2006** – Сидорова, М.Ю., Шувалова, О.Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. [Текст] / М.Ю. Сидорова, О.Н. Шувалова. – М., 2006. – 184 с.
124. **Сироткина 2008** – Сироткина, Т.А. Категория этничности в русском языке (на материале Пермского края): [монография] [Текст] / Т.А. Сироткина. – Пермь, 2008. – 215 с.
125. **Скородумова 2004** – Скородумова, О.Б. Виртуальная личность и свобода (к проблеме социокультурных истоков понимания свободы в Интернете) [Текст] / О.Б. Скородумова // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2004. – №2. – С. 75–96.
126. **Смирнов 2004а** – Смирнов, С.Н. Жанровая специфика электронной коммуникации [Текст] / С.Н. Смирнов // Русский язык: исторические судьбы и современность: Сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. междунар. конгресса – М., 2004. – С. 245.
127. **Смирнов 2004б** – Смирнов, Ф.О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Ф.О. Смирнов. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2004. – 224 с.
128. **Соков 2011** – Соков А.А. Языковая личность в условиях виртуального дискурса [Текст] / А.А. Соков // Записки лингвофилософского клуба. – Владимир, 2011. – С. 60–65.
129. **Солнцев 1977** – Солнцев, В.М. Языковой знак и его свойства [Текст] / В.М. Солнцев // Вопросы языкознания № 2. – 1977. – С.15–27.
130. **Соссюр 1933** – Соссюр, Ф. де, Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – М., 1933. – 278 с.

- 131. Суперанская 2009** – Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 367 с.
- 132. Супрун 2004** – Супрун, В.И. Развитие ономастического пространства Интернета [Текст] / В.И. Супрун // Ономастика Поволжья: мат-лы 9 Междунар. конф. по ономастике Поволжья. – М., 2004. – С. 53–58.
- 133. Сусов 2006** – Сусов, И.П. Лингвистическая прагматика [Текст] / И.П. Сусов. – Тверь, 2006. – 200 с.
- 134. Сутырина 2005** – Сутырина, Ю.А. Об особенностях функционирования русского языка в глобальной сети [Текст] / Ю.А. Сутырина // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: Сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. конф. – Владимир: ВГПУ, 2005 – С. 187–192.
- 135. Тамерьян 2006** – Тамерьян, Т.Ю. Моделирование языковой личности в свете современных концепций [Текст] / Т.Ю. Тамерьян // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: сб. науч. тр. Вып VIII / Под ред. Т.Ю. Тамерьян. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006. – С. 117–126.
- 136. Тарланов 1995** – Тарланов, З.К. Методы и принципы лингвистического анализа [Текст] / З.К. Тарланов. – Петрозаводск, 1995. – 190 с.
- 137. Трапезникова 2010** – Трапезникова, А.А. Ономастическое сознание современного горожанина (на материале эргонимии Красноярск): автореф. дис... канд. филол. наук [Текст] / А.А. Трапезникова. – Красноярск, 2010. – 21 с.
- 138. Трофимова 2001** – Трофимова, Г.Н. К вопросу о специфике функционирования языка в Интернете (норма и узус) [Электронный ресурс] / Г.Н. Трофимова. – 2001. – Режим доступа: <http://www.dialog->

- 21.ru/Archive/2001/volume1/1_39.htm, свободный [дата обращения – 12.03.2011].
- 139. Трофимова 2004** – Трофимова, Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты [Текст] / Г.Н. Трофимова. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 436 с.
- 140. Фёдорова 2006** – Фёдорова, Н. Н. Трансформация языкового знака в поэтическом тексте (на материале поэзии А. А. Ахматовой): дис. ... канд. филол. наук. [Текст] / Н.Н. Фёдорова. – Краснодар, 2006. – 142 с.
- 141. Фридрих 1979** – Фридрих, И. История письма [Текст] / И. Фридрих – М.: Наука, 1979. – 463 с.
- 142. Фурашов 2003** – Фурашов, В.И. О полевой структуре, шкале переходности и синкретизме (применительно к синтаксическим явлениям) [Текст] / В.И. Фурашов // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: Сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. конф. – Владимир: ВГПУ, 2003. – С. 214–219.
- 143. Хорикова 2010** – Хорикова, В.С. Когнитивный анализ никнеймов пользователей сети интернет [Текст] / В.С. Хорикова // Вопросы когнитивной лингвистики, № 3. – Тамбов, 2010. – С. 64–68.
- 144. Чабаненко 2007** – Чабаненко, М.Г. Молодёжный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М.Г. Чабаненко. – Кемерово, 2007. – 32 с.
- 145. Чернявская 2001** – Чернявская, В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований [Текст] / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. – СПб., 2001 – С. 11–22.
- 146. Шанский и др. 1987** – Шанский, Н.М., Тихонов, А.Н. Словообразование. Морфология. Ч. 2 [Текст] / Н.М. Шанский, А.Н.

- Тихонов // Современный русский язык в 3 ч. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
147. **Шарифуллин 2007** – Шарифуллин, Б.Я. «Превед, красавчег», или «албанский вариант» околокомпьютерного общения [Текст] / Б.Я. Шарифуллин // Социальные варианты языка-V: Материалы междунар. научн. конф. – Нижний Новгород, 2007. – С. 324–327.
148. **Шейгал 1996** – Шейгал, Е. И. Компьютерный жаргон как лингвокультурный феномен [Текст] / Е.И. Шейгал // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 204–211.
149. **Щерба 1974** – Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба. – Л., 1974. – 428 с.
150. **Щербаков 2001** – Щербаков, М.А. Модель уровней самоидентификации личности [Электронный ресурс] / М.А. Щербаков. – 2001. – Режим доступа: http://www.ipd.ru/articles/ident_article.shtml, свободный [дата обращения – 12.03.2011].
151. **Шпет 1922–1923** – Шпет, Г. Эстетические фрагменты, вып. 3. [Текст] / Г. Шпет / Петроград, 1922–1923.
152. **Юдина 2006** – Юдина, Н.В. Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте: [монография] [Текст] / Н.В. Юдина. – М.-Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГПУ, 2006. – 427 с.
153. **Юдина 2010** – Юдина, Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? [монография] [Текст] / Н.В. Юдина. – М.: Гнозис, 2010. – 293 с.
154. **Якобсон 1970** – Якобсон, Р. В поисках сущности языка [Текст] / Р. Якобсон // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики, с. 16, М., 1970. – С. 4–15.
155. **Ходоренко 2006** – Ходоренко, А.В. Найменування осіб у російськомовній Інтернет-комунікації: структурний і семантичний

- аспекті: автореф. дис. ... канд. філол. наук[Текст] / А.В. Ходоренко. – Дніпропетровськ, 2006. – 18 с.
- 156. Ходоренко 2007** – Ходоренко, А.В. Структурное оформление речевых актов в именах пользователей сетью Интернет [Текст] / А.В. Ходоренко// Англїстика та американїстика: Зб. наук. праць – Вип.4. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2007. – С. 87–91.
- 157. Gardiner 1954** – Gardiner, A.H. The theory of proper names. 2-nd ed. Oxford, 1954. – 79 p.
- 158. Levinson 1985** – Levinson, Stephen C. Pragmatics. Cambridge etc., 1985. – 420 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- 1. Агеева, Бондарук, Поспелов, Соколова, Шилов 2007** – Агеева, Р. А., Бондарук, Г. П., Поспелов, Е. М., Соколова, Т. П., Шилов, А. Л. Имена московских улиц: Топонимический словарь [Текст] / Р. А. Агеева, Г. П. Бондарук, Е. М. Поспелов, Т. П. Соколова, А. Л. Шилов. – М.: ОГИ, 2007. – 334 с.
- 2. Ахманова 1966** – Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М., 1966. – 608 с.
- 3. Багомедов 2006** – Багомедов, М.Р. Словарь даргинских личных имен [Текст] / М.Р. Багомедов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. – 170 с.
- 4. БСЭ 2008** – Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. [Текст] // М.: 2008. – 672 с.
- 5. БЭС 1998** – Большой энциклопедический словарь. Языкознание. [Текст] / В.Н. Ярцев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
- 6. Воробьёв 2005** – Воробьёв, В.М. Тверской топонимический словарь: Названия населенных мест [Текст] / В.М. Воробьёв. – М.: Русский путь, 2005. – 472 с.
- 7. Грамматика современного русского литературного языка 1970** – Грамматика современного русского литературного языка [Текст] / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 276 с.
- 8. Григорьев, Колодяжная, Шестакова 2005** – Григорьев, В.П., Колодяжная, Л.И., Шестакова Л.Л. Собственное имя в русской поэзии XX в.: Словарь личных имен [Текст] / В.П. Григорьев, Л.И. Колодяжная, Л.Л. Шестаков. – М., 2005. – 448 с.
- 9. Жеребило 2005** – Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т.В. Жеребило. – 4-е изд., испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2005. – 376 с.

10. **Ковалёв 2007** – Ковалёв, Г.Ф. Микротопонимия Воронежской области: Словарь (Серия «Ономастическая энциклопедия Воронежской области», том 1) [Текст] / Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж: Артефакт, 2007. – 408 с.
11. **ЛЭС 1990** – Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
12. **Майорова, Майоров 2005** – Майорова, Т.В., Майоров, М.В. Улицы Тулы. XVII веков. Энциклопедический словарь-справочник тульских городских названий [Текст] / Т.В. Майорова, М.В. Майоров. – Тула, 2005. – 172 с.
13. **Можейко 1999** – Можейко, М.А. Языковая игра [Текст] / М.А. Можейко // Новейший философский словарь. – Минск, 1999. – С. 1007-1008.
14. **Ожегов 2005** – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / РАН. Ин-т рус.яз. – М.: АЗЪ LTD, 2005. – 416 с.
15. **Подольская 1988** – Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Отв. ред. А.В. Суперанская; Институт языкознания АН СССР. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 200 с.
16. **Розенталь, Теленкова 1976** – Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 399 с.
17. **Рыбакин 2000** – Рыбакин, А.И. Словарь английских фамилий / А.И. Рыбакин. – М.: АСТ, Астрель, 2000. – 576 с.
18. **Словарь русского языка 1981** – Словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981. – т. 1-4. – 800 с.

19. **ССРЛЯ 1950-1965** – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. [Текст] / М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, Наука, 1950 – 1965. – т. 1-17. – 15 000 с.
20. **ССРЛЯ 1991** – Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. [Текст] / гл. ред. К.С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Русский язык, 1991. – 960 с.
21. **СРЯ 2008** – Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX – XXI в. [Текст] / отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 712 с.
22. **ТСРЯ 2000** – Толковый словарь русского языка в 4 т. [Текст] / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель: АСТ, 2000. – 848 с.
23. **ТССРЯ 2001** – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия [Текст] / под ред. Г.Н. Складервской. – М.: Фолио-Пресс, 2001. – 894 с.
24. **ТСРЯ 2003** – Толковый словарь русского языка начала XXI века, Актуальная лексика [Текст] / под ред. Г.Н. Складервской. – М.: Фолио-Пресс, 2003. – 1136 с.